

CHRISTIAN
JASCO

УБИТАЯ
ПИРАМИДА

Кристиан Жак

Тайный заговор против Рамсеса II набирает обороты. Похищения, осквернения гробниц убийства. И только один человек способен остановить надвигающееся безумие — простой судья... Сможет ли он противостоять древним проклятиям и козням врагов?

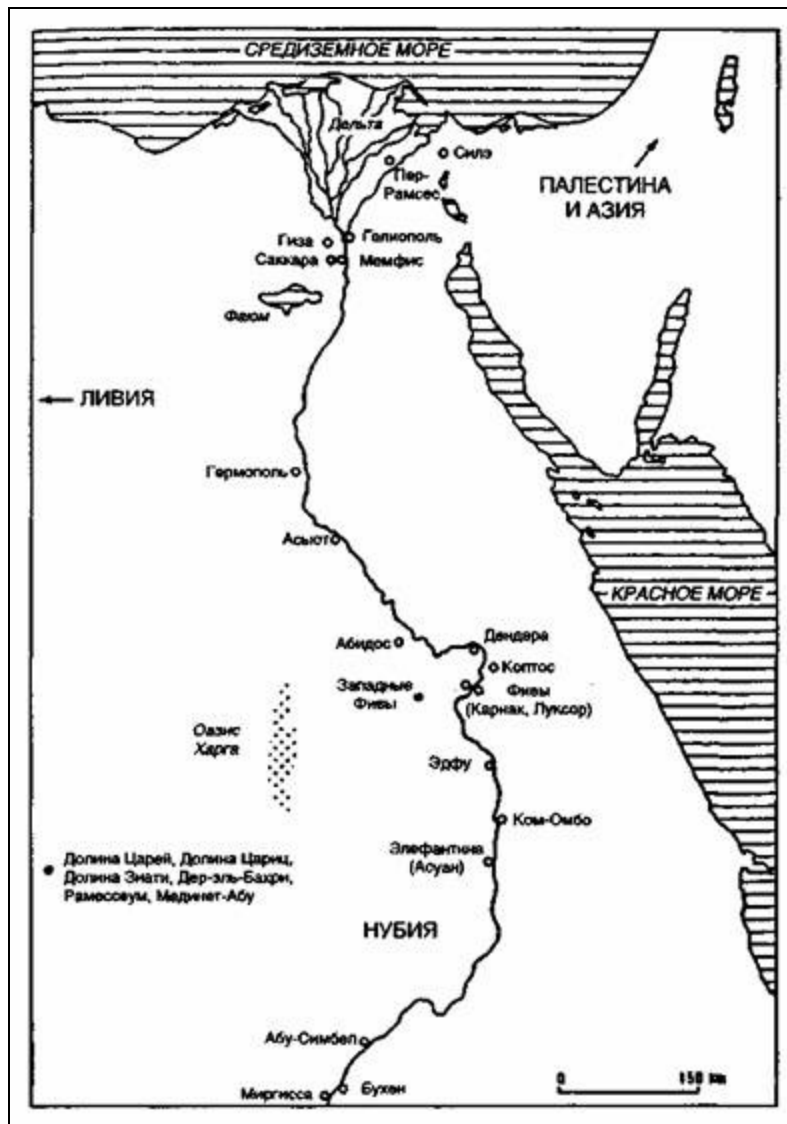
Великий Египет, загадочные пирамиды, ложь и коварство друзей, тайные заклятия, мистические совпадения и изощренные преступления — все это в книге «Убитая пирамида»!

Кристиан Жак

Убитая пирамида

Безлунная ночь окутала мраком Великую пирамиду. Юркая песчаная лисица скользнула к усыпальницам вельмож, продолжавших в мире ином воздавать почести фараону. Стража охраняла покой грандиозного монумента, куда один лишь Рамсес Великий входил раз в год, дабы почтить память своего славного предка Хеопса; ходили слухи, что мумия отца высочайшей из пирамид покоится в золотом саркофаге, украшенном с невиданной роскошью. Но кто бы дерзнул польститься на столь бдительно охраняемые сокровища? Никто, кроме венценосного владыки, не мог переступить каменный порог и найти дорогу в лабиринте гигантского сооружения. Воины элитного отряда, стоявшего на страже пирамиды, стреляли без предупреждения; множество стрел мгновенно покарало бы всякого за неосторожность или любопытство.

Царствование Рамсеса было счастливым; богатство и мир вознесли Египет над всеми прочими странами. Фараон представлялся воплощением света, придворные служили ему с благоговением, народ прославлял его имя.

Пятеро заговорщиков вышли из хижины для рабочих, где прятались днем. Сто раз репетировали они свой план, зная, что ни в чем нельзя полагаться на волю случая. Если все пройдет успешно, рано или поздно они станут хозяевами страны и впишут себя в ее историю.

Одетые в туники из грубого льна, они шли вдоль Гизехского плато, то и дело лихорадочно поглядывая на Великую пирамиду.

Напасть на стражу было бы безумием; возможно, кто-то до них уже мечтал завладеть сокровищем, но никому еще это не удалось.

Месяц назад большой сфинкс был очищен от слоя песка, нанесенного многочисленными бурями. Гигант с глазами, возведенными к небу, охранялся слабо. Одного имени «живой статуи» и внушаемого ею ужаса было довольно, чтобы держать зевак на расстоянии. Фараон с телом льва, высеченный из известняка в незапамятные времена, — сфинкс обеспечивал восход солнца и знал тайны Вселенной. Пять воинов-ветеранов составляли его почетную стражу. Двое из них привалились к стене ограды с внешней стороны, лицом к пирамидам, и крепко спали. Они ничего не увидят и не услышат.

Самый ловкий из заговорщиков перелез через стену; проворно и тихо он задушил солдата, спавшего у правого бока каменного великана, а потом расправился с его товарищем, стоящим у левого плеча.

К нему присоединились остальные заговорщики. Устранить третьего ветерана будет не так просто. Начальник стражи стоял на посту перед стелой Тутмоса IV^[1], установленной между лапами сфинкса в память о том, что именно ему фараон был обязан своим тронном. Вооруженный копьем и кинжалом, солдат был способен оказать сопротивление.

Один из заговорщиков скинул тунику.

К стражнику направилась обнаженная девушка.

Ошеломленный солдат не мог отвести глаз от видения. Неужели эта женщина — один из ночных демонов, что бродят вокруг пирамид и похищают души? Она приближалась к нему с улыбкой на устах. Обезумевший страж вскочил и потряс копьем; рука его дрожала. Женщина остановилась.

— Сгинь, призрак, исчезни!

— Я не причиню тебе вреда. О, позволь мне ублажить тебя ласками.

Взгляд главного стражника застыл на обнаженном теле — этом белом пятне во мраке ночи. Зачарованный, он сделал шаг ей навстречу.

Когда веревка обвилась вокруг его шеи, ветеран выронил копье, упал на колени, тщетно попытался закричать и рухнул на землю.

— Путь открыт.

— Я зажгу светильники.

Пятеро заговорщиков, стоя перед стелой, в последний раз обсудили свой план и решили действовать, несмотря на терзавший их страх. Они отодвинули стелу и уставились на запечатанный сосуд, обозначающий место, где находилось жерло преисподней, вход в недра земли.

— Так, значит, это не легенда!

— Посмотрим, верно ли, что здесь можно пройти.

Под сосудом обнаружилась плита с кольцом.

Вчетвером они едва сдвинули ее с места.

Узкий, очень низкий коридор круто уходил вниз, в каменные глубины.

— Светильники, скорее!

В долеритовые^[2] чаши они налили очень жирное, легко воспламеняющееся каменное масло. Фараон запретил его использование и продажу, так как черный дым, выделявшийся при сжигании, плохо влиял на самочувствие ремесленников, украшавших храмы и гробницы, и коптил потолки и стены. Мудрецы утверждали, что эта «нефть»^[3], как называли ее варвары, была вредоносным и опасным веществом, тлетворным испарением скал, полным гибельных миазмов. Но заговорщикам до этого не было дела.

Согнувшись в три погибели, то и дело ударяясь о потолок из песчаника, они быстро продвигались по узкому коридору к подземной части Великой пирамиды. Все молчали: из головы не выходила зловещая сказка о духе, разбивающем череп всякому, кто осмелится осквернить гробницу Хеопса. Что, если этот подземный ход уводит их прочь от цели? Существовали ведь ложные планы, призванные запутать тех, кто решится на грабеж. Окажется верен раздобытый ими план или нет?

Заговорщики уперлись в каменную стену и стали долбить ее долотом; к счастью, глыбы были невелики и поддались. Они пролезли в просторное помещение с земляным полом, имевшее три с половиной метра в высоту, четырнадцать в длину и восемь в ширину. Посередине зиял колодец.

— Нижняя камера... Мы в Великой пирамиде! Удалось.

Коридор^[4], забытый много поколений назад, вел от сфинкса к гигантскому монументу Хеопса. Первый зал располагался на глубине примерно тридцати метров от основания пирамиды. В этой самой утробе, образно представлявшей чрево земли, совершались первые ритуалы воскрешения.

Теперь им предстояло пролезть в колодец, углубиться в каменный массив и выйти в коридор, начинавшийся за тремя гранитными препонами.

Самый легкий стал карабкаться вверх, цепляясь за выступы скальной породы и упираясь ногами. Он добрался до верха, обвязался веревкой и бросил ее конец вниз. Из-за нехватки воздуха один из заговорщиков чуть было не потерял сознание; его оттащили к большой галерее, где он снова смог дышать.

Величие места ослепило их. Не безумен ли был тот зодчий, что дерзнул водрузить друг

на друга семь рядов каменных глыб? Сорок семь метров в длину, восемь с половиной в высоту — огромная галерея, уникальное по размерам и расположению внутри пирамиды сооружение, бросала вызов векам. Как считали зодчие Рамсеса, никогда ни один архитектор не отважится больше на такое.

Один из заговорщиков, оробев, попятился, но сильным толчком в спину главарь заставил его двигаться вперед. Глупо отступать, когда цель так близко; теперь они могли радоваться точности своего плана. Оставалось, правда, одно опасение: не опущена ли каменная решетка между верхним концом большой галереи и коридором, ведущим в царскую камеру? В этом случае обойти препятствие будет невозможно и придется возвращаться ни с чем.

— Проход открыт.

Грозные углубления, в которые должны были упираться огромные глыбы, были пусты. Заговорщики пригнувшись вошли в царскую камеру, потолок которой был сложен из девяти гранитных блоков весом более четырехсот тонн. Зал, высотой около шести метров, скрывал в себе сердце империи — саркофаг фараона, стоявший на идеально чистом серебряном полу.

Они заколебались.

До сих пор они вели себя как исследователи, отправившиеся на поиски неведомой земли. Правда, они совершили три преступления, за которые предстояло держать ответ перед судом иного мира, но ведь они действовали на благо страны и народа, готовясь свергнуть тирана. Если они вскроют саркофаг, если вынут из него сокровища, то нарушат вечный покой не мумифицированного человека, но бога, живущего в своем светоносном теле. Они оборвут последнюю связь с тысячелетней цивилизацией и вызовут к жизни новый мир, который никогда не признает Рамсес.

Им захотелось бежать, хотя чувствовали они себя изумительно. Доступ воздуха обеспечивали два вентиляционных канала, проделанные в северной и южной стенах пирамиды, от пола исходила энергия, вселявшая в людей неведомую силу.

Так, значит, вот как возрождается фараон — он вбирает в себя мощь, порождаемую камнем и формой сооружения!

— У нас мало времени.

— Уйдем.

— И речи быть не может.

Подожли двое, потом третий, а за ними и остальные. Вместе они приподняли крышку саркофага и положили ее на пол.

Сияющая мумия... вся в золоте, серебре и лазурите, исполненная такого величия, что грабители не смогли выдержать ее взгляда. В ярости главный заговорщик сорвал золотую маску; его приспешники сняли с мумии ожерелье и лежавшего на месте сердца скарабея, тоже из золота, лазуритовые амулеты и тесло из небесного железа^[5] — инструмент, предназначенный для того, чтобы открывать уста и очи в загробном мире. Но эти сокровища показались им почти безделицей при виде золотого свитка, который олицетворял собой Вечный Закон, вверяемый одному лишь фараону, и особенно при виде небольшого чехла в форме ласточкиного гнезда.

Внутри него находилось завещание богов.

Согласно этому тексту, фараон наследовал Египет и брал на себя заботу о счастье и процветании страны. Во время торжественного ритуала царского юбилея он должен был предъявить этот документ придворным и народу как доказательство законности своего

царствования. Если же сделать это будет невозможно, рано или поздно фараону придется отречься от престола.

Скоро на страну обрушатся бедствия и катастрофы. Осквернив сердце пирамиды, заговорщики взбаламутили главный источник энергии и нарушили эманацию ка — нематериальной силы, которой наделено каждое живое существо. Грабители завладели ящиком со слитками небесного железа, редкого металла, ценившегося не меньше золота. Оно поможет им усовершенствовать механизм переворота.

Мало-помалу несправедливость распространится в провинциях, народ возропщет на фараона и страну захлестнет разрушительная волна недовольства.

Им оставалось только выйти из Великой пирамиды, спрятать добычу и доплести свою паутину.

Прежде чем разойтись, они дали клятву: всякий, кто встанет у них на пути, будет устранен. Такова была цена власти.

После долгих лет жизни, отданных искусству врачевания, Беранир наслаждался покоем в своем жилище в Мемфисе.

Старый лекарь был крепко сложен, широкоплеч, густые серебристые волосы обрамляли строгое лицо, в котором ощущались доброта и величие духа. Его природное благородство чувствовали и сильные мира сего, и простые смертные, и не было на памяти людей случая, чтобы кто-нибудь обошелся с ним непочтительно.

Сын мастера по изготовлению париков, Беранир покинул отчий дом, чтобы стать скульптором, живописцем и рисовальщиком; один из царских мастеров позвал его в Карнакский храм. Однажды, когда община собралась за трапезой, одному из каменотесов стало плохо; Беранир инстинктивно оказал на него магнетическое воздействие и вырвал из когтей неминуемой смерти. Врачеватели храма не оставили без внимания столь ценный дар, и Беранир стал постигать искусство медицины, перенимая опыт знаменитых целителей. Неподвластный искушениям придворной жизни, безразличный к почестям, он посвятил свою жизнь тому, чтобы исцелять.

Однако покинуть большой северный город и отправиться в маленькое селение, расположенное недалеко от Фив, его побудила не профессиональная необходимость. Ему предстояло выполнить другую миссию, настолько деликатную, что, казалось, она заранее обречена на провал; но он не склонен был отступать, не перепробовав все возможные пути.

Вид родного селения, притаившегося в тени пальмовой рощи, взволновал Беранира. Он велел остановить носилки возле зарослей тамариска, чьи ветви свисали до самой земли. Воздух был свеж, солнце светило ласково. Он засмотрелся на крестьян, работавших под звуки флейты.

Один пожилой и двое молодых земледельцев разбивали мотыгами комья земли на недавно орошенном поле. Беранир подумал о том, как ил, ежегодно приносимый половодьем, примет в себя семена и как втопчут их в землю стада свиней и овец. Природа даровала Египту неоценимые богатства, сохранить которые помогал труд человека. Так день за днем воплощалась благословенная вечность на нивах возлюбленной богами страны.

Беранир продолжил свой путь. У входа в селение ему повстречалась бычья упряжка; один бык был черный, другой — белый с коричневыми пятнами. Послушные деревянному ярму, закрепленному на рогах, они спокойно продвигались вперед.

У одной из глинобитных хижин мужчина на корточках доил корову, предварительно опутав ей задние ноги. Помогавший ему мальчишка сливал молоко в кувшин.

Беранир с волнением вспомнил то стадо коров, что он некогда пас; их звали Добрый Совет, Голубь, Солнечная Вода, Благодатный Разлив. Для семьи корова была целым состоянием, и к тому же воплощением доброты и кротости. Ее большие уши улавливали музыку звезд, находившихся, как и она сама, под покровительством богини Хатхор. Для египтянина не было животного привлекательнее. «Какой великолепный день, — пел, бывало, египетский пастух, — небо благоволит ко мне, а работа моя сладка, как мед»^[6]. Правда, надсмотрщик иногда призывал его к порядку и приказывал поторапливаться и гнать скот, а не ротозейничать. А коровы, как обычно, шли своей дорогой, не прибавляя шага. Старый лекарь почти успел позабыть эти простые сцены, эту безмятежную повседневную жизнь, не предвещавшую никаких неожиданностей, жизнь, где взгляд каждого был лишь

одним из многих, где движения повторялись из века в век, приливы и отливы определяли ритм жизни поколений.

Вдруг громкий голос нарушил покой селения.

Общественный обвинитель призывал жителей на суд, а судебный распорядитель, отвечавший за безопасность и соблюдение порядка, вел за руку женщину, клявшуюся в своей невиновности.

Суд расположился под сенью смоковницы; председательствовал Пазаир — судья, который в двадцать один год уже снискал доверие старейшин. Обычно на эту должность назначали человека зрелых лет, обладавшего солидным опытом, отвечавшего за свои решения имуществом, если он был богат, и головой, если у него ничего не было; поэтому претендентов на должность даже простого сельского судьи было не так уж много. Судью, уличенного в нарушении закона, карали так же строго, как убийцу; иначе не могло вершиться истинное правосудие.

У Пазаира не было выбора; благодаря твердости характера и не вызывавшей сомнений неподкупности он был единогласно избран советом старейшин. Несмотря на свою молодость, судья заслуживал высокой оценки, ибо тщательнейшим образом изучал каждое дело.

Довольно высокий, худощавый шатен с крутым лбом и живым взглядом зеленых глаз с карим отливом, Пазаир поражал своей бесстрастностью: ни гнев, ни слезы, ни соблазны не могли его поколебать. Он слушал, вглядывался, искал и высказывал свое суждение лишь после долгого и кропотливого расследования. В селении иной раз удивлялись такой въедливости, но радовались его любви к истине и способности улаживать конфликты. Многие боялись его, поняв, что он не признает компромиссов и не склонен к снисходительности, но ни одно из его решений не подверглось пересмотру.

По обе стороны от Пазаира сидели присяжные, всего восемь человек: сельский управитель, его супруга, два землепашца, два ремесленника, пожилая вдова и начальник ирригационных работ. Всем перевалило за пятьдесят.

Судья открыл заседание молитвой Маат^[7] — богине, воплощавшей Порядок, которому должно всячески стремиться следовать людское правосудие. Потом он зачитал обвинение, выдвинутое против молодой женщины, которую судебный распорядитель крепко держал, повернув лицом к суду. Приятельница обвиняла ее в краже заступа, принадлежавшего ее мужу. Пазаир попросил истцу вслух подтвердить свои претензии, а ответчицу — защищаться. Первая выступила спокойно и рассудительно, вторая пылко все отрицала. В соответствии с законом, действовавшим испокон веков, никакой защитник не выступал в роли посредника между судьей и участниками процесса.

Пазаир приказал ответчице успокоиться. Истица взяла слово, чтобы выразить свое удивление небрежностью правосудия; ведь еще месяц назад она изложила факты писцу, помогавшему Пазаиру, а суд так и не был созван. Ей пришлось подавать прошение второй раз. За это время воровка могла уничтожить улики.

— Кто был свидетелем кражи?

— Я сама, — ответила истица.

— Где был спрятан заступ?

— В доме у ответчицы.

Та снова принялась все отрицать, да с таким жаром, что произвела впечатление на присяжных. Казалось, она говорит от чистого сердца.

— Произведем обыск прямо сейчас, — распорядился Пазаир.

Судье надлежало превратиться в следователя и лично проверить показания и улики на месте преступления.

— Вы не имеете права заходить в мой дом! — закричала ответчица.

— Вы признаете свою вину?

— Нет! Я невиновна!

— Ложь в суде — тяжелое преступление.

— Это она солгала!

— В таком случае ее ждет суровое наказание. Подтверждаете ли вы свои обвинения? — спросил Пазаир, глядя истице прямо в глаза.

Она кивнула.

Суд под предводительством судебного распорядителя отправился в дом к ответчице. Судья лично произвел обыск. Заступ был найден в погребе, завернутый в тряпье и спрятанный за кувшинами с маслом.

У виновной подкосились ноги. В соответствии с законом присяжные приговорили ее вернуть жертве украденное в двойном размере, то есть два новых заступа. Кроме того, за ложь под присягой полагались пожизненные каторжные работы или даже высшая мера в случае серьезного преступления. Женщине придется много лет работать на полях местного храма, не получая за это никакого вознаграждения.

Прежде чем присяжные разошлись, спеша заняться своими делами, Пазаир вынес еще один, на сей раз неожиданный приговор: пять палочных ударов помощнику-писцу за проволочку в рассмотрении тяжбы. По учению мудрых, уши человека находятся у него на спине, так что он услышит голос палки и впредь не допустит небрежности.

— Судья уделит мне несколько минут?

Пазаир обернулся, озадаченный. Этот голос...

Возможно ли?

— Вы!

Беранир и Пазаир обнялись.

— Вы... в деревне?

— Возвращаюсь к истокам.

— Пойдемте под смоковницу.

Двое мужчин расположились на низких сиденьях под большой смоковницей, где в тени отдыхали старейшины. На одной из ветвей висел бурдюк с прохладной водой.

— Помнишь, Пазаир? Ведь именно здесь я открыл тебе твоё тайное имя после смерти твоих родителей. Пазаир, «провидец, тот, кто различает вдали»... А ведь совет старейшин не ошибся, дав тебе его. Чего еще хотеть от судьи?

— Я перенес обрезание, селение подарило мне мою первую набедренную повязку, я отбросил игрушки, отведал жареной утки и пригубил красного вина. Какой чудесный праздник!

— Мальчик быстро стал мужчиной.

— Слишком быстро?

— У каждого время идет по-своему. У тебя юность и зрелость уживаются в одном сердце.

— Вы же меня воспитали.

— Ты прекрасно знаешь, что нет; ты сделал себя сам.

— Вы научили меня читать и писать, вы дали мне возможность познать закон и посвятить ему жизнь. Если бы не вы, я стал бы крестьянином и с любовью пахал бы землю.

— Ты человек другой породы. Величие и счастье страны зависит от того, какие у нее судьбы.

— Быть справедливым... это ежедневное сражение. Кто может похвастаться, что всегда побеждает?

— Ты хочешь этого, вот что самое главное.

— Наше селение — тихая гавань; эта досадная тяжба — исключение.

— А разве тебя не назначили смотрителем хлебного амбара?

— Управитель хочет, чтобы я занял пост управляющего полем фараона, чтобы избежать конфликтов во время сбора урожая. Мне это совсем не нужно и, надеюсь, этого не случится.

— Я в этом уверен.

— Почему?

— Потому что тебя ждут другие дела.

— То есть?

— Я приехал с поручением, Пазаир.

— Дворец?

— Суд в Мемфисе.

— Разве я нарушил закон?

— Наоборот. Вот уже два года, как чиновники, наблюдающие за сельскими судьями, составляют лестные отчеты о твоём поведении. Тебя назначили в провинцию Гизы на место умершего судьи.

— Гиза, так далеко отсюда!

— Несколько дней по реке. Ты будешь жить в Мемфисе.

Гиза, знаменитейшее место, Гиза, где высится Великая пирамида Хеопса, таинственный жизненный центр, от которого зависит гармония всей страны, гигантский памятник, куда может проникнуть один лишь царствующий фараон.

— Я счастлив в своем селении; здесь я родился, здесь вырос, здесь тружусь. Уехать отсюда — слишком большое испытание.

— Я поддержал твое назначение, так как считаю, что ты нужен Египту. Не такой ты человек, чтобы руководствоваться эгоистическими интересами.

— Решение окончательное?

— Ты можешь отказаться.

— Мне надо подумать.

— Тело человека больше хлебного амбара, и в нем бесчисленное множество ответов. Выбери верный. А неверный держи взаперти.

Пазаир направился к берегу. В этот момент на карту была поставлена его жизнь. У него не было ни малейшего желания отказываться от своих привычек, от мирных сельских радостей, от фиванских просторов ради того, чтобы затеряться в большом городе. Но как сказать об этом Бераниру, человеку, перед которым он преклонялся? Он поклялся откликнуться на его зов, невзирая на последствия.

По берегу реки величаво ступал большой белый ибис с черными перьями в хвосте и по кромке крыльев. Гордая птица остановилась, опустила свой длинный клюв в ил и обратила взгляд на судью.

— Птица Тота выбрала тебя, — раздался хриплый голос пастуха Пеги, отдохавшего в

тростнике. — У тебя нет выбора.

Семидесятилетний Пепи был по натуре ворчлив и не любил ни в чем себя стеснять. Одинокое существование среди животных казалось ему верхом блаженства. Не желая подчиняться ничьим приказам, он ловко орудовал своей сучковатой палкой и умел вовремя укрыться в зарослях папируса, когда в селение, как стая воробьев, слетались сборщики налогов. Пазаир решил не вызывать его в суд. Старик не терпел жестокого обращения с коровой или собакой и охотно брался проучить виновного, поэтому судья считал его в некотором роде своим помощником.

— Приглядишься к ибису, — настаивал Пепи, — длина его шага — локоть, символ правосудия. Да будет поступь твоя столь же пряма и тверда, как у птицы Тота. Ты ведь уезжаешь, правда?

— Откуда ты знаешь?

— Ибис летает далеко в небе. Он указал на тебя.

Старик встал. Его кожа потемнела от ветра и солнца, на нем была только тростниковая набедренная повязка.

— Беранир — единственный честный человек, которого я знаю. Он не пытается обмануть тебя, не желает тебе зла. Когда станешь жить в городе, опасайся чиновников, придворных и льстецов: их речи несут в себе смерть.

— Мне не хочется уезжать из селения.

— А думаешь, мне хочется идти искать заблудившуюся козу?

Пепи исчез в зарослях тростника.

Белая с черным птица поднялась в воздух. Огромные крылья отбивали одной лишь ей ведомый такт; она полетела на север.

Беранир прочел ответ в глазах Пазаира.

— Приезжай в Мемфис к началу будущего месяца; поживешь у меня до вступления в должность.

— Вы уже уезжаете?

— Я больше не практикую, но все же кое-кто из больных нуждается в моих услугах. Я бы тоже с радостью остался.

Носилки исчезли в дорожной пыли.

Управитель окликнул Пазаира.

— Нам предстоит разобрать одно щекотливое дело: три семьи претендуют на владение одной пальмой.

— Да, знаю. Тяжба длится уже три поколения. Поручите это моему преемнику; если он не справится, я разберусь, когда вернусь.

— Ты уезжаешь?

— Меня призывают в Мемфис.

— А как же пальма?

— Пусть растет.

Пазаир проверил прочность своей кожаной дорожной сумки, снабженной двумя деревянными стержнями, которые втыкались в землю, чтобы мешок сохранял вертикальное положение. Когда сумка будет полной, он понесет ее на спине, привязав к туловищу широким ремнем.

Что же туда положить? Прямоугольный кусок материи для новой набедренной повязки, плащ и, разумеется, плетеную циновку. Сделанная из тщательно скрепленных полосок папируса, циновка служила кроватью, столом, ковром, навесом, ширмой у двери или окна, оберткой для ценных предметов. Последний раз в жизни человека она использовалась как саван: в нее заворачивали тело. Приобретенный Пазаиром экземпляр обладал редкой прочностью и был лучшим предметом обстановки в доме. И еще бурдюк, сшитый из двух дубленых козьих шкур: вода в нем часами оставалась прохладной.

Стоило открыть дорожную сумку, как тут же подбежал песочного цвета пес и принялся ее обнюхивать. Трехлетний Смелычак был помесью борзой и дикой собаки; у него были длинные лапы, короткая морда, висячие уши, встававшие торчком при малейшем шорохе, и хвост, загнутый кольцом. Хозяина он обожал. Любитель долгих прогулок, он мало охотился и предпочитал готовую еду.

— Мы уезжаем, Смелычак.

Пес с тревогой смотрел на сумку.

— Пешком, потом на судне, пункт назначения — Мемфис.

Пес сел; он явно ждал чего-то плохого.

— Пепи приготовил тебе ошейник; он хорошо вымочил кожу и обработал ее жиром. Очень удобный, правда.

Смелычака это не убедило. Однако он позволил надеть на себя ошейник, розово-зелено-белый, с шипами. Если какому-нибудь собрату или хищнику вздумается схватить пса за горло, последний будет надежно защищен; кроме того, Пазаир сам сделал на нем иероглифическую надпись: «Смелычак, спутник Пазаира».

Судья Пазаир накормил пса свежими овощами, которые тот радостно проглотил, не переставая следить за хозяином краешком глаза. Он чувствовал, что сейчас не до игр и развлечений.

Жители селения во главе с управителем пришли проститься с судьей; некоторые плакали. Ему пожелали удачи и вручили два амулета: один с изображением барки, другой — крепких ног. Они станут охранять путника, а он в свою очередь каждое утро должен будет возносить свои мысли к богу, дабы талисманы не потеряли силу.

Пазаиру оставалось лишь взять свои кожаные сандалии — не надеть их на ноги, а нести в руках. Как и все соотечественники, он отправится в путь пешком, а ценная обувь послужит ему в тот момент, когда, омыв дорожную пыль, он вступит в помещение. Он проверил, прочен ли ремешок между первым и вторым пальцами и в каком состоянии подошва. Удовлетворенный, судья покинул селение, ни разу не обернувшись.

Когда он ступил на узкую дорожку, которая вилась среди холмов, возвышавшихся над Нилом, правой руки Пазаира коснулась мокрая морда.

— Северный Ветер! Ты сбежал... Придется отвести тебя обратно в поле.

Осел воспринимал ситуацию иначе; он решил побеседовать с хозяином и поднял

правую ногу. Пазаир взял ее^[8]. В свое время судья спас осла от гнева одного крестьянина, который бил его палкой за то, что тот разорвал веревку, привязывавшую его к кольшку. Северный Ветер определенно обладал склонностью к независимости и способностью переносить самые тяжелые грузы.

Твердо решив идти навстречу своему сорокалетию, неся по пятидесятикилограммовому мешку с каждого бока, Северный Ветер отлично сознавал, что стоит не меньше тучной коровы или хорошего гроба. Пазаир выделил осла поле, где тот имел право пастись в одиночестве. В благодарность осел унавоживал поле до самого разлива. Прекрасно ориентируясь в пространстве, Северный Ветер всегда находил дорогу в лабиринте сельских троп и часто самостоятельно доставлял продукты из одного пункта в другой. Неприхотливый и благодушный, он спал спокойно только рядом с хозяином.

Звали его Северным Ветром потому, что с самого рождения он наострял уши при малейшем дуновении с севера, дарящем живительную прохладу в жаркое время года.

— Я ухожу далеко, — повторил Пазаир. — Мемфис тебе не понравится.

Пес потерял о правую переднюю ногу осла. Северный Ветер понял знак Смелычака и повернулся боком, готовясь принять дорожную сумку. Пазаир ласково потрепал осла за левое ухо.

— Ну и кто кого переупрямит?

Пазаир сдался; даже другой осел на его месте признал бы себя побежденным. Северный Ветер, теперь отвечавший за поклажу, гордо возглавил процессию и безошибочно избрал самый короткий путь к пристани.

В царствование Рамсеса Великого путники безбоязненно перемещались по дорогам и тропам: они шли с легким сердцем, садились поболтать под пальмой, наполняли бурдюки колодезной водой, беззаботно ночевали у обочины поля или на берегу Нила, вставали и ложились вместе с солнцем. По дороге им встречались царские гонцы и посыльные; при необходимости можно было обратиться к патрульным стражникам. Далеко в прошлое ушла эпоха, когда дороги оглашались криками, когда бандиты грабили любого, кто дерзнет отправиться в путь, будь он богат или беден; Рамсес заставил соблюдать порядок, без которого счастье в стране невозможно^[9].

Уверенным шагом Северный Ветер свернул на крутой склон, подводящий к самой реке, словно заранее знал, что хозяин собирается сесть на судно, направляющееся в Мемфис. Все трое взошли на борт; Пазаир заплатил за проезд куском ткани. Пока животные спали, он в задумчивости смотрел на свою родину — Египет, который поэты сравнивали с гигантской баркой с высокими бортами, образованными горными грядами. Холмы и скалистые откосы, поднимавшиеся на высоту до трехсот метров, казалось, охраняли пашни. Плато, пересеченные более или менее глубокими ложбинами, местами отделяли черную, плодородную, щедрую землю от красной пустыни, таившей в себе опасные силы.

Пазаиру захотелось вернуться назад, в родное селение, и никуда не уезжать. Это путешествие в неизвестность порождало ощущение смутной тревоги и подтачивало веру в свои силы; простой сельский судья лишался душевного покоя, которого не даст никакое продвижение по службе. Только Беранир мог заставить его согласиться; но будущее, ожидавшее Пазаира на этом пути, казалось неподвластным его воле.

Пазаир был потрясен.

Величайший из городов Египта, «Весы Двух Земель», административная столица, Мемфис был основан Миной-объединителем^[10]. Если южные Фивы были верны традиции и культу Амона, северный Мемфис, расположенный на границе Верхнего и Нижнего Египта, был открыт для Азии и средиземноморских цивилизаций.

Судья, осел и собака сошли на берег в порту Перунефер, что означает «счастливого пути». Сотни торговых судов разного размера причаливали к докам, где кипела бурная деятельность; товары сгружали в гигантские склады, находившиеся под бдительной охраной и строгим управлением. Ценой усилий, достойных строителей Древнего Царства, вдоль плато, где высились пирамиды, был прорыт канал, параллельный Нилу. Таким образом суда могли беспрепятственно заходить в порт, а доставка продовольствия и материалов была обеспечена в любое время года. Пазаир отметил, что кладка в облицовке стенок канала была из самых прочных.

Трое путников направились в северный квартал, где жил Беранир, прошли через центр города, полюбовались знаменитым храмом бога ремесленников Птаха и стали огибать кварталы, отведенные для армии. Там изготавливали оружие и строили военные суда. Там же тренировались элитные отряды египетского войска, размещенные в просторных казармах рядом с арсеналами, набитыми колесницами, мечами, щитами и копьями.

В северной части города, как и в южной, тянулись хлебные амбары, доверху заполненные ячменем, полбой и прочими злаками, а к ним примыкали здания Казначейства, где хранились золото, серебро, медь, ткани, благовония, мед и другие продукты.

Мемфис ошеломил молодого селянина своим размахом. Как разобраться в этом хитросплетении улиц и переулков, в этом разнообразии кварталов, именуемых «Жизнь Двух Земель», «Сад», «Смоковница», «Стена Крокодила», «Крепость», «Два Холма» или «Медицинский Совет»? Смелчак чувствовал себя неуверенно и жался к хозяину, зато осел невозмутимо шел вперед. Он провел своих спутников через квартал ремесленников, обрабатывавших камень, дерево, металл и кожу в своих маленьких мастерских, выходивших на улицу. Пазаир никогда не видел такого количества глиняных горшков, разных сосудов, всевозможной посуды и домашней утвари. Ему повстречалось множество чужеземцев — хеттов, греков, хананеев и азиатов, приехавших из различных маленьких царств; непринужденные, разговорчивые, они охотно украшали себя ожерельями из лотоса, называли Мемфис рогом изобилия и поклонялись своим богам в храмах Ваала и Астарты; фараон к этим храмам относился терпимо.

Пазаир спросил одну ткачиху, правильно ли он идет, и убедился, что чутье осла их не подвело. Судья обратил внимание, что роскошные усадьбы знати с садами и прудами перемежались домишками простого люда. За высокими воротами, которые охраняла стража, виднелись цветущие аллеи, а в глубине — двух— или трехэтажные жилые строения.

Но вот наконец и обиталище Беранира! Так хорош, так наряден был этот домик с его белыми стенами, гирляндой из красных маков над дверью и окнами, украшенными васильками с зеленой чашечкой и желтыми цветками персей^[11], что молодой судья не мог не залюбоваться.

Одна из дверей выходила в переулочек, где росли две пальмы, дававшие тень террасе небольшого жилища. Да, деревня была далеко, но старый лекарь сумел сохранить сельский дух в самом сердце города.

Беранир стоял на пороге.

— Путешествие прошло благополучно?

— Осел и собака хотят пить.

— Я позабочусь о них; вот тебе таз, чтобы омыть ноги, а вот хлеб с солью в знак того, что ты желанный гость.

Спустившись на несколько ступенек, Пазаир попал в первую комнату; он помолился перед небольшой нишей, где стояли статуэтки предков. Потом он вошел в приемный зал, потолок которого поддерживали две расписанные колонны, вдоль стен стояли шкафы и сундуки с вещами. На полу лежали циновки. Мастерская, ванная комната, кухня, две спальни и погреб дополняли уютное жилище старого лекаря.

Беранир пригласил гостя подняться по лестнице, ведущей на террасу, где их ждали прохладительные напитки с печеньем и финиками, начиненными медом.

— Я растерян, — признался Пазаир.

— Странно, если бы было иначе. Добрый ужин, спокойный сон — и ты сможешь приступить к церемонии вступления в должность.

— Прямо завтра?

— Дела накапливаются.

— Я бы хотел привыкнуть к Мемфису.

— Тебя заставят привыкнуть твои расследования. А у меня есть для тебя подарок, пока ты еще не вступил в должность.

И Беранир протянул Пазаиру свиток, посвященный обучению писцов, который помогал правильно вести себя при любых обстоятельствах благодаря соблюдению иерархии. На вершине ее находились боги, богини, преображенные духи потустороннего мира, фараон и его супруга; ниже — мать фараона, визирь, совет мудрецов, верховные судьи, военачальники и писцы обители книг. Дальше следовало множество чиновников — от главного казначея до смотрителя каналов и представителей фараона в иноземных государствах.

— Человек с пылким нравом или болтун может лишь сеять смуту. Если хочешь быть сильным, стань мастером слова, отточь его, как добрый ремесленник, ибо язык — мощное оружие для того, кто умеет с ним обращаться.

— Мне жаль деревни.

— Тебе будет не доставать ее до конца твоих дней.

— Почему меня назначили сюда?

— Твою судьбу определило твое же поведение.

Пазаир спал мало и плохо, пес примостился у его ног, а осел устроился в изголовье. В слишком быстрой смене событий судья не успевал вновь обрести равновесие; вовлеченный в водоворот дел, он утратил привычные точки опоры и, чтобы выжить, вынужден был влиться в непредсказуемый поток неясного начинания.

Проснувшись на рассвете, он принял ванну, освежил рот натронном ^[12] и позавтракал в обществе Беранира, который затем верил его заботам одного из лучших цирюльников города. Сидя на трехногом табурете лицом к клиенту, устроившемуся в том же положении, брадобрей увлажнил кожу Пазаира и нанес маслянистую пену. Из кожаного чехла он достал медное лезвие на деревянной рукояти и принялся орудовать им с потрясающей ловкостью.

Одетый в новую набедренную повязку и широкую полупрозрачную рубаху, умащенный благовониями, Пазаир был почти готов к испытанию.

— Я чувствую себя ряженым, — признался он Бераниру.

— Внешность ничего не значит, однако пренебрегать ею не стоит; умей держать рулевое весло так, чтобы течением дней тебя не снесло с праведного пути, ибо на правосудии зиждется равновесие страны. Будь достоин себя, сын мой.

Пазаир последовал за Бераниром в квартал Птаха, что располагался к югу от древней белокаменной стены. За судьбу осла и собаки он был спокоен, чего никак не мог сказать о своей собственной.

Неподалеку от дворца было построено несколько административных зданий, вход в которые охраняли воины. Старый лекарь обратился к старшине. Выслушав просьбу, тот на несколько минут удалился и вернулся в сопровождении высокопоставленного судьи, представителя визиря.

— Рад видеть вас, Беранир. Так вот он каков, ваш подопечный.

— Пазаир весьма взволнован.

— Вполне естественно, если учесть его возраст. Готов ли он, однако, приступить к исполнению своих новых обязанностей?

Пазаир, задетый иронией важной персоны, сухо вставил:

— Вы в этом сомневаетесь?

Представитель визиря нахмурил брови.

— Я забираю его у вас, Беранир; пора приступить к церемонии.

Теплый взгляд старого лекаря придал ученику мужества, которого ему сейчас не хватало, — как бы ни было трудно, он его не посрамит.

Пазаира ввели в небольшую прямоугольную комнату с пустыми белыми стенами и предложили сесть на циновку в позе писца лицом к суду, состоявшему из представителя визиря, главы провинции Мемфиса, распорядителя, ведавшего распределением должностей, и жреца бога Птаха, занимающего высокую ступень в священной иерархии. У всех четверых были массивные парики и широкие набедренные повязки. Непроницаемые лица не выражали никаких эмоций.

— Вы находитесь в месте «Установления отличия»^[13], — объявил представитель визиря, возглавлявший собрание. — Здесь вы станете человеком, отличным от других, призванным судить себе подобных. Как и ваши собратья по профессии из Гизы, вы будете вести расследования, председательствовать в местных судах, вверенных вашему попечению, и обращаться к вышестоящим, если окажетесь в затруднительном положении. Обязуетесь ли вы выполнять эти требования?

— Обязуюсь.

— Сознаете ли вы, что данное слово не может быть взято обратно?

— Сознаю.

— Так приступит же данное собрание к суду над будущим судьей, как предписано Законом.

Глава провинции заговорил степенным, хорошо поставленным голосом.

— Кого вы призовете в присяжные для своего суда?

— Писцов, ремесленников, стражников, умудренных опытом мужчин, уважаемых женщин, вдов.

— Каким образом вы будете участвовать в их совещаниях?

— Никаким. Каждый выскажется, не испытывая чужого давления, и я с уважением отнесусь к каждому мнению, дабы выработать собственное суждение.

— При любых обстоятельствах?

— Кроме одного: если кто-то из присяжных подкуплен. Я прерву текущий процесс, чтобы незамедлительно выдвинуть против него обвинение.

— Как вам следует действовать в случае тяжкого преступления? — спросил распорядитель.

— Провести предварительное расследование, открыть дело и передать его в ведение визиря.

Жрец бога Птаха приложил правую руку к груди, так что сжатый кулак коснулся плеча.

— Ни одно деяние не будет забыто на суде загробного мира; твое сердце будет помещено на одну чашу весов, Порядок — на другую. В какой форме был дан закон, соблюдения которого ты должен добиваться?

— Существуют сорок две провинции и сорок два свитка закона, однако дух его не был и не должен быть записан. Истина может передаваться лишь в устной форме из уст учителя в уши ученика.

Жрец Птаха улыбнулся, однако представитель визиря еще не был удовлетворен.

— Как вы определите Порядок?

— Хлеб и пиво.

— Что означает этот ответ?

— Правосудие для всех — великих и малых.

— Почему Порядок символически представляется в виде страусиного пера?

— Потому что Порядок — это связь между нашим миром и миром богов; перо — его направляющая, руль птицы, как и руль бытия. Порядок — дуновение жизни, которое должно изгонять зло из души и тела. Его постоянно обязан чувствовать человек. Исчезни правосудие, и зерно не будет расти, мятежники захватят власть, не станет праздников.

Глава провинции встал и положил перед Пазаиром известняковую плиту.

— Возложите руки на этот белый камень.

Молодой человек повиновался. Он не дрожал.

— Да будет он свидетелем вашей клятвы; он навсегда запомнит произнесенные вами слова и станет вашим обвинителем, если вы предадите Порядок.

Глава провинции и распорядитель встали по обе стороны от судьи.

— Встаньте, — приказал представитель визиря.

— Вот ваше кольцо с печатью, — сказал он, вручая Пазаиру прямоугольную пластинку с кольцом, которое тот надел на средний палец правой руки. На гладкой стороне золотой пластинки было написано «судья Пазаир».

— Документы, на которые вы наложите свою печать, будут иметь официальную силу, и вы будете нести за них ответственность; не используйте кольцо, не подумав.

***

Контора судьи располагалась в южном предместье Мемфиса, на полпути между Нилом и западным каналом, к югу от храма Хатхор. Молодой селянин, ожидавший увидеть внушительное жилище, был горько разочарован. Администрация выделила ему лишь низенький двухэтажный домик.

На пороге спал, привалившись к косяку, дежурный стражник. Пазаир тронул его за плечо, тот подскочил.

— Я хотел бы войти.

— Контора закрыта.

— Я судья.

— Едва ли это возможно... Судья умер.

— Я — Пазаир, его преемник.

— А, это вы... да, правда, секретарь Ярти называл мне ваше имя. Как докажете, что это вы и есть?

Пазаир показал кольцо с печатью.

— Мне было поручено охранять это место до вашего прихода; теперь моя задача выполнена.

— Когда я смогу увидеть своего секретаря?

— Понятия не имею. Ему надо решить один серьезный вопрос.

— Какой?

— Дрова. Зимой холодно; в прошлом году Казначейство отказалось выделить дрова для этой конторы, потому что прошение не было составлено в трех экземплярах. Ярти пошел в архивы, чтобы уладить дело. Желаю вам удачи, судья Пазаир; в Мемфисе вы не соскучитесь.

И стражник ушел.

Пазаир легонько толкнул дверь в свои новые владения. Контора представляла собой весьма просторное помещение, заставленное шкафами и сундуками, где были сложены перевязанные или запечатанные папирусные свитки. На полу — подозрительный слой пыли. Это неожиданное затруднение не смутило Пазаира. Невзирая на свою престижную должность, он взялся за веник, состоявший из пучков жестких волокон, в двух местах перевязанных шестью оборотами шнура: рукоять получалась прочная и позволяла мести во всех направлениях.

Покончив с уборкой, судья приступил к описи содержимого архивов: кадастровые и налоговые документы, всевозможные отчеты, жалобы, счета, ведомости по выплате вознаграждения зерном, корзинами или материей, письма, списки работников... В круг его обязанностей входили самые разные дела.

В большом шкафу хранилось все необходимое для писца: палетки с двумя отверстиями в верхней части для красных и черных чернил, бруски твердых чернил, чашечки, мешки с сухими красками, кисточки, скребки, каменные ступки для растирания красок, льняные веревочки, черепаховый панцирь для смешивания красок, глиняный павиан — олицетворение бога письменности Тота, обломки песчаника для черновиков, глиняные, известняковые и деревянные пластинки. Все отменного качества.

В ларце из дерева акации лежал один из самых ценных предметов — водяные часы. На внутренней стенке небольшой емкости, имевшей форму усеченного конуса, были нанесены деления в соответствии с двумя разными шкалами — всего двенадцать насечек; вода вытекала через отверстие в дне сосуда, отмеряя таким образом время. Видимо, секретарь считал нужным следить за временем, проведенным на рабочем месте.

Далее необходимо было выполнить еще одно дело. Пазаир взял тонко заточенную тростниковую кисточку, макнул острие в чашечку с водой и капнул на палетку. Он прошептал молитву, которую произносил всякий писец, перед тем как приступить к работе: «Вода чернильницы для твоего ка, Имхотеп» — так принято было возносить хвалу

создателю первой пирамиды, зодчему, лекарю и астроному, ставшему покровителем для каждого, кто имел дело с иероглифами.

Судья поднялся на второй этаж.

В казенной квартире давно никто не жил; предшественник Пазаира, отдававший предпочтение маленькому домику на окраине города, и думать забыл о поддержании порядка в этих комнатах, всецело оказавшихся во власти блох, мух, мышей и пауков.

Но молодой человек не отчаивался; предстоящая битва была ему по плечу. В деревне нередко приходилось тщательно вычищать жилища и изгонять непрошенных гостей.

Купив все необходимое в соседних лавках, Пазаир принялся за дело. Он протер стены и пол водой с растворенным в ней натроном, потом насыпал везде смесь угольной пыли с бебетом^[14], чей сильный запах отгоняет насекомых и паразитов. Наконец, он смешал ладан, смирну, кинамон^[15], мед и поставил все это куриться, чтобы в помещении приятно пахло. Эти дорогостоящие вещества он попросил отпустить ему в долг и истратил на них большую часть своего будущего жалования.

Выбившись из сил, он расстелил циновку и лег на спину. Но что-то мешало ему заснуть: то было кольцо с печатью. Он не снял его. Пастух Пеппи не ошибся: у него не было выбора.

Солнце было уже высоко, когда судейский секретарь Ярти, тяжело ступая, подошел к конторе. Тучный, круглолицый и краснощекий, он никогда не выходил без своей именной палки, перемещавшейся в такт его шагам и снискавшей ему почет и уважение окружающих. Дородного сорокалетнего Ярти боги наградили дочерью, которая была причиной бесчисленных хлопот. Каждый день он ругался с женой из-за воспитания девочки, которой ни в коем случае не хотел идти наперекор. Дом сотрясался от их ссор, иногда весьма бурных.

К его великому удивлению, какой-то рабочий замешал толченый известняк с гипсом, чтобы добиться белизны, потом проверил качество смеси, отлив немного раствора в известняковый конус, и стал заделывать дыру в фасаде судейского дома.

— Я никаких работ не заказывал, — сердито сказал Ярти.

— А я заказывал; больше того, я сам сейчас все сделаю.

— По какому праву?

— Я — судья Пазаир.

— Но... вы так молоды!

— А вы, стало быть, мой секретарь?

— Верно.

— День давно начался.

— Да, конечно... Но меня задержали семейные неприятности.

— Что есть срочного? — спросил Пазаир, не прекращая работать.

— Жалоба одного строителя. У него были кирпичи, но не было ослов для их перевозки. Он обвиняет человека, дающего ослов внаем, что тот срывает ему стройку.

— Дело улажено.

— Каким образом?

— Я видел хозяина ослов сегодня утром. Он возместит строителю ущерб и с завтрашнего дня будет перевозить кирпичи; одним процессом меньше.

— А вы еще и... штукатур?

— Довольно бездарный любитель. Наш бюджет весьма скромн, так что в большинстве случаев придется выкручиваться самим. Дальше что?

— Вас ждут по поводу переписи поголовья скота.

— А разве писца-специалиста не достаточно?

— Хозяин имения, зубной лекарь Кадаш, убежден, что один из его служащих ворует. Он потребовал расследования; ваш предшественник оттягивал дело как мог. Честно говоря, я его понимаю. Если хотите, я найду аргументы, чтобы потянуть еще.

— Этого не потребуется. Кстати, вы умеете обращаться с веником?

И судья протянул оторопевшему секретарю сей ценный предмет.

***

Северный Ветер был не прочь снова подышать сельским воздухом; нагруженный

необходимыми судьбе принадлежностями, осел бодро шагал вперед, а Смельчак между тем бегал вокруг и радовался, что удалось поймать несколько птах. Как обычно, Северный Ветер наострил уши, когда судья сказал, что они направляются в имение зубного лекаря Кадаша, расположенное в двух часах ходьбы к югу от Гизехского плато; осел сразу же нашел верный путь.

Пазаира с распростертыми объятиями встретил управляющий имением, который счастлив был наконец увидеть перед собой судью, сведущего и преисполненного желания разрешить загадку, отравляющую жизнь погонщикам быков. Слуги вымыли ему ноги и принесли новую набедренную повязку, взявшись почистить ту, что была на нем. Два мальчугана накормили осла и собаку. Кадашу доложили о приходе судьи, наскоро соорудили помост с красно-черной крышей, поддерживаемой колонками в форме лотоса, чтобы в его тени и расположились Кадаш, Пазаир и писец, который вел учет скота.

Когда показался хозяин имения с посохом в правой руке и в сопровождении слуг, несших за ним сандалии, опахало и кресло, музыкантши заиграли на тамбуринах и флейтах, а молодые крестьянки преподнесли ему цветы лотоса.

Кадаш был шестидесятилетним мужчиной с густыми седыми волосами, большим носом с фиолетовыми прожилками, низким лбом и выступающими скулами; он часто вытирал слезящиеся глаза. Пазаира удивили его красные руки — по всей видимости, лекарь страдал плохим кровообращением.

Кадаш взглянул на него подозрительно.

— Так это вы новый судья?

— К вашим услугам. Приятно видеть крестьян, радующихся тому, что хозяин имения благороден душой и крепко держит жезл правления.

— Вы далеко пойдете, молодой человек, если будете уважать сильных.

Зубной лекарь говорил с трудом, зато одет был великолепно. Дорогой передник, нагрудник из меха леопарда, широкое ожерелье в семь рядов голубого, белого и красного жемчуга, браслеты на запястьях — все придавало ему величия.

— Сядем, — пригласил он.

Он сел в свое кресло из крашеного дерева, Пазаир устроился на сиденье кубической формы. Перед ним и перед писцом поставили низкие столики для письменных принадлежностей.

— Согласно вашему заявлению, — напомнил судья, — вам принадлежит сто двадцать одна голова крупного скота, семьдесят овец, шестьсот коз и столько же свиней.

— Точно. По последней переписи два месяца назад одного быка не хватало! А животные у меня исключительно ценные, наименее тучного из моих быков можно обменять на льняную тунику и десять мешков овса. Я хочу, чтобы вы нашли и наказали вора.

— А вы проводили собственное расследование?

— Это не мое дело.

Судья обратился к писцу, сидящему на циновке:

— Что вы записали в своих реестрах?

— Количество предъявленных мне голов.

— Кого вы допросили?

— Никого. Мое дело записывать, а не вопросы задавать.

Пазаир понял, что больше от него ничего не добьется; в раздражении он вытащил из своей корзины пластинку из смоковницы, покрытую тонким слоем гипса, заостренную

тростниковую кисточку длиной двадцать пять сантиметров и чашечку для воды, в которой он развел чернила. Когда все было готово, Кадаш дал знак главному погонщику начинать прогон скота.

Хлопнув по шее огромного головного быка, тот запустил процессию. Бык медленно подался вперед, а за ним тронулись его грузные, невозмутимые собратья.

— Не правда ли они великолепны?

— Похвалите ваших скотоводов, — посоветовал Пазаир.

— Вор, наверное, хетт или нубиец, — предположил Кадаш. — В Мемфисе слишком много иноземцев.

— А ваше имя разве не ливийского происхождения?

Зубной лекарь не стал скрывать недовольства.

— Я живу в Египте давно и принадлежу к избранному обществу — разве богатство моего имени не лучшее тому доказательство? Я лечил самых влиятельных придворных, помните об этом и знайте свое место.

Рядом с животными шли слуги. Они тащили фрукты, пучки лука-порей, корзины с латуком и сосуды с благовониями. По-видимому, это была не просто проверка учета; Кадаш хотел ослепить нового судью, продемонстрировав, насколько он богат.

Смелчак проскользнул под сиденье хозяина и смотрел на проходивших мимо животных.

— А вы из какой провинции? — поинтересовался зубной врач.

— Следствие здесь веду я.

Перед помостом шли два запряженных быка. Тот, что постарше, улегся на землю и отказывался идти дальше. «Прекрати прикидываться мертвым», — заорал погонщик. Виновник с опаской взглянул на него, но не двинулся с места.

— Ударь его, — приказал Кадаш.

— Постой, — вмешался Пазаир, спускаясь с помоста.

Судья погладил быка, дружески похлопал по могучей шее и с помощью погонщика попытался поставить его на ноги. Убедившись, что ему ничего не грозит, тот повиновался. Пазаир сел на место.

— Вы очень чувствительны, — съязвил Кадаш.

— Ненавижу насилие.

— Но ведь оно иногда необходимо. Египту приходилось сражаться с захватчиками: люди отдали жизнь за наше нынешнее благополучие. Вы же не станете их осуждать?

Пазаир сосредоточился на прогоне скота, писец считал. При подведении итогов оказалось, что быков на одного меньше, чем значилось в заявлении владельца.

— Это недопустимо! — взревел Кадаш, его лицо налилось багрянцем. — Меня обкрадывают в собственном доме, и никто не хочет выдавать виновного!

— Ваши животные наверняка помечены.

— Разумеется!

— Вызовите людей, которые их метили.

Их было пятнадцать человек; судья допросил каждого по очереди, не дав им возможности поговорить друг с другом.

— Нашел я вашего вора, — объявил он Кадашу.

— Его имя?

— Кани.

— Я требую немедленного суда.

Пазаир согласился. В качестве присяжных он выбрал одного погонщика быков, пастушку, писца, ведавшего учетом скота, и одного из стражников имения.

Кани, и не думавший скрываться, добровольно предстал перед помостом и выдержал гневный взгляд Кадаша. Это был грузный коренастый мужчина с темной кожей, собранной в глубокие складки.

— Признаете ли вы свою вину? — спросил судья.

— Нет.

Кадаш ударил тростью по земле.

— Разбойник, еще и наглец! Пусть его накажут немедленно!

— Помолчите, — приказал судья. — Если вы будете мешать, я прерву заседание.

Лекарь раздраженно отвернулся.

— Вы клеймили быка из стада Кадаша? — спросил Пазаир.

— Да, — ответил Кани.

— Животное исчезло.

— Он убежал от меня. Вы найдете его на соседнем поле.

— Откуда такая небрежность?

— Я не погонщик быков, я садовник. Настоящая моя работа состоит в поливке небольших участков земли; целыми днями я таскаю на плечах коромысло и выливаю на растения содержимое тяжелых кувшинов. Вечером я тоже не знаю отдыха — мне надо поливать самые прихотливые растения, приводить в порядок оросительные каналы, укреплять насыпи. Если вам нужны доказательства, посмотрите на мой затылок — на нем следы двух абсцессов. Это болезнь садовника, а не погонщика быков.

— Почему вы сменили работу?

— Потому что я попался на глаза управляющему Кадаша, когда приносил овощи. Меня заставили заниматься быками и забросить сад.

Пазаир вызвал свидетелей. Была установлена правдивость показаний Кани, и суд оправдал его. В качестве возмещения по распоряжению судьи беглый бык переходил в его собственность, кроме того, Кадаш должен был выдать ему солидное количество продовольствия за потерянные рабочие дни.

Садовник поклонился судье, в его глазах Пазаир прочел глубокую благодарность.

— Принуждение крестьянина к смене вида деятельности — серьезное правонарушение, — напомнил он хозяину имения.

Кровь прилила к лицу зубного лекаря.

— Я не виноват! Я ничего не знал — пусть мой управляющий получит по заслугам.

— Вы знаете характер наказания: пятьдесят палочных ударов, лишение должности и возвращение к статусу простого крестьянина.

— Закон есть закон.

Управляющий предстал перед судом и не стал ничего отрицать; он был осужден, а приговор незамедлительно приведен в исполнение.

Когда судья Пазаир уходил из имения, Кадаш не вышел попрощаться с ним.

Смелычак спал у ног хозяина и видел во сне чудесный пир, а Северный Ветер, отведав свежего корма, стоял на страже у дверей конторы, где Пазаир с самой зари разбирал текущие дела. Его не удручало обилие сложностей, наоборот, он был полон решимости наверстать упущенное время, ничего не оставив без внимания.

Секретарь Ярти пришел ближе к полудню, с перекошенным лицом.

— У вас подавленный вид, — заметил Пазаир.

— Опять ссора. Моя жена невыносима; я на ней женился, чтобы она меня вкусно кормила, а она отказывается готовить! Так существовать невозможно.

— Подумываете о разводе?

— Нет, из-за дочери; я хочу, чтобы она стала танцовщицей. У жены другие планы, которые меня не устраивают. И никто из нас не собирается уступать.

— Боюсь, положение безвыходное.

— По-моему, тоже. Как ваше расследование у Кадаша? Все нормально?

— Я как раз дописываю отчет: бык найден, садовник оправдан, управляющий осужден. По-моему, лекарь тоже замешан, но этого я не могу доказать.

— Не трогайте его — у него связи.

— Обеспеченные клиенты?

— Он лечил самые достославные рты; злые языки поговаривают, что его рука не столь тверда, как прежде, и что лучше к нему не ходить, если хочешь иметь здоровые зубы.

Смелычак зарычал, хозяин успокоил его лаской. Такое поведение пса означало умеренную недоброжелательность. Он с первого взгляда невзлюбил судейского секретаря.

Пазаир наложил свою печать на папирус, где были перечислены его выводы по делу об украденном быке. Ярти любовался тонким и ровным почерком судьи; он выводил иероглифы без малейшего колебания, твердо и решительно облакая свою мысль в замысловатые знаки.

— Надеюсь, вы не стали выдвигать обвинение против Кадаша?

— Конечно, стал.

— Это опасно.

— Чего вы опасаетесь?

— Н-не знаю.

— Изъяснитесь точнее, Ярти.

— Правосудие — дело сложное...

— Я так не считаю: по одну сторону — истина, по другую — ложь. Стоит хоть на пядь уступить последней — и правосудия больше нет.

— Вы так говорите, потому что молоды; с опытом ваши суждения станут не столь резкими.

— Надеюсь, что нет. В селении многие приводили ваш аргумент; мне кажется, он несостоятелен.

— Вы не хотите считаться с иерархией?

— А что, Кадаш превыше закона?

Ярти вздохнул.

— Вы производите впечатление человека умного и смелого, судья Пазаир; не делайте вид, что вы не понимаете.

— Если иерархия несправедлива, страна идет к своей гибели.

— Она раздавит вас, как и всех остальных; довольствуйтесь решением тех проблем, что вам поручены, и предоставьте щекотливые дела вышестоящим. Ваш предшественник был благоразумным человеком и умел избегать ловушек. Вас повысили, так не портите себе карьеру.

— Я получил это назначение благодаря своим методам; с чего бы мне их менять?

— Используйте свой шанс, не нарушая установленного порядка.

— Я не знаю другого порядка, кроме Закона.

Отчаявшись, секретарь ударил себя в грудь.

— Вы на пути к пропасти! Учтите, я вас предупреждал.

— Завтра вы отнесете мой отчет в администрацию провинции.

— Как вам будет угодно.

— Меня вот что интересует: я нисколько не сомневаюсь в вашем усердии, но неужели вы один — это весь мой персонал?

Ярти как будто засмутился.

— В некотором роде да.

— Что значат эти недомолвки?

— Есть еще некто по имени Кем...

— Его должность?

— Пристав. Его дело — производить аресты, о которых вы распорядитесь.

— Должность, на мой взгляд, немаловажная!

— Ваш предшественник никого не арестовывал; если он подозревал преступника, дело передавалось в инстанции, вооруженные получше. А поскольку в конторе Кему скучно, он патрулирует.

— А буду ли я иметь честь познакомиться с ним?

— Он заходит иногда. Не надо с ним свысока: у него отвратительный характер. Я его боюсь. Если захотите сделать ему замечание, на меня не рассчитывайте.

«Навести порядок в собственной конторе и то будет нелегко», — подумал Пазаир, заметив тем временем, что папирус кончается.

— Где вы его покупаете?

— У Бел-Трана, лучшего изготовителя папирусов в Мемфисе. У него высокие цены, но материал отменного качества и прочности. Я вам его рекомендую.

— Разрешите одно сомнение, Ярти: эта рекомендация бескорыстна?

— Да как вы могли такое подумать?

— Ладно, я ошибся.

Пазаир просмотрел последние жалобы — ничего особенно важного или срочного. Он перешел к спискам чиновников, которых должен был контролировать, и к назначениям, поданным ему на утверждение, — обычная административная работа, требующая только его печати.

Ярти сел, положив под себя согнутую левую ногу и выставив вперед правую; держа наготове палетку и засунув калам^[16] за левое ухо, он чистил кисточки и наблюдал за Пазаиром.

— Вы давно работаете?

— С рассвета.

— Рановато.

— Сельская привычка.

— Привычка... ежедневная?

— Учитель говорил мне, что один день небрежения — катастрофа. Познавать можно только сердцем, при условии, что уши открыты, а разум покорен. Чтобы этого достичь, нет ничего лучше добрых привычек. В противном случае дремлющая в нас обезьяна пускается в пляс и бог покидает свое святилище.

Секретарь явно помрачнел:

— Не слишком приятное существование.

— Мы — служители правосудия.

— Кстати, мой рабочий день...

— Восемь часов, два выходных на шесть рабочих дней и два-три месяца отпуска во время различных праздников...^[17] Договорились?

Секретарь кивнул. И без напоминаний судьи ему стало ясно, что над пунктуальностью придется немного поработать.

Одно короткое дело заинтересовало Пазаира. Начальник стражи, охранявшей сфинкса в Гизе, был переведен в док. Резкий поворот в карьере: очевидно, этот человек совершил серьезный проступок. Однако вопреки обыкновению вина указана не была. И при этом старший судья провинции наложил свою печать; дело было только за печатью Пазаира, поскольку солдат жил в его округе. Простая формальность, которую следовало выполнить, не раздумывая.

— Наверное, многие жаждут получить пост начальника стражи сфинкса?

— В претендентах нет недостатка, — согласился секретарь, — однако на сегодняшний день у них шансов немного.

— Почему?

— На этом посту бывалый солдат с замечательным послужным списком и к тому же человек смелый. Он ревностно охраняет сфинкса, при том что старый каменный лев выглядит достаточно впечатляюще, чтобы самому себя защитить. Кому придет в голову причинить ему вред?

— То есть почетный пост?

— Совершенно верно. Начальник стражи набрал других ветеранов, чтобы обеспечить им небольшое содержание; впятером они ведут наблюдение по ночам.

— А вам известно о его переводе?

— Переводе... Вы шутите?

— Вот официальный документ.

— Поразительно. Что он натворил?

— Вы рассуждаете так же, как я. Об этом ничего не сказано.

— Не берите в голову; это, наверное, решение военного командования, логику которого нам не постичь.

Северный Ветер издал характерный крик: осел предупреждал об опасности. Пазаир вышел и оказался перед огромным павианом, которого хозяин держал на поводке. Эта обезьяна со свирепым взглядом, большой головой и лохматым туловищем недаром слыла кровожадным зверем. От ее ударов и зубов нередко гибли крупные хищники, и даже львам случалось обращаться в бегство при виде стаи разъяренных павианов.

Хозяин, играющий бицепсами нубиец, производил не менее сильное впечатление.

— Надеюсь, вы крепко его держите.

— Дозорный павиан^[18] к вашим услугам, судья Пазаир, равно как и я сам.

— Вы — Кем.

Нубиец кивнул.

— О вас поговаривают в округе; похоже, для судьи вы слишком много суежитесь.

— Мне не нравится ваш тон.

— Придется привыкать.

— Ни в коей мере. Либо вы будете вести себя почтительно, как подобает подчиненному, либо подадите в отставку.

Двое мужчин долго вызывающе смотрели друг на друга, собака судьи и павиан пристава делали то же самое.

— Ваш предшественник предоставлял мне свободу действий.

— Теперь так не будет.

— Вы ошибаетесь; когда я иду по улице со своим павианом, у людей пропадает охота воровать.

— Посмотрим ваш послужной список?

— Сразу предупреждаю: прошлое у меня темное. Я состоял в отряде лучников, на который была возложена охрана одной из крепостей Великого Юга. Я поступил на службу из любви к Египту, как многие молодые люди моего племени. Долгие годы я был счастлив, но однажды, сам того не желая, я обнаружил махинации с золотом среди войскового начальства. Вышестоящие чины не стали меня слушать; в драке я убил одного из воров, моего непосредственного начальника. Меня судили и приговорили к отрезанию носа. Сейчас у меня нос из крашеного дерева. Я больше не боюсь ударов. Судьи, однако, признали мою правоту; поэтому мне и доверили должность пристава. Если хотите проверить, мое дело хранится в архивах военного ведомства.

— Ну, значит, пошли туда.

Кем не ожидал такой реакции. Осел с секретарем остались присматривать за конторой, а судья с приставом в сопровождении павиана и пса, продолжавших приглядываться друг к другу, направились к административному центру армии.

— Как давно вы живете в Мемфисе?

— Год, — ответил Кем. — Я скучаю по Югу.

— Знаете ли вы старшего стражника из охраны сфинкса в Гизе?

— Видел два-три раза.

— Он внушает вам доверие?

— Это известный ветеран, слава о нем добралась даже до моей крепости. Столь почетный пост не доверяют кому попало.

— А он сопряжен с опасностями?

— Да нет, конечно! Кто нападет на сфинкса? Это почетный караул, и стражники должны в основном следить за тем, чтобы монумент не заносило песком.

Прохожие расступались перед процессией; каждый знал, как скор на расправу павиан, способный вонзить зубы в ногу вора или свернуть ему шею, до того как успеет вмешаться хозяин. Когда Кем со своей обезьяной обходил улицы, злые умыслы рассеивались сами собой.

— А вы знаете, где живет этот ветеран?

— В казенном доме возле главной казармы.

— Моя идея оказалась неудачной, вернемся в контору.

— Вы раздумали знакомиться с моим делом?

— Вообще-то я хотел взглянуть на его дело, но оно мне уже ничего не даст. Жду вас завтра утром, на рассвете. Как зовут вашего павиана?

— Убийца.

На закате судья закрыл контору и отправился погулять с собакой по берегу Нила. Стоило ли ему заострять внимание на этом ничтожном деле, с которым можно покончить раз и навсегда, просто наложив печать? Препятствовать банальной административной процедуре бессмысленно. Но так ли она банальна? Сельский житель развивает интуицию, общаясь с природой и животными; Пазаир испытывал такое странное, почти тревожное ощущение, что решил провести расследование, хотя бы краткое, чтобы потом с чистой совестью засвидетельствовать этот перевод по службе.

Смелчак любил играть, но боялся воды. Он бегал на почтительном расстоянии от реки, по которой плыли грузовые суда, изящные парусные барки и маленькие лодочки. Кто-то прогуливался, кто-то вез товары, кто-то странствовал. Нил не только кормил Египет, но и служил удобным и быстрым путем сообщения, где ветры и течение чудесным образом дополняли друг друга. Большие суда с опытным экипажем выходили из Мемфиса по направлению к морю, некоторым из них предстояло долгое плавание к дальним берегам. Пазаир не завидовал им; удел их представлялся ему жестоким, поскольку он выводил их из страны, где судья любил каждую пядь земли, каждый холм, каждую тропу в пустыне, каждое селение. Всякий египтянин боялся умереть на чужбине — закон предписывал вернуть его тело на родную землю, — чтобы он пребывал в вечности вблизи своих предков, под покровительством богов.

Смелчак издал какой-то писк; маленькая зеленая обезьянка, резвая как ветерок, плеснула на него водой. Пес стал отряхиваться, скаля зубы от унижения и обиды; проказница, забеспокоившись, прыгнула на руки к хозяйке — молодой женщине лет двадцати.

— Он не злой, — заверил Пазаир, — но терпеть не может мокрую шерсть.

— Мою обезьянку не даром зовут Проказница, она то и дело затевает разные шалости, особенно с собаками. А я безуспешно пытаюсь ее вразумить.

Ее голос был так нежен, что Смелчак успокоился, понюхал ногу хозяйки обезьяны и лизнул ее.

— Смелчак!

— Оставьте его; я думаю, он признал меня, и очень этому рада.

— А Проказница согласится дружить со мной?

— Надо выяснить. Подойдите.

На Пазаира словно столбняк нашел: он не мог ступить ни шагу. В селении вокруг него вертелись какие-то девушки, но он не обращал на них внимания: одержимый учебой и работой, он пренебрегал интрижками и сердечными делами. Радея о законности, он рано возмужал, но перед этой женщиной он почувствовал себя безоружным.

Она была прекрасна.

Прекрасна, как весенняя заря, как распутившийся цветок лотоса, как искрящаяся волна в нильском потоке. Она была немного ниже его, ее волосы отливали золотом, лицо было чистым и правильным, взгляд — прямым, а глаза — синими, как летнее небо. Длинную шею украшало ожерелье из лазурита; на запястьях и щиколотках — сердоликовые браслеты. Под льняным платьем угадывалась крепкая высокая грудь, безупречные формы нешироких бедер и длинные, стройные ноги. Руки и ноги радовали глаз изяществом линий.

— Вы что, боитесь? — спросила она удивленно.

— Нет... разумеется, нет.

Подойти к ней означало разглядеть ее поближе, вдохнуть ее запах, почти коснуться ее...

Ему на это не хватало духу.

Поняв, что он не сдвинется с места, она сделала три шага к нему навстречу и протянула ему зеленую обезьянку. Дрожащей рукой он погладил ей лоб. Бойким пальчиком Проказница почесала ему нос.

— Так она распознает друзей.

Смелчак не стал возражать, между псом и обезьянкой было заключено перемирие.

— Я купила ее на базаре, где продавали товары из Нубии; она казалась такой несчастной, такой потерянной, что я не смогла удержаться.

На ее левом запястье был странный предмет.

— Вас заинтересовали мои переносные часы?^[19] Без них при моей профессии не обойтись. Меня зовут Нефрет, я — лекарь.

Нефрет — «прекрасная, безупречная, совершенная»... Разве могло быть у нее другое имя? Казалось, такой золотистой кожи просто не бывает; каждое произнесенное ею слово было похоже на чарующее пение, которое можно услышать в деревне в час заката.

— А можно узнать ваше имя?

Он вел себя непростительно. Не представившись, он выказал себя невежей, достойным осуждения.

— Пазаир... Я один из судей этой провинции.

— Вы здесь родились?

— Нет, в фиванском районе. Я приехал в Мемфис совсем недавно.

— Я тоже там родилась!

Она радостно улыбнулась.

— Ваша собака уже закончила прогулку?

— Нет, что вы! Он неутомим.

— Тогда, может, пройдемся? Мне хочется подышать свежим воздухом, неделя выдалась изнурительная.

— Вы уже практикуете?

— Нет еще, я заканчиваю пятый год обучения. Сначала я училась аптекарскому делу и искусству приготовления снадобий, потом работала ветеринаром при храме в Дендере. Меня научили проверять чистоту крови жертвенных животных и лечить всех зверей от кошки до быка. За ошибки сурово наказывали — били палкой, как мальчиков!

У Пазаира сжалось сердце при мысли о наказании этой восхитительной плоти.

— Строгость наших учителей — лучшее воспитание, — продолжала она. — Когда учат по спине, урок запоминается навсегда. Затем я была допущена в школу целительства в Саисе, где получила звание «помогающей страждущим», после того как изучила и освоила на практике разные области врачевания — исцеление глаз, живота, ануса, головы, скрытых органов, жидких субстанций, хирургию.

— Чего же еще от вас хотят?

— Я могла бы стать врачом-специалистом, но это самый нижний уровень; я смирюсь с этим положением, если не смогу стать целителем. Специалист видит лишь один аспект болезни, лишь частное проявление истины. Боль в определенном месте не означает, что ты знаешь источник недуга. Специалист способен поставить только частичный диагноз. Стать

целителем — мечта всякого лекаря; но испытание настолько сурово, что большинство отступает.

— Чем я могу вам помочь?

— Я одна должна предстать перед моими учителями.

— Да сопутствует вам удача!

Они пересекли поляну с васильками, где резвился Смельчак, и сели в тени красной ивы.

— Я так разговорила, — посетовала она, — это не в моем обычае. Вы вызываете людей на откровенность?

— Это часть моей профессии. Кражи, задержки платежей, договоры о продаже, семейные ссоры, супружеские измены, нанесение телесных повреждений, неоправданные пошрины, клевета и тысячи других правонарушений — вот мои будни. Мне предстоит вести расследования, проверять показания, восстанавливать факты и судить.

— Это страшно тяжело!

— Ваша профессия не легче. Вам нравится лечить, мне нравится, когда торжествует справедливость; работать вполсилы было бы предательством.

— Терпеть не могу пользоваться обстоятельствами, но...

— Говорите, прошу вас.

— Один из моих поставщиков целебных трав исчез. Он человек неотесанный, но честный и сведущий; недавно мы подали жалобу вместе с другими лекарями. Может, вы могли бы ускорить поиски?

— Я постараюсь. Как его имя?

— Кани.

— Кани!

— Вы что, его знаете?

— Его силой привлёк к работам управляющий имением Кадаша. Теперь он свободен.

— Благодаря вам?

— Я проводил расследование и суд.

Она расцеловала его в обе щеки.

Пазаир, не отличавшийся мечтательностью, почувствовал, как перенёсся в один из райских миров, уготованных праведникам.

— Кадаш... знаменитый зубной врач?

— Он самый.

— Говорят, он был хорошим лекарем, но ему давно пора отойти от дел.

Зеленая обезьянка зевнула и прикорнула на плече у Нефрет.

— Мне пора идти, было очень приятно с вами поговорить. Вряд ли нам случится встретиться вновь; от всей души благодарю, что спасли Кани.

Она не шла — она танцевала; поступь ее была легка, фигура излучала свет.

Пазаир еще долго сидел под красной ивой, стараясь запечатлеть в памяти малейшее ее движение, самый мимолетный взгляд, тембр голоса.

Смельчак положил правую лапу хозяину на колени.

— А, ты понял... Я без памяти влюбился.

Кем и павиан явились в назначенный час.

— Вы готовы отвести меня к начальнику стражи сфинкса? — спросил Пазаир.

— Как прикажете.

— Этот тон мне нравится не больше прежнего: язвительность ничем не лучше агрессивности.

Замечание судьи задело нубийца.

— Я не намерен пресмыкаться перед вами.

— Будьте хорошим приставом, и мы поладим.

Павиан и его хозяин уставились на Пазаира; в двух парах глаз — сдерживаемая ярость.

— Пошли.

Было раннее утро и улицы понемногу оживали: хозяйки оживленно болтали, водоносы разносили драгоценную влагу, ремесленники открывали свои мастерские. Благодаря павиану толпа расступалась.

Начальник стражи жил примерно в таком же доме, как у Беранира, правда, не столь нарядном. На пороге девочка играла с деревянной куклой; увидев обезьяну, она испугалась и с криком убежала внутрь. Сразу же вышла разгневанная мать.

— Зачем вы пугаете ребенка? Уберите это чудовище!

— Вы супруга начальника стражи сфинкса?

— По какому праву вы меня допрашиваете?

— Я судья Пазаир.

Серьезный тон судьи и поведение павиана заставили хозяйку дома притихнуть.

— Он больше здесь не живет; мой муж — тоже ветеран. Это жилище нам выделила военная администрация.

— А вы знаете, куда он уехал?

— Его жена казалась расстроенной; когда мы встретились во время ее переезда, она что-то говорила о доме в южном предместье.

— Точнее ничего не знаете?

— С чего бы мне лгать?

Павиан рванул поводок, женщина сделала шаг назад и уперлась в стену.

— Правда, ничего?

— Нет, клянусь, ничего!

***

Чтобы отвести дочь в школу танцев, секретарю Ярти пришлось отпроситься из конторы в середине дня, но зато он пообещал занести в администрацию провинции отчеты о делах, разобранных судьей. За несколько дней Пазаир решил больше проблем, чем его предшественник за полгода.

Когда зашло солнце, Пазаир зажег несколько светильников; ему очень хотелось

покончить поскорее с десятком конфликтов с налоговой службой, которые он разрешил в пользу налогоплательщиков.

Все, кроме одного, касавшегося судовладельца по имени Денес. На его деле старший судья провинции собственноручно написал: «Не давать хода».

Вместе с ослом и собакой Пазаир отправился в гости к своему учителю, посоветоваться с которым ему было некогда с тех самых пор, как он обосновался в Мемфисе. По дороге у него все не выходила из головы странная история с начальником стражи, потерявшим не только престижную работу, но и казенное жилище. Что же кроется за этим потоком неурядиц? Судья велел Кему выйти на след ветерана. Не поговорив с ним, Пазаир не станет утверждать перевод.

Смелчак то и дело чесал правый глаз левой лапой; Пазаир осмотрел пса и увидел явное раздражение. Старый лекарь сумеет его вылечить.

Дом был освещен; Беранир любил читать по вечерам, когда стихает городской шум. Пазаир толкнул входную дверь, спустился вместе с собакой в прихожую и обомлел. Беранир был не один. Он беседовал с женщиной, чей голос судья не мог не узнать. Она, здесь!

Пес проскочил у хозяина между ног и стал ласкаться.

— Заходи, Пазаир!

Судья, сделав над собой усилие, последовал приглашению. Его взгляд был прикован к Нефрет. Она сидела скрестив ноги перед старым лекарем и держала большим и указательным пальцами льняную нить, к которой был подвешен кусок гранита ромбовидной формы^[20].

— Нефрет — моя лучшая ученица, судья Пазаир. Теперь, когда все знакомы, может, выпьешь свежего пива?

— Ваша лучшая ученица...

— Мы уже встречались, — сказала она, явно забавляясь.

Пазаир возблагодарил судьбу: увидеть ее снова было для него верхом блаженства.

— Нефрет скоро предстоит пройти последнее испытание, и тогда она получит право применять свое искусство, — напомнил Беранир, — поэтому мы отрабатываем упражнения по биолокации, необходимые для того, чтобы верно поставить диагноз. Я уверен, она станет превосходным врачом, потому что умеет слушать. Кто умеет слушать, тот правильно действует. Слушать — это самое главное, нет большего сокровища. И дает нам его одно лишь сердце.

— Разве тайна целителя не в знании сердца? — спросила Нефрет.

— И эта тайна откроется тебе, когда ты будешь этого достойна.

— Я бы хотела отдохнуть.

— Непременно.

Смелчак почесал глаз. Нефрет это заметила.

— Мне кажется, ему больно, — сказал Пазаир. Пес дал себя осмотреть.

— Ничего страшного, — заключила она, — простые капли — и все пройдет.

Беранир тут же принес лекарство; глазные болезни случались нередко, и средств от них было достаточно. Подействовало снадобье быстро; отек прошел, пока девушка гладила Смелчака. Впервые Пазаир позавидовал своему псу. Он поискал предлог, чтобы ее задержать.

Беранир подал великолепное пиво, сваренное накануне.

— У тебя усталый вид; судя по всему, работы хватает.

— Я столкнулся с неким Кадашем.

— Зубной лекарь с красными руками... Человек неуравновешенный и куда более злопамятный, чем может показаться.

— Я считаю, что он виновен в принуждении крестьянина к смене рода деятельности.

— Доказательства веские?

— Только предположение.

— Проверь все тщательно; те, кто выше тебя, неточности не простят.

— А вы часто даете уроки Нефрет?

— Я передаю ей свой опыт, потому что верю в нее.

— Она родилась в Фивах.

— Она единственная дочь изготовителя дверных засовов и ткачихи. Я познакомился с ней, когда лечил ее родителей. Она задавала мне тысячу вопросов, а я поддерживал в ней стремление следовать зарождающемуся призванию.

— Женщина-лекарь... А она не столкнется с препятствиями?

— И с врагами тоже, но ее сила духа сравнима лишь с ее кротостью. Ей известно о том, что старший придворный лекарь надеется, что она не выдержит испытания.

— Внушительный противник!

— Она это понимает, но одно из ее главных достоинств — упрямство.

— Она... замужем?

— Нет.

— А жених есть?

— Насколько мне известно, пока нет.

***

Пазаир не мог заснуть всю ночь. Он все время думал о ней, слышал ее голос, ощущал ее аромат, изобретал тысячу ухищрений, чтобы снова с ней увидеться, но так ничего дельного и не придумал. Его сильно тревожил неотступный вопрос: неужели он ей совсем безразличен? Он не заметил в ней ни малейшей увлеченности своей персоной, только вежливый интерес к его должности. Даже правосудие начало приобретать для него горький привкус. Как жить дальше без нее, как смириться с ее отсутствием? Пазаир никогда бы не поверил, что любовь — это поток такой силы, который сносит все плотины и увлекает человека целиком.

Смелчак почувствовал смятение хозяина; он вложил в свой взгляд всю преданность, на какую был способен, но понял, что этого теперь недостаточно. Пазаиру было совестно расстраивать пса; он бы рад был довольствоваться этой беззаветной преданностью, но не мог противиться глазам Нефрет, ее чистому облику, затянувшему его в водоворот страсти.

Как быть? Молчать — значит обречь себя на страдание; открывшись, он рискует получить отказ и впасть в отчаяние. Надо убедить ее, завоевать, но каким оружием обольщения располагает он, мелкий судья без гроша за душой?

Рассвет не облегчил его мук, но побудил искать забвения в исполнении обязанностей судьи. Он покормил Смелчака и Северного Ветра и оставил контору на их попечении, нисколько не сомневаясь в том, что секретарь опоздает. Взяв папирусную корзину, где

лежали таблички, пенал с кисточками и приготовленные чернила, он направился в гавань.

На причале стояло несколько кораблей, матросы разгружали их под руководством старшины. Сначала они закрепляли конец доски на борту и использовали ее как наклонную плоскость, а потом к шестам веревками привязывали мешки и корзины и спускали их на берег. Самые сильные таскали тяжелые мешки на спине.

Пазаир обратился к старшине:

— Где я могу найти Денеса?

— Хозяина? Да он повсюду!

— Доки что же, принадлежат ему?

— Доки — нет, зато судов — уйма! Денес — самый крупный судовладелец Мемфиса и один из самых богатых людей города.

— А могу я надеяться его увидеть?

— Он приходит, только когда пристаёт очень большое грузовое судно... Идите в центральный док. Сейчас как раз подошел один из его экипажей.

Огромное плоскодонное судно длиной около ста локтей могло взять на борт свыше шестисот пятидесяти тонн груза. Построено оно было из множества досок, вырезанных строго по размеру и собранных внахлест; борта корпуса были сложены из досок потолще, перевязанных кожаными ремнями. На разборной трехногой мачте, надежно укрепленной оттяжками, был поднят парус внушительных размеров. Под командованием капитана на судне убрали тростниковую решетку и спускали круглый якорь.

Когда Пазаир захотел подняться на борт, путь ему преградил матрос.

— Вы не член экипажа.

— Я судья Пазаир.

Матрос посторонился. Судья прошел по мостику и добрался до каюты капитана — хмурого мужчины лет пятидесяти.

— Я хотел бы видеть Денеса.

— Хозяина, в такой час? И не думайте!

— Мне подана жалоба, по всей форме.

— По какому поводу?

— Денес берет пошлину за разгрузку судов, которые ему не принадлежат, а это незаконно и несправедливо.

— А, опять эта старая история! Хозяин пользуется этой привилегией с ведома администрации. Каждый год на него подают жалобу — дело привычное. Но это неважно, можете выбросить ее в реку.

— Где он живет?

— Самая большая усадьба за доками, там, где начинается дворцовый квартал.

Без осла ориентироваться Пазаиру было трудновато, а без дозорного павиана пришлось пробираться сквозь толпу женщин, оживленно судачивших вокруг уличных торговцев.

Огромная усадьба Денеса была обнесена высокой стеной, мощные ворота охранял страж, вооруженный дубиной. Пазаир назвал свое имя и попросил о встрече с хозяином. Стражник позвал управляющего, тот отправился доложить и вернулся за судьей минут десять спустя.

Пазаир едва успел подивиться красоте сада, живописности прудов и великолепию цветущих клумб, как его привели в просторный зал с четырьмя опорными столбами и стенами, расписанными сценами охоты.

Судовладелец сидел в глубоком кресле с ножками в виде львиных лап. Это был дородный мужчина лет пятидесяти, весьма грузный, с довольно грубым квадратным лицом, украшенным тонкой каймой белой бороды. Один слуга тщательно умащал его кожу, другой делал ему маникюр, третий был занят его прической, четвертый натирал благовониями его ноги, а пятый зачитывал меню.

— Судья Пазаир! Каким ветром вас сюда занесло? — обратился Денес к вошедшему.

— Жалоба.

— Вы завтракали? Я еще нет.

Денес отослал слуг, занимавшихся его туалетом, и сразу вошли два повара, поставившие перед ним хлеб, пиво, жареную утку и медовый пирог.

— Угощайтесь.

— Благодарю.

— Если с утра не поесть хорошенько, день удачи не принесет.

— Против вас выдвинуто серьезное обвинение.

— Очень странно!

В голосе Денеса не было благородства; он иногда срывался на высокие ноты, выдавая нервозность, никак не вязавшуюся с обликом этого человека.

— Вы берете неоправданную пошлину за разгрузку, а также вас подозревают в незаконном взимании налога с жителей прибрежной полосы, примыкающей к двум государственным пристаням, которыми вы часто пользуетесь.

— Старые привычки! Не беспокойтесь. Ваш предшественник обращал на это не больше внимания, чем старший судья провинции. Забудьте об этом и отведайте утиног филе.

— Боюсь, это невозможно.

Денес прекратил жевать.

— Мне некогда этим заниматься. Поговорите с моей женой; она вас убедит, что вы зря тратите время.

Судовладелец хлопнул в ладоши — и тотчас появился управляющий.

— Проводите судью в контору госпожи Нанефер, — приказал Денес и сосредоточился на завтраке.

***

Госпожа Нанефер была женщиной деловой. Прекрасно сложенная, статная, подвижная, она была одета по последней моде, на голове — величественный черный парик с тяжелыми косами, на шее — ожерелье из аметистов, бирюзовая пектораль, очень дорогие серебряные браслеты и сетка из зеленого жемчуга на длинном платье. Она владела обширными плодородными землями, многочисленными домами, двумя десятками хозяйств и руководила торговыми посредниками, продававшими всевозможные товары в Египте и Сирии. Будучи инспектором царских складов и Казначейства, а также главой дворцового управления по тканям, она не устояла перед обаянием Денеса, куда менее избалованного судьбой. Считая, что администратор из него никудышный, она поставила его во главе транспортной службы. Таким образом муж получил возможность много путешествовать, обрастать разнообразными

связями и предаваться своему любимому занятию — бесконечным разговорам за добрым вином.

Она презрительно смерила взглядом молодого судью, дерзнувшего проникнуть в ее владения. Слухи донесли, что этот крестьянин занял место недавно почившего судьи, с которым у нее были превосходные отношения. Наверное, это визит вежливости — замечательный повод приструнить новичка.

Он не был красив, но умел держаться с достоинством; тонкие черты, серьезное выражение лица, пронизательный взгляд. Она с неудовольствием отметила, что поклонился он не так, как подобает низшему перед властью имущим.

— Вы недавно получили назначение в Мемфис?

— Верно.

— Поздравляю, такой пост предвещает блестящую карьеру. Зачем вы хотели меня видеть?

— Речь идет о несправедливо взимаемой пошине, которая...

— Я знаю об этом, и Казначейство тоже.

— То есть вы признаете обоснованность жалобы.

— Жалоба подается каждый год и тут же аннулируется, я пользуюсь приобретенным правом.

— Это противоречит закону и справедливости.

— Вам следовало бы поподробнее разузнать о том, как далеко простираются мои полномочия. Как инспектор Казначейства, я сама аннулирую подобные жалобы. Торговые интересы страны не должны страдать от устаревших формальностей.

— Вы превышаете свои полномочия.

— Громкие слова, лишённые смысла! Вы ничего не понимаете в жизни, молодой человек.

— Соблаговолите воздержаться от фамильярности. Следует ли напоминать, что я задаю вопросы как официальное лицо?

Нанефер не могла не принять в расчет этого предупреждения. Судья, даже самый скромный, обладал немалой властью.

— Вы хорошо устроились в Мемфисе?

Пазаир не отвечал.

— Я слышала, ваше жилище оставляет желать лучшего; когда мы с вами подружимся по ходу дела, я смогу вам сдать совсем недорого очень милую усадьбу.

— Меня вполне устраивает выделенное мне жилище.

Улыбка застыла на губах Нанефер.

— Эта жалоба просто смешна, поверьте.

— Вы признали факты.

— Но вы же не станете спорить со своими вышестоящими инстанциями!

— Если они ошибаются, стану, ни минуты не сомневаясь.

— Берегитесь, судья Пазаир; вы не всемогущи.

— Я это осознаю.

— Вы намерены рассмотреть жалобу?

— Я вызову вас к себе в контору.

— Соблаговолите удалиться.

Пазаир повиновался.

Госпожа Нанефер в ярости ворвалась в апартаменты мужа. Денес примерял новую широкую набедренную повязку.

— Ну что, судьишка укрощен?

— Наоборот, тупица! Он настоящий дикарь.

— Ты слишком мрачно смотришь на вещи, давай подарим ему что-нибудь.

— Бесполезно. Чем собой любоваться, лучше б им занялся. Его надо унять как можно скорее.

— Здесь, — объявил Кем.

— Точно? — спросил Пазаир, пораженный.

— Абсолютно, это дом начальника стражи сфинкса.

— Откуда такая уверенность?

Нубиец свирепо улыбнулся.

— Благодаря моему павиану языки развязались сами собой. Когда он оскалит зубы, заговорит даже немой.

— Но такие методы...

— Они эффективны. Вам нужен был результат — вы его получили.

Их взору предстало самое жалкое предместье большого города. Ели тут досыта, как и во всем Египте, но многие лачуги были в плачевном состоянии и гигиена оставляла желать лучшего. Здесь жили сирийцы, надеявшиеся получить какую-нибудь работу, крестьяне, приехавшие в город искать счастья и быстро утратившие иллюзии, вдовы, стесненные в средствах. Квартал явно не подходил для начальника стражи самого знаменитого сфинкса в Египте.

— Я поговорю с ним.

— Место не внушает доверия, вам не стоит идти туда одному.

— Тогда пойдем вместе.

Пазаир с удивлением отметил, что двери и окна закрывались при их приближении. Гостеприимство, столь милое сердцу египтян, здесь, похоже, было не в чести. Павиан нервничал и продвигался вперед скачками. Нубиец внимательно разглядывал крыши.

— Чего вы боитесь?

— Лучника.

— Зачем кому-либо покушаться на нашу жизнь?

— Вы же ведете расследование; раз мы оказались здесь, значит, дело нечисто. На вашем месте я бы отступил.

Дверь из пальмового дерева, судя по всему, была крепкой. Пазаир постучал.

Внутри кто-то зашевелился, но не ответил.

— Откройте, я — судья Пазаир.

Тишина. Войти в дом без разрешения было действием противоправным. Судья боролся со своей совестью.

— Вы думаете, ваш павиан...

— Убийца состоит на службе; пищу для него предоставляет администрация, и мы должны давать отчет о каждом его вмешательстве.

— Практика отличается от теории.

— К счастью, — отозвался нубиец.

Дверь не долго сопротивлялась обезьяне, чья сила поразила Пазаира; хорошо, что Убийца на стороне закона.

Две маленькие комнатки тонули во мраке, так как окна были завешены циновками. Земляной пол, сундук для белья, еще один для посуды, циновка для сидения, туалетные принадлежности — обстановка скромная, но опрятная.

В дальней комнате, забившись в угол, сидела маленькая седая женщина в коричневой

тунике.

— Не бейте меня, — умоляла она, — я ничего не сказала, клянусь!

— Успокойтесь, я хочу вам помочь.

Она оперлась на руку судьи и встала. Внезапно глаза ее расширились от ужаса.

— Обезьяна! Она раздерет меня в клочья!

— Нет, — успокоил ее Пазаир, — она служит закону. Вы супруга начальника стражи сфинкса?

— Да... — ее голос звучал еле слышно.

Пазаир предложил собеседнице сесть на циновку и сам устроился напротив нее.

— Где ваш муж?

— Он... он уехал.

— Почему вы покинули казенное жилище?

— Потому что он получил отставку.

— Я занимаюсь делом о его переводе, — сообщил Пазаир. — В официальных документах ничего не говорится об отставке.

— Может, я что-то пугаю...

— Что произошло? — мягко спросил судья. — Поймите, я вам не враг; если я могу вам помочь, я это сделаю.

— Кто вас послал?

— Никто. Я провожу расследование по собственной инициативе, потому что не хочу утверждать решение, которого не понимаю.

Глаза старой женщины увлажнились слезами.

— Вы... правду говорите?

— Клянусь жизнью фараона.

— Мой муж скончался.

— Вы в этом уверены?

— Солдаты заверили меня, что он будет похоронен по всем правилам. Мне велено было переехать и поселиться здесь. Я буду получать небольшую пенсию до конца дней, при условии, что буду молчать.

— А что вам рассказали об обстоятельствах его смерти?

— Несчастный случай.

— Я узнаю правду.

— Какая разница?

— Давайте я перевезу вас в безопасное место.

— Я останусь здесь и буду ждать смерти. Уходите, умоляю вас.

***

Старший лекарь египетского двора Небамон мог гордиться собой. Переступив порог шестидесятилетнего возраста, он все еще оставался очень видным мужчиной; список его сердечных побед будет расти еще долго. Имея кучу титулов и почетных наград, он проводил больше времени на приемах и пирах, чем в своем кабинете, где за него трудились молодые

честолюбивые врачи. Устав от чужих страданий, Небамон избрал себе сферу деятельности приятную и доходную — эстетическую хирургию. Прекрасные дамы желали устранить кое-какие недостатки, чтобы подольше сохранить свое очарование и заставить соперниц зеленеть от зависти. Только Небамон мог даровать им вторую молодость и оградить их прелести от воздействия времени.

Старший лекарь думал о великолепной каменной двери, которая в знак особой милости фараона украсит вход в его усыпальницу. Монарх собственноручно очертил темно-синей краской контур будущего проема, к великой досаде придворных, мечтавших о такой привилегии. Купаясь в лести, богатстве и славе, Небамон лечил чужеземных принцев, готовых платить весьма солидные вознаграждения. Перед тем как взять нового пациента, он долго наводил справки и соглашался на консультацию, только если речь шла о доброкачественной, легко излечимой болезни. Неудача могла бы бросить тень на его репутацию.

Личный секретарь доложил ему о приходе Нефрет.

— Пусть войдет.

Молодая женщина раздражала Небамона, так как отказалась работать под его началом. Он обиделся и собирался отомстить. Если она получит право лечить людей, он постарается лишить ее каких бы то ни было административных полномочий и отослать подальше от двора. Некоторые утверждали, что у нее врожденный дар целительства и что ее способности к биолокации позволяют ей ставить диагноз быстро и точно; поэтому он решил дать ей последний шанс, прежде чем обрушить на нее свой гнев и обречь на жалкое существование. Или она подчинится ему, или он ее уничтожит.

— Вы посылали за мной.

— У меня к вам одно предложение.

— Послезавтра я уезжаю в Саис.

— Я знаю, это ненадолго.

Нефрет действительно была очень красива; Небамон мечтал о такой молодой очаровательной любовнице, которую можно было бы показать в самом избранном обществе. Но природное благородство и чистый свет, исходивший от нее, мешали ему произнести пару ничтожных комплиментов, обычно имевших такой успех; соблазнить ее будет делом трудным, но чрезвычайно заманчивым.

— У меня тут интересный случай, — продолжал он. — Добропорядочная женщина из большой, неплохо обеспеченной семьи, хорошая репутация.

— Что с ней случилось?

— Радостное событие: она выходит замуж.

— Это что, болезнь?

— Ее муж выдвинул требование: подправить те части тела, которые ему не нравятся. Некоторые линии будет легко изменить; мы снимем немного жира там, где это угодно супругу. Сузить бедра, убрать припухлость щек, перекрасить волосы — это же детские игрушки.

Небамон не стал уточнять, что уже получил за свое вмешательство десять кувшинов мазей и редких благовоний — целое состояние, исключавшее возможность неудачи.

— Ваше содействие, Нефрет, меня бы очень порадовало, у вас твердая рука. Кроме того, я составлю хвалебный отчет, он вам пригодится. Так вы согласны взглянуть на мою пациентку?

Он избрал самый обольстительный тон. Не дав Нефрет времени ответить, он ввел госпожу Силкет. Та в полном замешательстве прятала лицо.

— Я не хочу, чтобы на меня смотрели, — сказала она голосом перепуганной девочки, — я слишком безобразна!

Под широким платьем, тщательно скрадывавшим очертания тела госпожи Силкет, угадывались весьма пышные формы.

— Как вы питаетесь? — спросила Нефрет.

— Я... я не придаю этому значения.

— Вы любите сладкое?

— Очень.

— Вам бы пошло на пользу есть его поменьше. Могу я посмотреть на ваше лицо?

Мягкость Нефрет преодолела сопротивление Силкет, она убрала руки от лица.

— Вы выглядите очень молодо.

— Мне двадцать лет.

Кукольное личико было, конечно, полновато, но не внушало ни ужаса, ни отвращения.

— Почему вы не принимаете себя такой, какая вы есть?

— Мой муж прав, я ужасна! Я обязана ему нравиться.

— Не чрезмерна ли такая покорность?

— Он такой сильный... И потом, я обещала!

— Убедите его, что он ошибается.

Небамона охватил гнев.

— Не нам судить о побуждениях пациентов, — сухо вставил он. — Наше дело — удовлетворять их желания.

— Я отказываюсь заставлять напрасно страдать эту молодую особу.

— Выйдите отсюда!

— С удовольствием.

— Зря вы так себя ведете, Нефрет.

— По-моему, я верна идеалу целителя.

— Вы ничего не знаете и ничего не добьетесь! Ваша карьера окончена.

***

Секретарь Ярти кашлянул, Пазаир поднял голову.

— Что-то не так?

— Вызывают.

— Меня?

— Вас. Старший судья царского портика хочет немедленно вас видеть.

Вынужденный подчиниться, Пазаир отложил кисточку и палетку.

Перед царским дворцом, как перед любым храмом, был выстроен деревянный портик, где вершил правосудие судья. Там он выслушивал жалобы, отличал истину от незаконной лжи, защищал слабых и спасал их от сильных.

Старший судья заседал перед царским дворцом; примыкающее к фасаду строение, в

центре которого находился приемный зал, имело прямоугольную форму и опиралось на четыре столба. Когда визирь отправлялся к фараону, он обязательно заходил поговорить со старшим судьей царского портика.

Приемный зал был пуст. На позолоченном деревянном стуле восседал хмурый судья в переднике до колен. Твердость его характера и весомость речей были известны всем.

— Вы судья Пазаир?

Молодой человек поклонился с почтением: аудиенция у старшего судьи провинции была для него значимым событием. Внезапный вызов и встреча лицом к лицу не предвещали ничего хорошего.

— Начало карьеры ошеломляющее, — проговорил старший судья, — вы удовлетворены?

— Разве удовлетворение возможно? Больше всего на свете мне бы хотелось, чтобы человечество обрело мудрость и судейские конторы стали не нужны; но эта детская мечта рассеивается.

— О вас много говорят, хотя вы в Мемфисе совсем недавно. Вы осознаете значение своего долга?

— В нем вся моя жизнь.

— Вы работаете много и быстро.

— Однако, на мой взгляд, недостаточно; когда я лучше разберусь в трудностях моей задачи, я буду приносить больше пользы.

— Пользы... Что значит это слово?

— Одна справедливость для всех. Разве не в этом наш идеал и наш закон?

— А кто утверждает обратное?

Голос старшего судьи сделался хрипловатым. Он встал и принялся ходить взад и вперед.

— Я не одобряю ваших выводов относительно зубного лекаря Кадаша.

— Я подозреваю его.

— Где доказательства?

— В моем отчете уточняется, что я их не получил; поэтому я не предпринял против него никаких действий.

— Тогда к чему эта бесполезная агрессивность?

— Чтобы привлечь к нему ваше внимание; вы, наверное, располагаете более полной информацией, чем я.

Старший судья замер, вне себя от ярости.

— Берегитесь, судья Пазаир! Вы что же, намекаете, что я затормозил его дело?

— Даже в мыслях не было; если вы сочтете необходимым, я продолжу расследование.

— Забудьте о Кадаше. Почему вы преследуете Денеса?

— В его случае правонарушение очевидно.

— Разве формальная жалоба, поданная против него, не сопровождалась рекомендацией?

— Да, действительно: «не давать хода». Поэтому я и занялся этим делом в первую очередь. Я дал себе клятву сопротивляться подобной практике из последних сил.

— А вам известно, что автором этого... совета был я?

— Достигший величия должен служить примером, а не пользоваться своим богатством для угнетения простых смертных.

— Вы забываете об экономической необходимости.

— Если она когда-нибудь возьмет верх над правосудием, Египет будет обречен на

смерть.

Слова Пазаира поколебали старшего судью. Он сам в молодости высказывал те же суждения, и столь же пылко. А потом пошли сложные случаи, продвижение по службе, необходимые примирения, компромиссы, уступки иерархии, зрелость...

— Что вы вменяете в вину Денесу?

— Вы сами знаете.

— Вы полагаете, за такое поведение его следует осудить?

— Ответ очевиден.

Старший судья не мог сказать Пазаиру, что только что говорил с Денесом и что судовладелец просил его сместить слишком ревностного судью.

— Вы намерены продолжать следствие?

— Да, намерен.

— А вы знаете, что я могу сей же час отправить вас обратно в деревню?

— Да, знаю.

— И такая перспектива не изменит вашего взгляда на вещи?

— Нет.

— Вы что, глухи к любым доводам рассудка?

— Речь идет просто о попытке давления. Денес — мошенник; он пользуется неоправданными привилегиями. Раз его случай оказался в моем ведении, почему бы мне им не заняться?

Старший судья думал. Обычно он действовал решительно, без колебаний, с полной уверенностью, что служит своей стране. Поведение Пазаира пробудило в нем столько воспоминаний, что он видел себя на месте молодого судьи, полного решимости неукоснительно исполнять свой долг. Эти иллюзии развеет время, но значит ли это, что не стоит пытаться достичь невозможного?

— Денес — человек богатый и могущественный. Его жена известна своей деловой хваткой. Благодаря им товары доставляются повсюду наилучшим образом. Зачем их беспокоить?

— Не ставьте меня в положение обвиняемого. Если Денес будет осужден, грузовые суда не перестанут ходить вверх и вниз по Нилу.

После долгого молчания старший судья сел в свое кресло.

— Исполняйте свои обязанности как знаете, Пазаир.

Нефрет уже два дня предавалась медитации в одной из комнат школы медицины в Саисе, в Дельте, где будущие врачи подвергались испытанию, природа которого всегда была тайной. Многие его не выдерживали; в стране, где продолжительность жизни нередко достигала восьмидесяти лет, в сословие лекарей принимали только самых одаренных.

Удастся ли девушке осуществить свою мечту и посвятить себя борьбе со злом? Она познает трудности и неудачи, но не отступит и будет стремиться победить страдание. Но сначала надо удовлетворить требованиям саисских светил медицинской науки.

Жрец принес ей сушеного мяса, фиников, воды и медицинские папирусы, которые она уже столько раз читала и перечитывала; некоторые понятия начинали путаться. То волнуясь, то веря в успех, она погрузилась в созерцание большого сада с циратониями^[21], разбитого вокруг школы.

Когда солнце склонилось к горизонту, за ней пришел хранитель смирны — аптекарь, занимавшийся изготовлением смесей для окуривания больных лечебным дымом. Он провел ее в специальное помещение, где она предстала перед несколькими его коллегами. Каждый попросил Нефрет выполнить рецепт, приготовить различные снадобья, оценить токсичность вещества, определить сложные ингредиенты, подробно рассказать о сборе растений, смолы, меда. Чтобы справиться с этим, ей не раз приходилось напрягать свою память.

По окончании пятичасового экзамена четыре аптекаря из пяти дали положительную оценку. Пятый их мнения не разделял: Нефрет дважды ошиблась в дозировках. Не принимая во внимание усталость, он требовал дополнительной проверки ее знаний. Если она откажется, ей придется покинуть Саис.

Нефрет выдержала. Не изменяя своему обычному мягкому тону, она отражала натиск придирчивого аптекаря. Он сдался первым.

Не получив ни малейшей похвалы, она удалилась в свою комнату и заснула, как только легла на циновку.

***

Аптекарь, так сурово испытывавший ее накануне, разбудил ее на рассвете.

— Вы можете продолжать. Вы настаиваете?

— Я в вашем распоряжении.

— У вас есть полчаса на омовение и завтрак. Предупреждаю: следующее испытание опасно.

— Я не боюсь.

— Подумайте.

На пороге испытательного помещения аптекарь повторил предостережение.

— Не пренебрегайте моим предупреждением.

— Я не отступлю.

— Как вам угодно. Держите. — Он дал ей рогатину. — Войдите и приготовьте

лекарство из ингредиентов, которые там найдете.

Аптекарь закрыл за Нефрет дверь. На низком столике — пузырьки, чашечки, кувшины; в самом дальнем углу под окном — закрытая корзина. Она подошла. Плетение крышки было достаточно редким, чтобы она могла видеть, что внутри.

Она в ужасе отпрянула.

Рогатая гадюка.

Укус ее смертелен, но ее яд составляет основу очень действенных лекарств против кровотечений, нервных расстройств и сердечных болезней. Она сразу поняла, чего ждет от нее аптекарь.

Подождав, пока дыхание вновь станет ровным, она приподняла крышку; рука не дрожала. Осторожная змея не торопилась покидать свое укрытие. Сосредоточившись и замерев, Нефрет смотрела, как она переползает через борт корзины и выбирается на пол. Метровая гадюка перемещалась быстро, два рога угрожающе торчали из головы.

Нефрет изо всех сил сжала палку, встала слева от змеи и собралась прижать ей голову рогатиной. На какой-то момент она зажмурилась; если она промахнется, гадюка скользнет вверх по палке и укусит ее.

Тело змеи отчаянно извивалось. Она не промахнулась.

Нефрет встала на колени и ухватила гадюку за голову. Теперь она заставит ее исторгнуть драгоценный яд.

***

На корабле, увозившем Нефрет в Фивы, девушке почти совсем не удалось отдохнуть. Множество врачей засыпали ее вопросами по тем отраслям медицины, которыми она занималась во время учебы; каждый интересовался своей специальностью.

Нефрет легко приспосабливалась к новым условиям. В самых непредвиденных обстоятельствах она знала, как себя вести, принимала резкие повороты судьбы, разнообразие людских характеров и мало думала о себе, стремясь постичь скрытые силы и тайны. Ей хотелось счастья, но и превратности не встречали протеста — через них девушка чаяла обрести радость, таящуюся под невзгодами.

Ни разу не ощутила она враждебности по отношению к своим мучителям, ведь они укрепляли ее дух и проверяли, насколько тверда она в своем призвании.

Вновь увидеть Фивы, свой родной город, было для нее огромной радостью. Небо здесь казалось ей синее, чем в Мемфисе, а воздух — чище. Когда-нибудь она вернется сюда, будет жить рядом с родителями, сможет снова гулять по местам своего детства. Она вспомнила о своей обезьянке, оставленной на попечение Беранира с надеждой, что она с уважением отнесется к старому учителю и будет проказничать поменьше.

Два жреца с бритыми головами распахнули перед ней ворота, за высокой оградой располагалось несколько святилищ. Там, во владениях богини Мут, чье имя одновременно означало «мать» и «смерть», врачи проходили посвящение.

Девушку встретил верховный жрец.

— Я получил донесение из саисской школы; если желаете, вы можете продолжать.

— Я желаю.

— Окончательное решение принадлежит не людям. Сосредоточьтесь, ибо сейчас вы предстанете перед судьей, принадлежащим иному миру.

Верховный жрец надел на шею Нефрет веревку с тринадцатью узлами и велел ей встать на колени.

— Тайна целителя^[22], — поведал он, — в знании сердца — от него видимые и невидимые сосуды расходятся ко всем органам и ко всем членам. Поэтому голос сердца слышен во всем теле. Когда вы станете слушать пациента, накладывая руку на его голову, затылок, руки, ноги или другие части тела, старайтесь прежде всего уловить голос сердца и его пульсацию. Удостоверьтесь, что оно прочно держится на месте, никуда не смещается, что оно не слабеет, что ритм его танца не нарушен. Помните, что по телу идут каналы, переносящие неуловимую энергию точно так же, как воздух, кровь, воду, слезы, сперму или фекальные массы. Следите за чистотой сосудов и лимфы. Если возникла болезнь, значит, что-то нарушилось в циркуляции энергии. За симптомами старайтесь разглядеть причину. Будьте откровенны со своими пациентами и сумеете поставить один из трех возможных диагнозов: болезнь, которую я знаю и вылечу; болезнь, с которой я буду бороться; болезнь, против которой я бессильна. Идите навстречу своей судьбе.

***

В святилище царицы тишина.

Нефрет ждала, сидя на пятках, положив руки на колени, закрыв глаза. Время перестало существовать. Духовно сосредоточившись, она подавила в себе тревогу. Как не преисполниться доверия к братии жрецов-врачевателей, испокон веков, сколько существует Египет, благословлявших призвание целителей?

Ее подняли двое жрецов; перед ней отворилась дверь из кедрового дерева, ведущая в молельню. Жрецы за ней не пошли. Не ощущая ни страха, ни надежды, Нефрет ступила в погруженную во мрак длинную комнату.

Тяжелая дверь закрылась у нее за спиной.

И тотчас же Нефрет ощутила чье-то присутствие, кто-то таился в темноте и наблюдал за ней. Опустив руки вдоль туловища, с трудом переводя дыхание, девушка не утратила ясности мысли. До сих пор она шла одна, и теперь будет защищаться одна.

Вдруг луч света, упавший с крыши храма, осветил диоритовую статую возле дальней стены. Она представляла выступающую вперед богиню Сехмет — наводящую ужас львицу, которая ежегодно пытается истребить человечество, насылая мириады миазмов, болезней и тлетворных микробов. Ежегодно обходит она землю, принося с собой лихо и смерть. Только лекари могут противостоять свирепой богине, им она покровительствует; она одна может обучить их искусству врачевания и тайнам целительных снадобий.

Ни один смертный, как часто доводилось слышать Нефрет, не смел смотреть в лицо богине Сехмет под страхом смерти.

Ей следовало опустить глаза, отвести взгляд от жуткой статуи, от лица кровожадной львицы^[23], но она не дрогнув воззрилась на богиню.

Нефрет смотрела на Сехмет.

Она молила богиню распознать, правда ли у нее есть призвание, проникнуть в самые потаенные глубины ее души, дабы понять, подлинно ли оно. Луч света стал шире и осветил целиком каменную фигуру. Ее могущество подавило девушку.

Произошло чудо: ужасная львица улыбнулась.

***

Коллегия фиванских врачей собралась в большом зале с колоннами и бассейном в центре. Верховный жрец подошел к Нефрет.

— Тверды ли вы в своем намерении лечить больных?

— Богиня была свидетелем моей клятвы.

— То, что рекомендуешь другим, нужно прежде испытать на себе самом.

Жрец поднес чашу, полную красноватой жидкости.

— Вот яд. Выпив его, вы определите его природу и поставите себе диагноз. Если он будет верен, вы получите хорошее противоядие. Если неверен — умрете. Закон Сехмет оградит Египет от плохого лекаря.

Нефрет приняла чашу.

— Вы вольны отказаться пить и покинуть это собрание.

***

Похоронная процессия, сопровождаемая плакальщицами, прошла вдоль ограды храма и направилась к реке. Бык тянул повозку, на которой стоял саркофаг.

С крыши храма за игрой жизни и смерти наблюдала Нефрет.

Вконец обессилив, она радовалась ласковым прикосновениям солнечных лучей.

— Вам будет холодно еще несколько часов, но яд не оставит никаких следов в вашем организме. Быстрота вашей реакции и точность диагноза произвели большое впечатление на собрание.

— А вы спасли бы меня, если бы я ошиблась?

— Кто лечит других, должен быть безжалостен к себе самому. Как только вы поправитесь, вы вернетесь в Мемфис и займете свой первый пост. На своем пути вы встретите немало препятствий. Такая молодая и одаренная целительница будет вызывать зависть. Не будьте ни слепы, ни наивны.

Над храмом резвились ласточки. Нефрет думала о своем учителе Беранире — о том, кто научил ее всему и кому она была обязана жизнью.

Пазаиру было все труднее и труднее сосредоточиться на работе, в каждом иероглифе он видел лицо Нефрет.

Секретарь принес ему штук двадцать глиняных пластинок.

— Список ремесленников, принятых на работу в арсенал за последний месяц; нам надо проверить, не имел ли кто из них проблем с правосудием.

— И как быстрее всего это выяснить?

— Заглянуть в регистрационные записи большой тюрьмы.

— Вы можете этим заняться?

— Только завтра; сегодня мне надо домой пораньше, мы отмечаем день рождения дочери.

— Желаю хорошо повеселиться, Ярти.

После ухода секретаря Пазаир перечитал текст, который он написал, чтобы вызвать в суд Денеса и изложить ему суть обвинения. В глазах потемнело от усталости. Он накормил Северного Ветра, и тот улегся спать у дверей конторы, а судья отправился немного пройтись вместе со Смелчаком. Бредя наугад, он очутился в тихом квартале рядом со школой писцов, где будущая египетская элита постигала секреты своего ремесла.

Вдруг в тишине хлопнула дверь, послышались крики и отголоски музыки — угадывались звуки флейты и тамбурина. Пес наострил уши; Пазаир, заинтригованный, остановился. Ссора набирала обороты; за угрозами последовали удары, кто-то закричал от боли. Смелчак, не выносивший насилия, прижался к ноге хозяина.

Метрах в ста от того места, где стоял Пазаир, молодой человек в красивом белом одеянии писца перелез через стену школы, спрыгнул в переулок и со всех ног понесся в его сторону, горланя слова непристойной песни, прославлявшей распутных девиц. Когда он пробежал мимо судьи, лунный свет осветил его лицо.

— Сути!

Беглец резко остановился и обернулся.

— Кто меня звал?

— Кроме меня, здесь никого нет.

— Скоро будут, меня хотят побить. Побежали!

Пазаир не заставил просить себя дважды. Смелчак, обезумев от радости, помчался с ними. И подивился, как плохо бегают люди, потому что минут через десять они уже остановились, чтобы перевести дух.

— Сути... так это ты?

— Верно, как то, что ты — Пазаир! Еще немного — и мы в безопасности.

Все трое укрылись в пустом амбаре на берегу Нила, вдали от тех мест, которые патрулировала вооруженная стража.

— Я надеялся, что мы скоро встретимся, но не при таких обстоятельствах.

— А что, обстоятельства презабавные! Я только что сбежал из этой тюрьмы.

— Это великая мемфисская школа писцов — тюрьма?

— Я бы там помер со скуки.

— Ты же хотел стать ученым, когда пять лет назад уезжал из селения.

— Да я бы что угодно придумал, лишь бы в городе оказаться. Мне только одно

разрывало душу — что пришлось тебя, моего единственного друга, бросить там, среди крестьян.

— Разве там мы не были счастливы?

Сути лег на пол.

— Были временами, ты прав... Но мы же выросли! Развлекаться и жить настоящей жизнью в селении было уже невозможно. Я мечтал о Мемфисе!

— Ну и как, сбылась мечта?

— Поначалу я терпел; учиться, работать, читать, писать, слушать, как тебе отверзают разум, познавать все сущее, все, что сотворено создателем и записано Тотом, небо и то, что на нем, землю и то, что в ней, что таят в себе горы, что несет река, что растет на спине земли...^[24] Тоска! К счастью, я быстро начал захаживать в пивные дома.

— В эти дома разврата?!

— Ой, только не надо наставлять меня на путь истинный, Пазаир.

— Ты же любил читать больше чем я.

— О книги и мудрые изречения! За пять лет мне этим все уши прожужжали. Хочешь, изображу наставников? «Люби книги, как свою мать; нет ничего превыше их; книги мудрых — это пирамиды, чернильница — их дитя. Слушай советы тех, кто мудрее тебя, читай их речи, запечатленные в книгах; стань человеком ученым, не предавайся лени и праздности, дай знанию проникнуть в твое сердце». Ну как, я усвоил урок?

— Отлично.

— Пустая приманка для слепцов!

— Что произошло сегодня вечером?

— Сегодня я устроил вечеринку.

— В школе?

— Да-да, в школе! Большинство моих товарищей — люди скучные, печальные и безликие; им надо было выпить вина и пива, чтобы забыть о своих любимых занятиях. Мы музицировали и пили, мы блевали и пели! Лучшие ученики барабанили по собственному животу, нацепив на себя цветочные гирлянды.

Сути расправил плечи.

— Наши забавы не понравились надзирателям, они ворвались к нам с палками. Я защищался, но ребята меня выдали. Пришлось бежать.

Пазаир был ошеломлен.

— Да ведь тебя исключат из школы.

— Ну и хорошо! Не суждено мне стать писцом. Никому не причини вреда, избегай сердечных тревог, не оставляй ближнего в нужде и страдании... Оставим эту утопию мудрым! Я жажду приключений, Пазаир, больших приключений!

— Каких?

— Еще не знаю... Нет, знаю: армия. Я буду много странствовать и увижу разные страны, разные народы.

— Тебе придется рисковать жизнью.

— Пройдя через опасности я стану дорожить ею еще больше. Стоит ли думать о благополучии, если смерть все разрушит? Поверь, Пазаир, надо жить одним днем и ловить каждый миг наслаждения. Ведь мы не более чем бабочки, так будем же перелетать с цветка на цветок.

Смельчак зарычал.

— Кто-то идет, надо уходить.

— У меня голова кружится.

Пазаир протянул руку; Сути уцепился за нее, чтобы встать.

— Обопрись на меня.

— А ты все такой же, Пазаир. Просто скала.

— Ты — мой друг, я — твой друг.

Они вышли из амбара, обогнули его и пошли по лабиринту маленьких улочек.

— Благодаря тебе они меня не найдут.

Ночная прохлада отрезвила Сути.

— Я больше не писец. Ну а ты?

— Просто не решаюсь тебе признаться.

— Тебя что, ищет стража?

— Не совсем.

— Контрабанда?

— Тоже нет.

— Значит, ты грабишь честных людей!

— Я — судья.

Сути замер на месте, схватил Пазаира за плечи и уставился ему прямо в глаза.

— Ты меня разыгрываешь.

— Да я же не умею.

— Это правда. Судья... Клянусь Осирисом, это невероятно! И ты арестовываешь виновных?

— Да, я имею право.

— Мелкий судья или крупный?

— Мелкий, но в Мемфисе. Я отведу тебя к себе, у меня ты будешь в безопасности.

— А ты при этом не нарушишь закона?

— Но ведь против тебя никакой жалобы не подавали.

— А если бы подавали?

— Дружба — священный закон; предав ее, я был бы недостоин своей должности.

Друзья обнялись.

— Ты всегда можешь рассчитывать на меня, Пазаир; жизнью клянусь.

— Ты повторяешься, Сути; в тот день, в селении, когда мы смешали свою кровь, мы стали больше чем братья.

— Слушай... А стражники у тебя в подчинении есть?

— Два: нубиец и павиан, один страшнее другого.

— У меня мурашки бегут по коже.

— Успокойся, из школы писцов тебя просто исключат. Постарайся не натворить ничего серьезного, а то дело может пройти мимо меня.

— Как же здорово снова найти друг друга, Пазаир!

Смелчак прыгал вокруг Сути, а тот бегал с ним наперегонки, к величайшей радости пса. Хорошо, что они нравятся друг другу, думал Пазаир. Смелчак тонко чувствовал людей, а у Сути доброе сердце. Разумеется, он не одобрял ни его мыслей, ни его образа жизни и боялся, как бы они не завели его слишком далеко; но он знал, что Сути то же самое думает о нем. Если они будут вместе, каждому, наверное, удастся почерпнуть в характере друга что-нибудь поистине ценное.

Поскольку осел тоже не имел ничего против, Сути беспрепятственно переступил порог дома Пазаира; он не стал задерживаться в конторе, где папирусы и таблички навевали неприятные воспоминания, и поднялся на второй этаж.

— Не дворец, конечно, — заметил он, — но дышать можно. Ты один?

— Не совсем, со мной живут Смельчак и Северный Ветер.

— Я имел в виду женщину.

— У меня полно работы, и потом...

— Пазаир, друг мой! Ты что, все еще... невинен?

— Боюсь, что да.

— Ладно, это мы уладим! А вот я наоборот. В деревне у меня ничего не вышло из-за бдительности парочки мамаш. Зато здесь, в Мемфисе, просто рай! Первый раз я занимался любовью с малышкой нубийкой, у которой любовников уже было больше, чем пальцев на руках. Когда пришло наслаждение, я подумал, что умираю от счастья. Она научила меня ласкать, ждать пока и ей станет хорошо, и, переведя дух, предаваться играм, где нет проигравших. Второй была невеста школьного привратника; перед тем как стать верной супругой, ей захотелось молоденького мальчика, почти подростка. Ее ненасытность наполнила меня блаженством. У нее были великолепные груди, а ягодицы прекрасны, как нильские острова перед разливом. Она научила меня изысканным ухищрениям, и мы вместе кричали от удовольствия. Потом я развлекался с двумя сирийками из пивного дома. Опыт незаменимый, Пазаир; их руки были мягче бальзама, и даже ноги умели заставить трепетать мою кожу.

Сути снова оглушительно расхохотался, Пазаир не мог больше сохранять видимость достоинства и разделил веселье друга.

— Скажу не хвастаясь: составить список моих побед было бы долгим делом. Это сильнее меня — я не могу обойтись без тепла женского тела. Целомудрие — постыдная болезнь, и лечить ее надо решительно. Завтра же займусь тобой.

— Знаешь...

В глазах Сути блеснул лукавый огонек.

— Ты отказываешься?

— У меня работа, дела...

— Ты никогда не умел врать, Пазаир. Ты влюблен и бережешь себя для своей красавицы.

— Обычно обвинительный приговор выношу я.

— Это не обвинение! В великую любовь я не верю, но с тобой все возможно. То, что ты судья и мой друг одновременно, это подтверждает. И как зовут это чудо?

— Я... Она ничего не знает. Может, я ободряюсь.

— Замужем?

— Как ты можешь!

— Запросто! В моем списке как раз недостает добродетельной супруги. Сам навязываться не буду, я человек не безнравственный, но если представится случай, не откажусь.

— Закон карает супружескую измену.

— При условии, что он о ней знает. В любви помимо самих утех самое главное — скрытность. Не буду тебя терзать расспросами о твоей избраннице; сам все разузнаю и, если надо, помогу.

Сути растянулся на циновке, сунув под голову подушку.

— А ты правда судья?

— Честное слово.

— Тогда мне бы не помешал совет.

Пазаир ожидал чего-то в этом духе; он воззвал к Тоту, чтобы то, что натворил Сути, оказалось в его компетенции.

— Дурацкая история, — объяснил друг. — На прошлой неделе я соблазнил одну молодую вдовушку — тридцать лет, гибкое тело, восхитительные губки. Бедняжка натерпелась от мужа, и его смерть оказалась большой удачей. Ей было так хорошо в моих объятиях, что она поручила мне торговую сделку: продать на базаре молочного поросенка.

— Хозяйка усадьбы?

— Да просто птичница.

— Ну и на что ты обменял поросенка?

— В том-то и загвоздка: ни на что. Вчера вечером бедное животное было зажарено во время нашей вечеринки. Я верю в свое обаяние, но вдовушка жадна и очень держится за свое добро. Если я заявлюсь к ней с пустыми руками, я рискую быть обвиненным в воровстве.

— Что еще?

— Пустяки. Задолжал кое-где понемногу; но молочный поросенок — моя главная забота.

— Спи спокойно.

Пазаир встал.

— Ты куда?

— Спущусь в контору, пороюсь в делах, наверняка что-нибудь придумаем.

Сути не любил рано вставать, но ему надо было уйти из дома судьи до рассвета. План Пазаира, при всей его рискованности, казался ему превосходным. Другу пришлось вылить ему на голову ушат холодной воды, чтобы привести в чувство.

Сути пошел в центр города, где готовился большой базар; крестьяне и крестьянки приходили сюда продавать сельскохозяйственные продукты, вволю поторговаться и посудачить обо всем на свете. Скоро должны были подтянуться первые покупатели. Пробравшись через овощные ряды, он присел на корточки в нескольких метрах от цели — птичьего вольера. Вожаденный объект был на месте: великолепный петух, которого египтяне воспринимали не как гордость курятника, но как птицу глупую и напыщенную.

Молодой человек подождал, пока жертва подойдет поближе, и схватил его ловким движением, сжав шею так, что тот чуть было не заорал. Предприятие было рискованным, если бы его поймали, перед ним распахнулись бы двери тюрьмы. Естественно, Пазаир направил его не к случайному торговцу; уличенный в мошенничестве, тот должен был выплатить пострадавшей стороне стоимость петуха. Судья не облегчил наказания, но слегка изменил процедуру. Пострадавшей стороной была администрация, а на ее месте оказался Сути.

С петухом под мышкой он беспрепятственно добрался до жилища молодой женщины, кормившей кур.

— Сюрприз, — объявил он, показывая петуха.

Она радостно обернулась.

— Он просто восхитительный! Ты здорово поторговался.

— Честно говоря, было нелегко.

— Догадываюсь: такой огромный петух стоит по меньшей мере трех молочных поросят.

— Когда человека вдохновляет любовь, он кого хочешь уговорит.

Она положила мешок с кормом, взяла петуха и выпустила его к курам.

— Да ты кого хочешь уговоришь, Сути; я чувствую, как во мне поднимается сладостное ощущение тепла, и жажду разделить его с тобой.

— Кто ж от такого откажется?

Прижавшись друг к другу, они отправились в комнату вдовы.

***

Пазаир чувствовал себя плохо, от постоянного томления он утратил былую подвижность. Вялый, словно оцепеневший, он не находил больше утешения даже в чтении великих мудрецов прошлого, которые некогда были его усадой по вечерам. Ему удалось скрыть свое отчаяние от секретаря Ярти, но обмануть учителя он не смог.

— Ты что, болен, Пазаир?

— Да просто устал.

— Может, стоит работать поменьше?

- Такое впечатление, что меня просто засыпают делами.
- Тебя испытывают, чтобы выяснить пределы твоих возможностей.
- Это уже за пределами.
- Совсем необязательно. Но сдается мне, что причина твоего состояния не в перенапряжении.

Пазаир помрачнел и ничего не ответил.

— Моя лучшая ученица выдержала испытание, — сказал старый лекарь.

— Нефрет?

— И в Саисе, и в Фивах все прошло блестяще.

— Значит, теперь она врач.

— К нашей великой радости, да.

— И где она будет работать?

— Первое время в Мемфисе. Я пригласил ее завтра вечером на скромный пир, чтобы отпраздновать успех. Придешь?

***

Денес велел посадить себя возле конторы судьи Пазаира, роскошные синие с красным носилки произвели ослепительное впечатление на прохожих. Предстоящая встреча при всей своей щекотливости была испытанием не столь тяжким, как недавнее столкновение с супругой. Госпожа Нанефер назвала мужа тупым, ни на что не годным воробьиным отродьем^[25], ведь его разговор со старшим судьей царского портика не дал никаких результатов! Перед лицом разбушевавшейся стихии Денес попытался оправдаться, ссылаясь на то, что обычно такой шаг был беспроектным. Почему же на этот раз старый судья его не послушал? Он не только не сместил этого мелкого судьишку, но еще и позволил ему послать Денесу официальную повестку по всей форме, словно самому обычному жителю Мемфиса! Из-за недальновидности Денеса теперь и он, и его жена оказались в положении подозреваемых, преследуемых каким-то безвестным судьей, приехавшим из провинции с намерением заставить всех следовать букве закона. Раз уж судовладелец умеет так блистательно вести деловые переговоры, пусть очарует Пазаира и остановит процедуру! Большая усадьба долго сотрясалась от раскатов голоса госпожи Нанефер, которая не выносила, когда ей перечат. Дурные новости портили ей цвет лица.

Северный Ветер преградил дорогу. Когда Денес захотел отпихнуть его локтем, осел осканился. Судовладелец отступил.

— Уберите животное с дороги! — потребовал он.

Секретарь Ярти вышел из конторы и потянул осла за хвост, но Северный Ветер повиновался только голосу Пазаира. Денес обошел осла, чтобы не испачкать свою дорожную одежду.

Пазаир сидел, склонившись над папирусом.

— Садитесь, прошу вас.

Денес поискал, на что сесть, но не наш ел для себя достойного сиденья.

— Вы должны оценить мою покладистость, судья Пазаир, ведь я явился на ваш вызов.

— У вас не было выбора.

— Присутствие третьего лица необходимо?

Ярти встал, готовый уйти.

— Я бы хотел вернуться домой пораньше. Моя дочь...

— Писец, вы будете записывать, когда я вас об этом попрошу.

Ярти забился в угол в надежде, что о его присутствии забудут. Денес не преминет отреагировать на такое обращение. Если он ополчится на судью, лавина снесет и секретаря.

— Я очень занят, судья Пазаир — вас не было в списке встреч, которые я назначил на сегодня.

— Зато вы есть в моем, Денес.

— Ни к чему нам говорить друг с другом в таком тоне. Вам надо уладить одну небольшую административную проблему, а мне — как можно скорее от нее отделаться. Почему бы нам не договориться?

Его тон стал дружелюбным; Денес умел заигрывать с собеседниками, льстить им. Когда их бдительность ослабевала, он наносил решающий удар.

— Вы заблуждаетесь, Денес.

— Простите?

— Мы обсуждаем не торговую сделку.

— Позвольте я расскажу вам одну басню: «Непослушный козленок убежал из стада, где он был в безопасности; на него напал волк. Увидев перед собой разинутую пасть, козленок заявил: "Господин волк, вы, наверное, с радостью полакомитесь мною, но перед тем я могу вас повеселить. Например, я умею плясать. Не верите? Поиграйте на флейте и увидите". Волк, пребывавший в веселом расположении духа, согласился. Танцуя, козленок всполошил собак, они бросились на волка, и тот был вынужден обратиться в бегство. Хищник признал свое поражение: "Я — охотник, — подумал он, — а прикинулся музыкантом. Ну и поделом мне"»^[26].

— В чем мораль вашей басни?

— Каждый должен знать свое место. Когда хочешь сыграть малознакомую тебе роль, рискуешь допустить промах и горько об этом пожалеть.

— Вы меня заинтересовали.

— Очень рад. Что ж, на этом и остановимся?

— На уровне басни, да.

— А вы понятливее, чем я полагал; вы недолго будете прозябать в этой жалкой конторе. Старший судья царского портика — мой добрый друг. Когда он узнает, что вы подошли к создавшемуся положению с пониманием, он задумается: не предложить ли вам должность поважнее. Если он поинтересуется моим мнением, оно будет в вашу пользу.

— Приятно иметь друзей.

— В Мемфисе это самое главное, вы на правильном пути.

Зря госпожа Нанефер так рассердилась; она боялась, что Пазаир не похож на других, но ошиблась. Денес хорошо знал род человеческий: за исключением нескольких жрецов, замкнувшихся в храмах, все думают только о своих интересах.

Судовладелец повернулся к судье спиной и собрался уходить.

— Вы куда?

— Встречать корабль, прибывающий с Юга.

— Но мы не закончили.

Делец обернулся.

— Вот пункты обвинения: взимание незаконной пошлины и налога, не предписанного фараоном. Штраф будет большим.

Денес побелел от гнева, голос его срывался.

— Вы что, с ума сошли?

— Запишите, секретарь: оскорбление судьи.

Судовладелец бросился на Ярти, вырвал у него табличку и яростно растоптал ее.

— Ты, сиди тихо!

— Нанесение ущерба имуществу, принадлежащему правосудию, — заметил Пазаир. — Вы усугубляете свою вину.

— Хватит!

— Вот вам папирус, здесь вы найдете юридические подробности и размер штрафа. И не повторяйте своей ошибки, иначе на ваше имя будет заведено дело в картотеке городской тюрьмы.

— Вы всего лишь козленок и будете съедены!

— Однако побежденным в басне оказался волк.

Когда Денес шел через контору, секретарь Ярти спрятался за деревянный сундук.

***

Беранир заканчивал приготовление изысканных яств. Он извлек икру из кефали, купленной у одного из лучших рыбаков Мемфиса, и в соответствии с народным рецептом промыл ее в слегка подсоленной воде, затем зажал между двумя дощечками и высушил на сквозняке. Икра обещала быть восхитительной. Еще он собирался поджарить говяжьи ребрышки и подать их с бобовым пюре; в довершение меню будут пирожки и инжир, ну и, конечно, отменное вино из Дельты. По всему дому были развешаны цветочные гирлянды.

— Я пришел первым? — спросил Пазаир.

— Помоги мне расставить блюда.

— Я встал поперек дороги Денесу, у меня на него солидное дело.

— К чему ты его приговорил?

— К большому штрафу.

— Ты нажил серьезного врага.

— Я исполнял закон.

— Будь осторожен.

Пазаир не успел ответить. Увидев Нефрет, он позабыл о Денесе, о секретаре Ярти, о конторе и делах.

На ней было бледно-голубое платье на бретельках, плечи открыты, глаза подведены зеленым. Хрупкая и сильная одновременно, она озарила собой жилище старого лекаря.

— Я опоздала.

— Наоборот, — сказал Беранир, — ты дала нам время доделать икру. Булочник только что принес свежий хлеб, мы можем садиться за стол.

Нефрет украсила волосы цветком лотоса. Зачарованный, Пазаир не мог отвести от нее

глаз.

— Твой успех для меня большая радость, — признался Беранир. — Раз ты теперь лекарь, я дарю тебе талисман. Он будет охранять тебя так же, как охранял меня. Всегда носи его с собой.

— Но... как же вы?

— Демоны уже не властны над людьми моего возраста.

Он надел девушке на шею тонкую золотую цепочку с великолепной бирюзовой подвеской.

— Этот камень — из рудников богини Хатхор в западной пустыне; он помогает сберечь молодость души и радость сердца.

Нефрет поклонилась учителю, сложив руки в знак глубокого почтения.

— Я тоже хотел бы вас поздравить, — сказал Пазаир, — но не знаю как...

— Мне достаточно самой этой мысли, — заверила она, улыбаясь.

— Мне хочется тем не менее вручить вам этот скромный подарок.

Пазаир подарил ей браслет из цветного жемчуга. Нефрет сняла правую сандалию и надела браслет на щиколотку.

— Благодаря вам я буду выглядеть краше.

Эти несколько слов вселили в судью безумную надежду; впервые ему показалось, что она замечает его присутствие.

Ужин был очень душевным. Нефрет расслабилась и рассказала о тех моментах своего испытания, которые не относились к сфере тайного; Беранир уверил ее, что со времен его молодости ничего не изменилось. Пазаир машинально глотал пищу, но глазами пожирал Нефрет и упивался ее голосом. В обществе своего учителя и любимой женщины он провел счастливый вечер, сопровождавшийся, правда, мгновениями тревожных опасений: что, если Нефрет его отвергнет?

***

Пока судья работал, Сути гулял с ослом и собакой, предавался любовным утехам с птичницей, затевал новые, весьма многообещающие интрижки и наслаждался суетой большого города. Он деликатно старался не надоедать другу: ни разу со дня их встречи он не ночевал в его доме. Только в одном Пазаир был непреклонен. Опыренный успехом операции «молочный поросенок», Сути изъявил желание проверить это дело еще раз. Судья категорически воспротивился. Поскольку любовница Сути выказывала изрядную щедрость, настаивать он не стал.

В проеме двери возник павиан. Ростом почти с человека, голова, как у собаки, и клыки, как у хищника. Лапы и живот — белые, плечи и торс покрыты рыжеватым мехом. За ним — нубиец Кем.

— А вот, наконец, и вы!

— Расследование было долгим и трудным. Ярти уже ушел?

— У него дочь заболела. Что вы узнали?

— Ничего.

— То есть как ничего? Это невероятно!

Нубиец потрогал свой деревянный нос, словно хотел удостовериться, что он на месте.

— Я обращался к лучшим осведомителям. Ни малейшей зацепки относительно судьбы начальника стражи сфинкса. Все ссылаются на верховного стража, словно получили строгое предписание.

— Значит, придется повидаться с этой важной особой.

— Не советую, он не любит судей.

— Постараюсь понравиться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

***

У верховного стража Монтумеса были две усадьбы: одна в Мемфисе, где он в основном и жил, а другая — в Фивах. Маленький, толстый, круглолицый, он внушал доверие, но острый нос и гнусавый голос не вязались с благодушным обликом. Монтумес был холост, с самых юных лет он мечтал только о карьере и почестях. Судьба позаботилась расчистить ему дорогу с помощью нескольких весьма своевременных кончин. Пока он занимался наблюдением за оросительными каналами, ответственный за безопасность его провинции свернул себе шею, упав с лестницы. Не имея особой квалификации, Монтумес вовремя подсуетился и получил этот пост. Сумев виртуозно использовать достижения своего предшественника, он обеспечил себе отличную репутацию. Другой, может быть, довольствовался бы таким продвижением, но Монтумеса раздирали амбиции: как не мечтать о должности начальника речной стражи? Увы, во главе ее стоял человек молодой и предприимчивый. В сравнении с ним Монтумес проигрывал. Однако обременительный чиновник утонул во время проведения одной рутинной операции, освободив дорогу Монтумесу, и тот сразу же оказался официальным претендентом с многочисленными связями. Обойдя более серьезных, но не столь изворотливых конкурентов, он снова прибег к проверенному способу: присвоить достижения другого и извлечь из них личную выгоду. Стоя уже на достаточно высокой ступени иерархической лестницы, он мечтал о ее вершине, совершенно, впрочем, недостижимой, поскольку верховный страж был во цвете лет, вел бурную деятельность и всегда во всем преуспевал. Единственной его неудачей оказался несчастный случай, в результате которого он погиб под колесами колесницы. Монтумес сразу же предложил свою кандидатуру, невзирая на протесты влиятельных лиц. Обладая редкостным талантом превозносить свои заслуги и извлекать пользу из послужного списка, он одержал победу.

Теперь, когда вершина была достигнута, Монтумеса больше всего заботило, как на ней закрепиться, поэтому он окружил себя людьми заурядными, не способными его заместить. Как только он обнаруживал сильную личность, он сразу же ее удалял. Действовать в тени, манипулировать людьми так, чтобы они об этом не подозревали, плести интриги — таково было его любимое занятие.

Он изучал назначения в отряд стражи пустыни, когда управляющий доложил ему о приходе судьи Пазаира. Обычно Монтумес отправлял мелких судей к своим подчиненным,

но этот человек его заинтересовал. Ведь он взял за бока Денеса, чье состояние позволяло купить кого угодно. Молодой судья скоро падет жертвой своих иллюзий, но, может быть, Монтумесу удастся извлечь выгоду из его суетливости. Тот факт, что он осмелился докучать ему, доказывал его решительность.

Верховный страж принял Пазаира в комнате, где были выставлены на обозрение его награды, золотые ожерелья, полудрагоценные камни, посохи из позолоченного дерева.

— Спасибо, что согласились меня принять.

— Я приверженец правосудия. Вам нравится в Мемфисе?

— Я должен поговорить с вами об одном странном деле.

Монтумес велел подать первосортного пива и приказал управляющему больше его не беспокоить.

— Я вас слушаю.

— Я не могу утвердить перевод по службе, не узнав, что произошло с заинтересованным лицом.

— Это очевидно. О ком идет речь?

— О бывшем начальнике стражи сфинкса в Гизе.

— Это почетная должность, если не ошибаюсь? На нее назначают ветеранов.

— В данном случае ветеран был смещен.

— Он совершил какой-то серьезный проступок?

— В деле об этом не упоминается. Более того, этот человек был вынужден покинуть казенное жилище и поселиться в самом бедном квартале города.

Монтумесу все это явно не нравилось.

— В самом деле странно.

— Есть кое-что похуже: его супруга, с которой я беседовал, утверждает, что ее муж мертв. Но трупа она не видела и где он похоронен не знает.

— Почему она убеждена в его кончине?

— Печальное известие ей принесли солдаты; они же велели ей молчать, если она хочет получать пенсию.

Верховный страж медленно выпил бокал пива; он-то думал, что речь пойдет о Денесе, а тут обнаружилась неприятная загадка.

— Расследование проведено великолепно, судья Пазаир, не даром вы уже пользуетесь репутацией добросовестного человека.

— Я намерен продолжать.

— Каким образом?

— Мы должны найти тело и установить причину смерти.

— Что ж, вы правы.

— Мне необходима ваша помощь. Поскольку вы руководите городской, сельской, речной стражей и стражей пустыни, вы можете облегчить мне расследование.

— К сожалению, это невозможно.

— Отчего же?

— Ваши улики слишком неопределенны. Кроме того, во всей этой истории речь идет о ветеране и воинах. Иными словами, об армии.

— Я думал об этом, именно поэтому я и прошу вашей поддержки. Если объяснений потребуете вы, армейские чины будут вынуждены отвечать.

— Положение сложнее, чем вы себе представляете. Армия очень печется о своей

независимости от стражи. Я не имею обыкновения затрагивать их территорию.

— Однако вы их хорошо знаете.

— Досужие сплетни. Боюсь, вы ступили на опасный путь.

— Не могу же я оставить смерть человека без установления причин.

— Одобряю.

— Что вы мне посоветуете?

Монтумес надолго задумался. Этот молодой судья не отступит; манипулировать им, судя по всему, будет нелегко. Придется глубоко покопать, чтобы выяснить его слабые стороны и суметь ими разумно воспользоваться.

— Обратитесь к человеку, который назначал ветеранов на почетные должности, — полководцу Ашеру.

Поглотитель теней^[27] выходил на охоту ночью, как кошка. Бесшумно огибая преграды, он скользил вдоль стен и сливался с темнотой. Никто не мог похвастать, что видел его. Да и кто вообще мог бы его в чем-либо заподозрить?

Самый бедный квартал Мемфиса был погружен в сон. Здесь не было ни стражей, ни привратников, как у богатых усадеб. Мужчина скрыл лицо под деревянной маской шакала^[28] с раскрывающейся пастью и проник в жилище супруги начальника стражи сфинкса.

Получая приказ, он его не обсуждал; уже давно в его сердце не осталось никаких чувств. Человек-сокол^[29], он возникал из мрака и в нем же черпал свою силу.

Старая женщина внезапно проснулась. Жуткое видение открылось ее взору, дыхание перехватило. Она издала душераздирающий крик и упала замертво. Убийце не пришлось применять оружие и замечать следы преступления. Больше она ничего никому не скажет.

***

Полководец Ашер ударил солдата кулаком в спину; тот рухнул в пыль казарменного двора.

— Вот слабак! Так тебе и надо.

Один лучник вышел из рядов:

— Он не совершил никакого проступка, полководец.

— А ты слишком много разговариваешь. Немедленно покинь строй! Две недели строгого ареста и заключение в какой-нибудь южной крепости научат тебя дисциплине.

Полководец приказал отряду час бегать с луками, колчанами, щитами и сумками с провизией. Когда они отправятся на войну, они столкнутся с более суровыми условиями. Если кто-то из солдат в изнеможении останавливался, он дергал его за волосы и заставлял бежать дальше. Дважды провинившийся был обречен гнить в карцере.

Многолетний боевой опыт приучил Ашера думать, что лишь безжалостная муштра ведет к победе. Каждый раз, когда воин преодолевал боль или сдерживал возникшее желание, он получал лишний шанс выжить. После славной военной карьеры на азиатских полях сражений Ашер, герой, совершивший множество громких подвигов, был назначен смотрителем конюшен, наставником новобранцев и начальником главной казармы Мемфиса. Он испытывал свирепую радость, в последний раз муштруя солдат, — накануне было утверждено новое назначение и больше ему не придется потеть на этой площадке. Став посланником фараона в иноземных государствах, он будет передавать царские приказы элитным пограничным гарнизонам, сможет служить колесничим его величества и исполнять роль знаменосца по правую руку от царя.

Ашер был мал ростом и невзрачен: редкие волосы, жесткая черная растительность на плечах, широкий торс, короткие мускулистые ноги. От плеча до пупка его грудь пересекал шрам — след от клинка, чуть было не лишившего его жизни. Сотрясаясь от неудержимого хохота, он тогда задушил нападавшего голыми руками. Его изборожденное морщинами лицо

напоминало морду грызуна.

Сегодня в любимой казарме ожидался пир в честь Ашера. Полководец предавался мыслям о нем, направляясь к душевым комнатам, когда к нему по всей форме обратился посыльный офицер.

— Извините за беспокойство, полководец, с вами хочет поговорить судья.

— Кто такой?

— Никогда не видел.

— Выпроводите его.

— Он утверждает, что дело срочное и важное.

— Что случилось?

— Это тайное дело. Касается только вас.

— Приведите его сюда.

Пазаира привели на середину двора, где, скрестив руки за спиной, стоял полководец. Слева от него новобранцы накачивали мускулы, справа — упражнялись в стрельбе из лука.

— Ваше имя?

— Пазаир.

— Терпеть не могу судей.

— Чем они вам не угодили?

— Суют свой нос куда не надо.

— Я расследую исчезновение человека.

— Исключено в войсках, вверенных моему попечению.

— И даже в почетной страже сфинкса?

— Армия есть армия, даже когда речь идет о ветеранах. Стража сфинкса исполняет свои обязанности безукоризненно.

— По словам супруги, бывший начальник стражи мертв; однако мое начальство требует, чтобы я утвердил его перевод по службе.

— Так утверждайте! Приказы начальства не обсуждаются.

— В данном случае это не так.

Полководец взревел:

— Вы молоды и неопытны. Убирайтесь.

— Я не подчиняюсь вашим приказам, полководец, и хочу знать правду о начальнике стражи. Ведь это вы назначили его на этот пост?

— Поберегись, судьишка, с полководцем Лидером шутки плохи!

— Вы не выше Закона.

— Вы не знаете, кто я. Еще один неверный шаг — и я раздавлю вас, как козявку.

Ашер ушел, оставив Пазаира посреди двора. Его реакция удивила судью; почему он так вспылал, если ни в чем не виноват?

У выхода из казармы Пазаира окликнул лучник, получивший взыскание:

— Судья Пазаир...

— Что вам угодно?

— Может быть, я смогу вам помочь. Что вы ищете?

— Сведения о бывшем начальнике стражи сфинкса.

— Его дело хранится в архивах казармы. Следуйте за мной.

— Почему вы предлагаете мне помощь?

— Если вы обнаружите улики против Ашера, вы привлечете его к суду?

— Без колебаний.

— Тогда пойдёмте. Архивариус — мой друг и он тоже ненавидит полководца.

Лучник и архивариус быстро шепнули что-то друг другу.

— Чтобы ознакомиться с архивами казармы, — сказал архивариус, — вам понадобилось бы получить разрешение визиря. Я отлучусь на пятнадцать минут, схожу за едой. Если я найду вас здесь по возвращении, то вынужден буду поднять тревогу.

Пять минут, чтобы разобраться в том, как расставлены дела, ещё три, чтобы найти нужный свиток, остальное — чтобы прочесть документ, запомнить его, положить на место и скрыться.

***

Карьера начальника стражи была образцовой, ни малейшего нарекания в деле. В конце папируса содержались интересные сведения: под началом ветерана был отряд из четырех человек, двое старших стояли по бокам от сфинкса, двое помладше — с внешней стороны стены, ведущей к пирамиде Хеопса. Возможно, теперь, когда известны их имена, удастся получить ключ к разгадке.

В контору вошел взволнованный Кем.

— Она мертва.

— Вы о ком?

— О вдове стражника. Я обходил сегодня утром квартал. Убийца почуял неладное: дверь дома была приоткрыта. Я обнаружил там тело.

— Следы насилия?

— Ни малейших. Ее свели в могилу старость и горе.

Пазаир велел своему секретарю удостовериться, что армейское начальство позаботится о похоронах, в противном случае судья возьмет все расходы на себя. Он, конечно, не виноват в кончине бедной женщины, но разве не он нарушил покой последних часов ее жизни?

— Ваше расследование продвинулось? — спросил Кем.

— Надеюсь, довольно существенно, хотя полководец Ашер мне несколько не помог. Вот имена четырех ветеранов, служивших под началом нашего стражника; раздобудьте их адреса.

Секретарь Ярти появился, когда нубиец уже уходил.

— Жена изводит меня, — признался Ярти, на котором лица не было. — Вчера она отказалась готовить ужин! Если так пойдет дальше, она перестанет пускать меня в свою постель. К счастью, дочь танцует все лучше и лучше.

Дуясь и ворча, он нехотя принялся расставлять таблички.

— Да, чуть не забыл... я занимался ремесленниками, желающими работать в арсенале. Один меня заинтересовал.

— Преступник?

— Он замешан в незаконной торговле амулетами.

— Его прошлое?

Ярти был явно доволен собой.

— Оно вас заинтересует. Ныне он столяр, а раньше был управляющим земельными

угодьями у зубного лекаря Кадаша.

***

В приемной Кадаша, проникнуть в которую оказалось делом нелегким, Пазаир очутился рядом с маленьким человечком, державшимся довольно скованно. Аккуратно подстриженные черные волосы, темная кожа, сухое вытянутое лицо со множеством родинок придавали ему мрачный и неприветливый вид.

Судья поздоровался с ним.

— Неприятный момент, правда?

Человечек кивнул.

— Вам очень больно?

Тот ответил неопределенным жестом.

— У меня первый раз зубы разболелись, — признался Пазаир. — А вы уже бывали у зубного лекаря?

Появился Кадаш.

— Судья Пазаир! У вас что, зубы болят?

— Увы, да!

— А вы знакомы с Чечи?

— Не имел удовольствия.

— Чечи — один из самых выдающихся ученых во дворце, ему нет равных в химии. Поэтому я заказываю ему накладки и пломбы. Он как раз пришел предложить мне одну новинку. Не беспокойтесь, это ненадолго.

Хотя Кадаш был не словоохотлив, сейчас он говорил приветливо, словно принимал закадычного друга. Если этот Чечи будет столь же немногословен, их встреча с лекарем явно не затянется. И действительно, Кадаш пригласил судью минут через десять.

— Садитесь вот в это раскладное кресло и запрокиньте голову.

— А он не болтлив, ваш химик.

— Он человек довольно замкнутый, но зато прямой, на него можно положиться. Что с вами случилось?

— Рассеянная боль.

— Давайте посмотрим.

Взяв зеркальце и поймав солнечный луч, Кадаш осмотрел рот Пазаира.

— Вы когда-нибудь были у врача?

— Один раз, в селении. У странствующего лекаря.

— Я вижу первичные следы разрушения. Зуб можно укрепить хорошей пломбой: смола терпентина^[30], нубийская глина, мед, абразивная пыль, зеленые глазные капли и частицы меди. Если будет шататься, я соединю его с соседним зубом золотой нитью... Нет, этого не понадобится. У вас здоровые и крепкие зубы. А вот о деснах надо позаботиться. Чтобы не было нагноения, я пропишу вам полоскание из горькой тыквы, камеди, аниса и надрезанного инжира. Смесь нужно оставить на улице на всю ночь, чтобы она пропиталась росой. Будете натирать десны пастой из кинамона, меда, камеди и растительного масла. И не забывайте

почаще жевать сельдерей — это растение не только тонизирует и повышает аппетит, но и укрепляет зубы. А теперь давайте серьезно. Ваше состояние не требовало срочной консультации. Почему вы хотели меня видеть, отложив все дела?

Пазаир встал, довольный, что удалось избежать зубоврачебных инструментов.

— Меня интересует ваш управляющий.

— Я выгнал этого лодыря.

— Я хотел поговорить о предыдущем.

Кадаш вымыл руки.

— Я его уже не помню.

— А вы напрягите память.

— Нет. Правда не помню...

— Вы собираете амулеты^[31]?

Даже после тщательного мытья руки зубного лекаря оставались красными.

— У меня есть несколько штук, как у всех, но я не придаю этому значения.

— Самые красивые представляют большую ценность.

— Наверное...

— Ваш бывший управляющий проявлял к ним интерес и даже украл несколько фигурок прекрасной работы. Вот я и забеспокоился, не вы ли были его жертвой?

— Чем больше в Мемфисе чужеземцев, тем больше воров. Скоро наш город перестанет быть египетским. Это все визирь Баги с его пресловутой порядочностью. Фараон так ему доверяет, что никто не решается о нем слова дурного вымолвить. Вы и подавно не можете, ведь он ваш начальник. К счастью, из-за скромности вашего чина вам не приходится с ним сталкиваться.

— Он так ужасен?

— Невыносим — всех судей, позабывших об этом, уволили. Правда, все они допустили оплошности. Отказываясь прогонять чужеземцев под предлогом соблюдения справедливости, визирь ведет страну к гибели. А вы арестовали моего бывшего управляющего?

— Он пытался устроиться на службу в арсенал, но в результате рутинной проверки всплыло его прошлое. В самом деле, печальная история: он продавал амулеты, украденные в одной мастерской, был уличен и уволен человеком, которого вы взяли ему на смену.

— А для кого он воровал?

— Не знаю. Было бы время, я бы покопался; но у меня нет ни малейшего следа и куча других дел! Главное, что вы не пострадали из-за его нечистоплотности. Спасибо за лечение, Кадаш.

Верховный страж собрал у себя доверенных людей. Это заседание не будет упомянуто ни в одном официальном документе. Монтумес изучил их донесения о судье Пазаире.

— Ни одного скрытого порока, никакой противозаконной страсти, ни любовницы, ни связей... Да вы мне просто полубога изобразили! Ваша работа не принесла ни малейших результатов!

— Его духовный отец, некий Беранир, живет в Мемфисе; Пазаир часто его навещает.

— Старый лекарь на пенсии, безобидный и не имеющий никакой власти!

— К нему прислушивались при дворе, — возразил один стражник.

— Но давно уже не прислушиваются, — съязвил Монтумес. — В жизни любого человека есть теневые стороны, и Пазаир не исключение!

— Он целиком посвящает себя работе, — заметил другой стражник, — и не отступает даже перед такими особами, как Денес и Кадаш.

— Смелый и неподкупный судья — кто поверит в эту сказку? Поработайте тщательнее и добудьте мне более правдоподобные сведения.

Монтумес размышлял, сидя на берегу озера. Ему было не по себе оттого, что скользкая, непонятная ситуация выходила у него из-под контроля: ведь любая ошибка могла бросить тень на его репутацию.

Кто такой Пазаир — наивный чужак, запутавшийся в сетях мемфисских интриг, или незаурядная личность, исполненная решимости идти вперед, невзирая на опасности и врагов? В обоих случаях он обречен на поражение.

Оставалась третья возможность, вызывавшая большие опасения: что если за этим мелким судьей стоит кто-то другой, какой-нибудь хитрый сановник, затеявший крупную игру, и Пазаир — лишь ее видимая часть? При мысли о том, что какой-то недальновидный наглец смеет бросать ему вызов на его же территории, Монтумес пришел в ярость, позвал управляющего и велел готовить лошадь и колесницу. Охота на зайцев в пустыне была сейчас просто необходима: пара-тройка загнанных и убитых зверей поможет ему успокоиться.

Правая рука Сути прошла с низу вверху по спине любовницы, пощекотала шею, потом, спустившись, погладила поясницу.

— Еще, — прошептала она.

Молодой человек не заставил просить себя дважды. Он любил доставлять удовольствие. Рука стала действовать настойчивее.

— Нет... я не хочу!

Сути, улыбаясь, продолжал. Он знал вкусы своей подруги и делал все, чтобы ей угодить. Она сделала вид, что сопротивляется, потом перевернулась и приняла любовника.

— Ты довольна своим петушком?

— Курочка в восторге. Ты просто чудо, милый.

Радуюсь жизни, хозяйка птичника приготовила плотный завтрак и взяла с Сути обещание прийти на следующий день.

Вечером, проспав пару часов в порту, в тени грузового судна, он отправился к Пазаиру. Судья уже зажег светильники. Он сидел, скрестив ноги, и писал. Пес примостился у его левой ноги. Северный Ветер пропустил Сути, а тот в благодарность потрепал его по холке.

— Боюсь, сегодня ты мне понадобишься, — сказал судья.

— Любовная история?

— Не похоже.

— Но не твои же судебные игры?

— Ты угадал. Именно они.

— Опасные?

— Возможно.

— Интересно. Расскажешь побольше или предпочитаешь держать меня в неведении?

— Я расставил ловушку одному зубному лекарю по имени Кадаш.

Сути восхищенно присвистнул.

— Знаменитость! Он лечит только богатых. В чем ты его подозреваешь?

— Менястораживает его поведение. Мне следовало бы прибегнуть к помощи моего пристава, но он сейчас занят другим делом.

— Что я должен сделать: провернуть кражу со взломом?

— Ни в коем случае! Просто понаблюдай за Кадашем и сообщи мне, если он сегодня ночью выйдет из дому и поведет себя странно.

***

Сути влез на дерево, откуда был виден вход в усадьбу зубного лекаря и дорога, ведущая к служебным помещениям. Такое занятие явно было ему по душе. Оставшись наконец один, он наслаждался ночной прохладой и красотой звездного неба. Когда погасли светильники и в большом доме воцарилась тишина, через ворота, ведущие в конюшни, из усадьбы прокрался человек. Это был седой мужчина в длинной накидке, его облик полностью соответствовал

тому описанию зубного лекаря, которое дал Пазаир.

Следить за ним было нетрудно. Кадаш нервничал, но тем не менее шел медленно и не оборачивался. Он направлялся к перестраиваемому кварталу. Там находились старые обветшавшие административные здания: теперь они были разрушены и дорогу загромождала груда кирпичей. Зубной лекарь обогнул кучу строительного мусора и исчез из виду. Сути полез на эту кучу, следя за тем, чтобы какой-нибудь случайно скатившийся кирпич не выдал его присутствия. Забравшись наверх, он увидел костер, а вокруг костра — троих мужчин. Одним из них был Кадаш.

Они скинули свои накидки и остались обнаженными, если не считать кожаных чехольчиков, скрывавших их пенисы; в волосы они воткнули по три пера. Держа в каждой руке по короткой метательной палке, они начали танцевать вокруг костра, изображая борьбу. Вдруг партнеры Кадаша, оба явно моложе его, согнули ноги в коленях и запрыгали, издавая дикие вопли. Лекарю было нелегко за ними поспевать, но он с большим воодушевлением старался не сбавлять темпа.

Пляска продолжалась более часа. Вдруг один из танцующих сорвал кожаный чехол и выставил напоказ свое мужское достоинство; остальные последовали его примеру. Когда Кадаш явно начал уставать, они напоили его пальмовым вином и снова вовлекли в исступленный танец.

***

Пазаир выслушал рассказ Сути с величайшим вниманием.

— Странно.

— Ты просто не знаешь ливийских обычаев — подобные обряды у них обычное дело.

— А цель?

— Мужская сила, плодovitость, способность соблазнять... В танце они черпают новую энергию. Кадашу она, по-видимому, дается с трудом.

— Значит, наш зубной лекарь чувствует, что слабеет.

— Судя по тому, что я видел, он чувствует правильно. Но что противозаконного в его поведении?

— Вообще-то ничего. Он утверждает, что ненавидит чужеземцев, но сам не забывает о своих ливийских корнях и следует обрядам, которые приличное общество — основа его клиентуры — наверняка бы осудило.

— Но я, по крайней мере, был полезен?

— Незаменим.

— В следующий раз, судья Пазаир, пошли меня подсматривать за женскими плясками.

***

Используя свою силу убеждения, Кем с павианом исходили весь Мемфис и окрестности вдоль и поперек в поисках следов четырех подчиненных исчезнувшего начальника стражи сфинкса.

Чтобы переговорить с судьей, нубиец дождался ухода секретаря: Ярти не внушал ему особого доверия. Когда огромная обезьяна вошла в контору, Смельчак забился под стул хозяина.

— Как дела, Кем?

— Я раздобыл адреса.

— Надеюсь, не применяя насилия?

— Ни намека на грубость.

— Завтра прямо с утра допросим четырех свидетелей.

— Все четверо исчезли.

Ошеломленный Пазаир отложил кисточку.

Он и представить себе не мог, что отказавшись засвидетельствовать заурядный административный документ, он приподнимет крышку сундука, полного тайн.

— И никаких следов?

— Двое переселились в Дельту, двое — в фиванский район. У меня есть названия селений.

— Готовьте дорожную сумку.

***

Вечер Пазаир провел у своего учителя. Когда он шел туда, ему показалось, что за ним следят; он замедлил шаг, пару раз обернулся, но промелькнувшего было человека больше не заметил. Наверное, померещилось.

Сидя напротив Беранира на террасе убранного цветами дома, он пил свежее пиво и слушал, как постепенно затихает дыхание большого города, отходящего ко сну. Лишь отдельные огоньки выдавали полуночников или особо усердных писцов.

Когда рядом был Беранир, мир замирал. Пазаир с радостью удержал бы это мгновение, берег бы его, как зеницу ока, крепко сжимал бы в ладонях, чтобы оно не растворилось в черноте времени.

— Нефрет получила назначение?

— Еще нет, но вот-вот получит. Пока она живет в школе медицины.

— А кто принимает решение?

— Собрание практикующих врачей во главе со старшим лекарем Небамоном. Поначалу Нефрет предстоит в одиночку справляться с довольно простыми задачами, сложность будет возрастать по мере приобретения опыта. А ты мне по-прежнему кажешься мрачным, Пазаир: можно подумать, ты утратил свою жизнерадостность.

Пазаир вкратце рассказал о происходящем.

— Много тревожных совпадений, не правда ли?

— У тебя уже появилась какая-нибудь версия?

— Пока рано выдвигать версии. Закон был нарушен, это точно. Но в чем суть

преступления и как далеко оно зашло? Возможно, я волнуюсь напрасно, иногда я даже сомневаюсь, стоит ли продолжать расследование, но я не могу брать на себя ответственность, даже самую незначительную, не придя к полному согласию со своей совестью.

— Планы строит сердце, оно же руководит поступками человека; характер же оберегает прозрения сердца^[32].

— Характер у меня, надеюсь, не слабый. Все, что мне удастся узнать, я буду тщательно проверять.

— Никогда не упускай из виду счастья Египта, не заботься о своем благополучии. Если ты будешь поступать правильно, благополучие придет к тебе само собой.

— Если можно безропотно смириться с исчезновением человека, если официальный документ содержит ложные сведения, то разве это не представляет угрозы величию Египта?

— Твои опасения обоснованны.

— С вашей поддержкой я готов встретить любые опасности.

— Смелости тебе не занимать. Постарайся лишь более трезво оценивать ситуацию и научись обходить некоторые препятствия. Будешь биться о них головой — только лоб разобьешь. Обойди их, научись использовать силу противника, будь гибким как тростник и терпеливым как гранит.

— Да, терпения мне, пожалуй, не хватает.

— Работай над собой подобно тому, как зодчий работает над каменной глыбой.

— Вы не советуете мне ехать в Дельту?

— Ты ведь уже принял решение.

***

Надменный, величественный Небамон, с изысканным маникюром, в плиссированной тунике, отороченной цветной бахромой, открыл собрание, происходившее в большом зале мемфисской школы медицины. Десять прославленных врачей, ни один из которых никогда не признавался виновным в смерти больного, должны были назначить молодых, только что посвященных врачей на их первую должность. Обычно решения были благожелательными и не вызывали никаких возражений. И на этот раз дело представлялось недолгим.

— А теперь — Нефрет, — объявил хирург, руководивший собранием. — Хвалебные отзывы из Мемфиса, Саиса и Фив. Случай замечательный, можно даже сказать, исключительный.

— Да, но она женщина, — заметил Небамон.

— Она не первая!

— Нефрет умна, не спорю, но ей не хватает энергии. На практике ее теоретические познания могут рассыпаться в прах.

— Она безукоризненно выдержала множество испытаний! — напомнил один из членов собрания.

— Испытания проходят под наблюдением опытных врачей, — вкрадчиво уточнил Небамон. — Но не растеряется ли она, оказавшись одна лицом к лицу с больным? Меня

волнует ее выдержка. Не знаю, не ошиблась ли она, избрав наш путь.

— Что вы предлагаете?

— Весьма суровое испытание и тяжелые больные. Если она справится, мы возрадуемся вместе, в противном случае — посмотрим.

Не повышая голоса, Небамон добился согласия коллег. Он приготовил Нефрет пренеприятнейший сюрприз в самом начале карьеры: сломив ее, он поднимет девушку из грязи и примет в свои объятия, благодарную и покорную.

***

Нефрет в отчаянии уединилась, чтобы вволю наплакаться.

Ее не пугали трудности; но она не ожидала, что придется возглавить военный лазарет, куда свезли больных и раненых солдат, вернувшихся из Азии. Одни стонали, другие бредили, третьи опорожнялись. Глава санитарной службы казармы не дал девушке никаких наставлений, просто проводил ее к месту работы. Он подчинялся приказу.

Нефрет взяла себя в руки. Чем бы ни объяснялась такая несправедливость, ее дело — хранить верность профессии и лечить этих несчастных. Изучив казарменную аптечку, она воспряла духом. Прежде всего необходимо унять острую боль. Она растолкла корень мандрагоры — мясистого растения с длинными листьями и зелеными, желтыми и оранжевыми цветами, — чтобы извлечь сильно действующее вещество, обладающее болеутоляющими и наркотическими свойствами. Затем она смешала душистый укроп, финиковый и виноградный сок и прокипятила все это в вине; это снадобье больные будут принимать четыре дня подряд.

Она окликнула молодого новобранца, подметавшего казарменный двор.

— Ты будешь мне помогать.

— Я? Но...

— Ты назначен санитаром.

— Но мой начальник...

— Немедленно отправляйся к нему и скажи, что тридцать человек умрут, если он откажет мне в твоей помощи.

Солдат повиновался; он был отнюдь не в восторге от предстоявшей работы.

Вернувшись в лазарет, новобранец чуть не лишился чувств; Нефрет помогла ему прийти в себя.

— Аккуратно приподнимай им голову, чтобы я могла влить в рот лекарство; потом мы их помоем и приберем в помещении.

Поначалу он закрывал глаза и старался не дышать; но спокойствие Нефрет придало ему сил, новоиспеченный санитар забыл о своем отвращении и радовался тому, как быстро действует снадобье. Стоны и крики смолкли, многие солдаты заснули.

Вдруг один больной схватил девушку за ногу.

— Пустите!

— Как бы не так, милочка; такую добычу не бросают. Тебе со мной будет хорошо.

Санитар схватил пациента за голову и отвесил ему мощный удар. Нефрет удалось

вырваться.

— Спасибо.

— Вы... вы не испугались?

— Конечно, испугалась.

— Если хотите, я могу любого из них так же проучить!

— Только если не будет другого выхода.

— А что у них за болезнь?

— Дизентерия.

— Это серьезно?

— Это болезнь, которую я знаю и могу вылечить.

— В Азии они пьют тухлую воду. Я уж лучше двор мести буду.

Добившись строгого соблюдения гигиены, Нефрет стала давать пациентам раствор на основе кориандра^[33], чтобы унять спазмы и прочистить кишечник. Потом она растерла гранат с пивными дрожжами, процедила раствор через ткань и оставила на ночь. Плод, набитый ярко-красными зернышками, станет лучшим средством от расстройства желудка и дизентерии.

В самых острых случаях Нефрет применяла смесь меда, перебродившей растительной слизи, сладкого пива и соли, которую вводила через задний проход с помощью медного рожка. Пять дней интенсивного лечения дали великолепные результаты. Коровье молоко и мед — единственная разрешенная пища — окончательно поставили больных на ноги.

***

Старший лекарь Небамон в прекрасном расположении духа отправился осматривать госпиталь казармы спустя шесть дней после того, как Нефрет приступила к работе. Он выразил удовлетворение и под конец обхода решил посетить лазарет, где лежали солдаты, заболевшие дизентерией во время последней азиатской кампании. Сейчас отчаявшаяся, обессиленная девушка станет умолять назначить ее на другую должность и согласится работать под его началом.

Новобранец выметал мусор с порога лазарета, дверь которого была широко распахнута; пустое, обработанное известью помещение проветривалось на сквозняке.

— Я, наверное, ошибся, — сказал Небамон солдату. — Вы не знаете, где работает лекарь Нефрет?

— Первая дверь налево.

Девушка заносила имена в папирусный свиток.

— Нефрет! А где больные?

— Выздоровливают.

— Это невозможно!

— Вот список пациентов, прописанное лечение и дата выхода из лазарета.

— Но как?

— Я вам очень благодарна за то, что вы доверили мне эту работу, она позволила мне убедиться в действенности нашего лечения.

Она говорила без всякой враждебности, глаза излучали мягкий свет.

— Кажется, я ошибся.

— О чем вы?

— Я вел себя как идиот.

— Но у вас не такая репутация, Небамон.

— Послушайте, Нефрет...

— Завтра же вы получите полный отчет; не могли бы вы как можно скорее сказать, каким будет мое следующее назначение?

***

Монтумес был в бешенстве. Ни один слуга во всей огромной усадьбе не смел пошевелиться, пока не утихнет холодная ярость верховного стража.

В моменты крайнего напряжения у него чесалась голова, и он расчесывал ее до крови. У его ног валялись обрывки папируса — все, что осталось от порванных донесений его подчиненных.

Ничего.

Ни одной зацепки, ни одного явного промаха, ни намека на лихоимство: Пазаир вел себя как судья честный, а значит, опасный. Монтумес не имел обыкновения недооценивать противника — этот человек принадлежал к категории устрашающей, и одолеть его будет нелегко. Главное — никаких решительных действий, пока не станет ясно, кто за ним стоит.

Ветер раздувал широкий парус одномачтового судна, скользившего по водным просторам Дельты. Штурман ловко орудовал рулевым веслом, чутко улавливая характер течения, а пассажиры — судья Пазаир, Кем и павиан — отдыхали в каюте, сооруженной посреди палубы; на крыше лежали их вещи. На носу судна капитан измерял глубину при помощи большого шеста и отдавал приказы экипажу. Око Хора на носу и на корме судна оберегало его от превратностей судьбы.

Пазаир вышел из каюты, облокотился на борт и стал любоваться пейзажами. Как далека сейчас была долина с ее посевами, зажатыми между двумя пустынями! Здесь река разделялась на рукава и каналы, которые орошали города, селения, пальмовые рощи, поля и виноградники; сотни птиц — ласточки, удоны, белые цапли, вороны, жаворонки, воробьи, бакланы, пеликаны, дикие гуси, утки, журавли, аисты — парили в нежно-голубом небе, кое-где подернутом облаками. Судье казалось, что он созерцает море, поросшее тростником и папирусом; на выступающих из воды холмиках в тени ив и акаций виднелись белые одноэтажные домики. Возможно, это и есть первозданное болото, о котором писали древние мудрецы, то самое земное воплощение омывающего мир океана, откуда каждое утро встает новое солнце?

Охотники на гиппопотамов подали судну знак сменить курс; они преследовали самца. Раненый зверь только что нырнул и мог в любой момент вынырнуть и опрокинуть даже весьма крупное судно. Животное билось не на жизнь, а на смерть.

Капитан не пренебрег предупреждением; он вошел в «воды Ра» — крайний восточный рукав Нила, текущий на северо-восток. Возле Бубастиса — города богини Бастет, символически изображавшейся в облике кошки, — он пошел по каналу вдоль Вади Тумилат по направлению к Горьким озерам. Дул сильный ветер; справа за озером, где купались буйволы, под сенью тамариска ютилась небольшая хижина.

Судно причалило, спустили сходни. Пазаир, не привыкший к качке, пошатываясь, сошел на берег. При виде павиана стайка мальчишек бросилась врассыпную. На их крики сбегались крестьяне и двинулись к прибывшим с вилами наперевес.

— Вам нечего бояться, я судья Пазаир, со мной — моя стража.

Вилы опустились, и судью проводили к местному управителю, угрюмому старику.

— Я бы хотел поговорить с воином-ветераном, который вернулся домой несколько недель назад.

— В этом мире это невозможно.

— Он скончался?

— Солдаты привезли тело. Мы похоронили его на нашем кладбище.

— Причина смерти?

— Старость.

— Вы осмотрели труп?

— Он был мумифицирован.

— Что вам сказали солдаты?

— Они были немногословны.

Нарушить покой мумии было бы святотатством. Пазаир и его спутники вернулись на судно и отправились в селение, где жил второй ветеран.

— Нам придется идти по болоту, — предупредил капитан. — Здесь опасные островки. Мне нужно держаться подальше от берега.

Павиан не любил воду. Кем долго уговаривал его и наконец убедил пойти по тропинке, проложенной в тростниковых зарослях. Обезьяна выглядела встревоженной, все время оборачивалась и озиралась по сторонам. Судья невозмутимо шел вперед к маленьким домикам, примостившимся на вершине холма. Кем следил за поведением животного; уверенный в своих силах, Убийца не стал бы вести себя так без причины.

Вдруг павиан издал пронзительный вопль, оттолкнул судью и схватил за хвост маленького крокодила, извивавшегося в грязной воде. В тот самый момент, когда тот распахнул пасть, Убийца потянул его назад. «Большая рыба», как называли крокодилов прибрежные жители, умела нападать внезапно и убивала овец и коз, приходивших на водопой.

Крокодил отчаянно вырывался, но он был слишком молод и мал, чтобы сопротивляться разъяренному павиану, который вытащил его из илистой жижи и отшвырнул на несколько метров.

— Поблагодарите его, — сказал Пазаир нубийцу. — А я подумаю о повышении по службе.

Управитель селения сидел на низеньком стуле, уютно устроившись под сенью смоковницы. Он как раз собирался обедать: перед ним в плоскодонной корзине лежали жареная птица и лук, рядом стоял кувшин с пивом.

Он предложил гостям разделить с ним трапезу. Павиан, слух о подвиге которого уже разнесся по окрестностям, радостно вонзил зубы в куриную ножку.

— Мы ищем воина-ветерана, вернувшегося провести старость в родном селении.

— Увы, судья Пазаир, мы видели только мумию! Армия взяла на себя перевозку тела и расходы по погребению. У нас скромное кладбище, но вечность здесь не хуже, чем в любом другом месте.

— А вам сообщили причину смерти?

— Солдаты были немногословны, но я настоял. По-видимому, несчастный случай.

— Какого рода?

— Подробности я не знаю.

На обратном пути в Мемфис Пазаир не мог скрыть своего разочарования.

— Полный провал: начальник стражи исчез, двое его подчиненных мертвы, остальные двое тоже, наверное, уже мумии.

— Вы раздумали продолжать поиски?

— Нет, Кем; я хочу выяснить, в чем тут дело.

— Я буду рад вновь увидеть Фивы.

— А что вы по этому поводу думаете?

— Раз все эти люди мертвы, вам вряд ли удастся найти разгадку, и это к лучшему.

— Вы что, не хотите узнать правду?

— Когда она слишком опасна, я предпочитаю оставаться в неведении. Однажды правда стоила мне носа; теперь она может лишить вас жизни.

Когда на рассвете вернулся Сути, Пазаир уже сидел за работой, а пес лежал у его ног.

— Ты что, не спал? И я тоже. Мне бы отдохнуть... моя птичница из меня все соки высасывает. Она ненасытна и все время требует чего-нибудь эдакого. Я принес горячие лепешки, пекарь только что испек.

Смелчак первым получил свою порцию, друзья позавтракали вместе. Сути засыпал на ходу, однако все же заметил, насколько озабочен Пазаир.

— Это или усталость, или какая-то серьезная проблема. Все твоя недостижимая незнакомка?

— Я не имею права об этом говорить.

— Тайна следствия? Даже мне не можешь сказать? Дело, видно, и вправду нешуточное.

— Я топчусь на одном месте, Сути, но я уверен, что наткнулся на серьезное преступление.

— И есть... убийца?

— Вероятно.

— Будь осторожен, Пазаир, убийства в Египте редки. Боюсь, как бы ты не вспугнул крупного хищника. Ты рискуешь вызвать гнев важных особ.

— Превратности профессии.

— Разве убийства не в ведении визиря?

— При условии, что они доказаны.

— Кого ты подозреваешь?

— Я уверен только в одном: в этой темной истории замешаны солдаты. И солдаты эти находятся в подчинении у полководца Ашера.

Сути восхищенно присвистнул.

— Ты высоко замахнулся! Что, военный заговор?

— Не исключено.

— А в каких целях?

— Не знаю.

— Я твой, Пазаир!

— Что ты имеешь в виду?

— Мое поступление на военную службу — не пустая мечта. Я быстро стану отличным солдатом, офицером, может быть, полководцем! Во всяком случае — героем. Я разузнаю про Ашера все. Если он в чем-нибудь виноват, я буду знать, а значит, будешь знать и ты.

— Слишком рискованно.

— Наоборот, здорово! Наконец-то приключение, о котором я столько мечтал! Что, если мы с тобой спасем Египет? Ведь военный заговор предполагает захват власти какой-нибудь группой.

— Далеко идущий план, Сути; но я пока не уверен, что положение настолько безнадежное.

— Что ты об этом знаешь? Предоставь действовать мне!

Утром к Пазаиру в контору явился посыльный офицер на колеснице в сопровождении двух лучников. Он был резок и немногословен.

— Меня послали уладить дело о переводе по службе, поданное вам на утверждение.

— Это не насчет ли бывшего начальника стражи сфинкса?

— Именно.

— Я отказываюсь ставить свою печать, пока этот ветеран не предстанет передо мной.

— Мне как раз поручено отвести вас туда, где он сейчас находится, чтобы закрыть дело.

Сути спал как убитый, Кем патрулировал, секретарь еще не пришел. Пазаир прогнал возникшее ощущение опасности: разве может государственная организация, будь то даже армия, посягнуть на жизнь судьи? Пазаир погладил встревоженного Смелычака и взошел на колесницу.

Они пронеслись через предместья, выехали из Мемфиса и, огибая засеянные поля, углубились в пустыню. Там высились пирамиды фараонов Старого царства, окруженные величественными усыпальницами, созданными несравненным гением зодчих и художников. Выше всех вознеслась ступенчатая пирамида Джосера — бессмертное творение Имхотепа; по ее гигантским каменным ступеням душа царя могла восходить к солнцу и спускаться обратно на землю. Взору открывалась одна лишь вершина монумента, ибо от дольного мира его отгораживала уступчатая стена с единственными, постоянно охраняемыми воротами. Когда иссякнут силы фараона и ослабнет его мощь, здесь, в огромном внутреннем дворе священного комплекса Саккары, ему предстоит пройти обряды возрождения.

Пазаир полной грудью вдохнул живительный, сухой воздух пустыни; он любил эту красную землю, это море обожженных скал и светлого песка, эту пустоту, напоенную голосом предков. Здесь человек избавлялся от всего суетного.

— Куда вы меня везете?

— Мы уже приехали.

Колесница остановилась возле дома с крошечными окошками, стоящего особняком, в стороне от всякого жилья; вдоль его стен стояло несколько каменных саркофагов. Ветер гнал тучи песка. Ни кустика, ни цветочка, вдали — пирамиды и усыпальницы. Скалистый холм закрывал вид на пальмы и поля. Казалось, это место затерялось на самом краю смерти, посреди безлюдного пространства.

— Здесь.

Офицер хлопнул в ладоши.

Пазаир в недоумении сошел с колесницы. Место идеально подходило для западни, и никто не знал, где он находится. Он подумал о Нефрет — уйти в вечность, не открыв ей своей страсти, было бы полным поражением.

Дверь со скрипом отворилась. На пороге застыл худощавый мужчина с очень светлой кожей, длинными руками и тощими ногами. На продолговатом лице выделялись черные сросшиеся брови; в тонких, бесцветных губах, казалось, не было ни кровинки. На переднике из козлиной кожи проступали коричневатые пятна.

Черные глаза уставились на Пазаира. Судье никогда не приходилось сталкиваться с таким взглядом — пронзительным, ледяным, режущим, как лезвие. Он не отвел глаз.

— Джуи — старший бальзамировщик, — объяснил посыльный.

Мужчина кивнул.

— Следуйте за мной, судья Пазаир.

Джуи отступил, чтобы пропустить колесничего и судью в помещение для бальзамирования, где на каменном столе он мумифицировал трупы. По стенам были развешаны железные крючья, обсидиановые ножи и заостренные камни; на полках стояли горшки с маслом и мазями и мешки с натроном, необходимым для мумификации. По закону бальзамировщик должен был жить за чертой города; он принадлежал к внушавшей ужас касте, состоящей из людей замкнутых и молчаливых.

Все трое стали спускаться по лестнице, ведущей в огромное подземное помещение. Ступени были ветхие и скользкие. Светильник в руках Джуи дрожал. На земле лежали мумии разных размеров. Пазаир вздрогнул.

— Я получил донесение относительно бывшего начальника стражи сфинкса, — объяснил офицер. — Дело было послано вам по ошибке. На самом деле он погиб в результате несчастного случая.

— Наверное, случай был просто ужасный.

— Почему вы так говорите?

— Потому что он унес жизни по крайней мере трех ветеранов, а то и больше.

Офицер пожал плечами.

— Мне ничего не известно.

— Каковы обстоятельства трагедии?

— Я не могу ничего сказать. Тело начальника стражи было найдено возле сфинкса и переправлено сюда. К сожалению, писец ошибся: вместо распоряжения о погребении он написал приказ о переводе по службе. Простая административная ошибка.

— А где тело?

— Я как раз собирался вам его показать, чтобы положить конец этой прискорбной истории.

— Оно, разумеется, мумифицировано?

— Конечно.

— А его уже положили в саркофаг?

Посыльный офицер явно растерялся. Он посмотрел на бальзамировщика, тот покачал головой.

— Значит, последние обряды еще не совершены? — заключил Пазаир.

— Верно, но...

— Ладно, покажите мне мумию.

Джуи повел судью и колесничего в самую глубь подземелья и указал на завернутое в пелены тело начальника стражи. На нем красными чернилами был написан номер.

Бальзамировщик показал офицеру табличку, которая будет прикреплена к мумии.

— Вам остается только наложить свою печать, — подсказал тот.

Джуи стоял позади Пазаира.

Свет колебался все сильнее и сильнее.

— Пусть мумия пока остается здесь в том же состоянии, господин офицер. Если она исчезнет или будет повреждена, отвечать будете вы.

— Вы можете сказать мне, где сейчас Нефрет?

— Ты чем-то обеспокоен? — поинтересовался Беранир.

— Это очень важно, — настаивал Пазаир. — Кажется, у меня есть одно доказательство, но я не могу им воспользоваться без помощи врача.

— Я видел ее вчера вечером. Она блестяще справилась с эпидемией дизентерии и вылечила человек тридцать солдат меньше чем за неделю.

— Солдат? Что ей поручили делать?

— Небамон решил немножко поиздеваться.

— Я своими руками буду колотить его до тех пор, пока он не испустит дух!

— А это входит в полномочия судьи?

— Такого самодура и засудить не грех.

— Он просто воспользовался служебным положением.

— Вы отлично знаете, что это не так. Скажите мне правду: какое новое испытание придумал для нее этот мерзавец?

— Он, кажется, одумался; Нефрет теперь аптекарь.

***

В специальных аптекарских помещениях, расположенных возле храма Сехмет^[34], перерабатывались сотни растений, служивших основой для составления лекарственных средств. Ежедневные поставки обеспечивали свежесть снадобий, изготавливавшихся по заказу городских и сельских лекарей. Нефрет следила за строгим исполнением рецептов. По сравнению с предыдущей должностью это было понижение. Небамон объяснил, что это обязательный этап и возможность немного отдохнуть, перед тем как снова лечить больных. Верная своей линии поведения, девушка не возражала.

В полдень аптекари отправились пообедать. По пути все оживленно переговаривались, обсуждали новые лекарства, сетовали по поводу неудач. Два молодых лекаря о чем-то болтали с Нефрет, она улыбалась. Пазаир не сомневался: они за ней ухаживают.

Сердце забилось быстрее, он решился перебить беседу.

— Нефрет...

Она остановилась.

— Вы меня ищете?

— Беранир рассказал, как несправедливо с вами поступили. Это возмутительно.

— Мне удалось вылечить людей. Остальное не имеет значения.

— Мне необходима ваша помощь.

— Вы заболели?

— Одно щекотливое расследование требует участия лекаря. Простая проверка, ничего больше.

Кем правил колесницей уверенно и спокойно; павиан предпочитал не смотреть на дорогу. Нефрет и Пазаир стояли бок о бок, их запястья были привязаны ремнями к корпусу экипажа во избежание падения. От постоянных толчков тела их то и дело соприкасались. Нефрет на это внимания не обращала, зато Пазаир радовался всей душой, хотя и не подавал виду. Он мечтал, чтобы это небольшое путешествие длилось вечно и чтобы ухабов на дороге было как можно больше. Когда его правая нога случайно оказалась возле ноги девушки, он не стал ее убирать; он очень боялся услышать отповедь, но ее не последовало. Быть с ней рядом, вдыхать ее аромат, думать, что она не отвергла этого прикосновения... Восхитительные грезы!

Перед домом бальзамировщика стояли на страже двое солдат.

— Я судья Пазаир. Пропустите нас.

— У нас приказ: никого не пускать. Это место переведено под охрану армии.

— Никто не может противиться правосудию. Вы что, забыли, что мы в Египте?

— Но приказ...

— Отойдите.

Павиан оскалился и приготовился к бою: взгляд пристальный, лапы согнуты, того и гляди, прыгнет. Кем стал понемногу отпускать цепь.

Солдаты сдались. Кем ногой распахнул дверь.

Джуи сидел на своем каменном столе и ел сушеную рыбу.

— Проводите нас, — приказал Пазаир.

Кем с павианом обыскали темное помещение, а судья и врач спустились в подземелье в сопровождении Джуи, освещавшего им путь.

— Какое жуткое место, — прошептала Нефрет. — Я так люблю воздух и свет!

— По правде говоря, мне тоже не по себе.

Бальзамировщик как ни в чем не бывало шел по своему привычному пути.

Мумия была на месте. Пазаир удостоверился, что к ней никто не прикасался.

— Вот ваш пациент, Нефрет. Я буду разматывать пелены, а вы смотрите.

Судья стал осторожно снимать бинты; показался амулет в форме глаза, положенный на лоб. На шее — глубокая рана, вероятно, от стрелы.

— Нет смысла идти дальше. На ваш взгляд, сколько лет покойному?

— Лет двадцать, — ответила Нефрет.

Монтумес был озабочен проблемами уличного движения, мешавшими спокойному течению повседневной жизни Мемфиса. В городе развелось слишком много ослов, быков, колесниц, бродячих торговцев и зевак, так что зачастую по улицам невозможно было пройти. Каждый год он издавал указы, один другого невыполнимее, и даже не представлял

их визирю. Вместо усовершенствований он ограничивался обещаниями, в которые никто не верил. Время от времени ситуацию разряжал отряд стражников: улицы расчищали, на несколько дней запрещали остановки в определенных местах, взимали штраф с нарушителей, а потом дурные привычки снова брали верх.

Монтумес перекладывал ответственность на подчиненных, не давая им при этом ни малейшей возможности поправить положение. Не унижаясь до участия в спорах и предоставляя подчиненным разбираться самостоятельно, он поддерживал свою безупречную репутацию.

Когда ему доложили, что в приемной ожидает Пазаир, он вышел к судье со словами приветствия. Такие знаки внимания обычно располагали людей в его пользу.

Мрачное выражение лица судьи не предвещало ничего хорошего.

— Сегодня у меня дел невпроворот, но я готов вас принять.

— Боюсь, это необходимо.

— Кажется, вы взволнованы.

— Да, так и есть.

Монтумес почесал лоб. Он провел судью в свою контору, удалил оттуда личного секретаря и сел на великолепный стул с ножками в виде бычьих копыт. В его позе чувствовалось напряжение. Пазаир остался стоять.

— Я вас слушаю.

— Ко мне явился посыльный офицер и отвез меня к Джуи, старшему бальзамировщику египетской армии. Он показал мне мумию человека, которого я ищу.

— Начальника стражи сфинкса? Так, значит, он мертв!

— По крайней мере, меня пытались в этом убедить.

— Что вы хотите сказать?

— Поскольку последние обряды еще не были совершены, я разбинтовал верхнюю часть мумии под наблюдением лекаря Нефрет. Это тело мужчины лет двадцати, вероятно, смертельно раненого стрелой. Очевидно, что это никак не может быть ветеран.

Верховный страж был потрясен.

— Но это просто невероятно!

— Более того, — невозмутимо продолжал судья, — двое солдат пытались помешать мне войти в помещение для бальзамирования. Когда я оттуда вышел, они исчезли.

— Как звали посыльного офицера?

— Не знаю.

— Серьезный просчет.

— Вам не кажется, что он мне солгал?

Монтумес нехотя согласился.

— Где труп?

— У Джуи, под его охраной. Я составил подробный отчет, включающий свидетельства лекаря Нефрет, бальзамировщика и моего пристава Кема.

Монтумес нахмурился.

— Вы им довольны?

— Он работает превосходно.

— У него сомнительное прошлое.

— Он мне очень помогает.

— Будьте с ним поосторожнее.

— Прошу вас, вернемся к мумии.

— Я пошлю за ней своих людей, и мы ее обследуем; нужно установить личность покойного.

— Придется также выяснить, что стало причиной смерти: ранение, полученное на войне, или убийство.

— Убийство! Да как вам такое в голову пришло?

— Я со своей стороны продолжу следствие.

— В каком направлении?

— Я не имею права говорить.

— Но меня-то что вам бояться?

— Неуместный вопрос.

— Перед лицом этой неразберихи я в такой же растерянности, как и вы. Разве нам не следует объединить усилия?

— Независимость правосудия, на мой взгляд, важнее.

***

Стены конторы управляющего египетской стражей сотрясались от гнева Монтумеса. Пятьдесят высокопоставленных чиновников получили взыскания и лишились разнообразных поощрений. Впервые с тех пор, как он занял высшую ступень в иерархии государственной стражи, его не проинформировали должным образом. Разве это не удар по созданной им системе? Но его так просто не сокрушить, он не сдастся без боя.

К сожалению, выходило так, что у истоков всех этих странных событий, смысл которых оставался непостижимым, стояло армейское командование. Затрагивать его территорию было слишком рискованно, а рисковать Монтумес не собирался; если во главе всего предприятия стоял полководец Ашер — человек, ставший поистине неприкасаемым после недавнего повышения, — то против него верховный страж был абсолютно бессилен.

Предоставить свободу действий мелкому судье было во многих отношениях выгодной тактикой. Он берет всю ответственность на себя, со свойственным юности безрассудством пренебрегая мерами предосторожности. С него станется взломать пару запретных дверей и пойти поперек неписаных законов, о существовании которых он даже не подозревает. Следуя за ним по пятам и при этом оставаясь в тени, Монтумес сможет воспользоваться результатами его расследования. Лучше сделать его своим союзником — до тех пор, пока надобность в нем не отпадет вовсе.

Один вопрос по-прежнему не давал покоя: к чему весь этот спектакль? Его автор явно недооценил Пазаира, решив, что необычная обстановка, удушающе спертый воздух и угнетающее ощущение близости смерти помешают судье как следует разглядеть мумию и вынудят его поскорее уйти, предварительно наложив свою печать. Однако результат был достигнут прямо противоположный: Пазаир не только не потерял интереса к делу, но и выявил его масштабы.

Монтумес пытался себя успокоить: разве может исчезновение скромного ветерана, занимавшего почетную должность, пошатнуть устои государства! Наверное, речь идет о

случайном убийстве, которое совершил солдат, находящийся под покровительством высокого армейского чина, — самого Ашера или кого-нибудь из его приспешников. В этом направлении и следует копать.

В первые дни весны Египет воздавал почести умершим и предкам. На исходе весьма мягкой зимы ночи вдруг стали прохладными из-за порывистого ветра из пустыни. Родственники приходили в некрополи почтить память усопших и возлагали цветы в погребальных часовнях, открытых для доступа из внешнего мира. Между жизнью и смертью не было непреодолимой границы, а потому живые пировали вместе с почившими, душа которых воплощалась в пламени светильников. Ночь озарялась огнями, радуясь встречи земного и потустороннего миров. В Абидосе^[35] — священном граде Осириса, где проводились мистерии воскресения, — жрецы установили на усыпальницах небольшие барки — символы путешествия в мир иной.

Фараон зажег огни перед жертвенными столами всех основных храмов Мемфиса, а затем отправился в Гизу. Каждый год в один и тот же день Рамсес Великий готовил себя к тому, чтобы войти в великую пирамиду и склониться в молитве перед саркофагом Хеопса. В сердце гигантского монумента царь черпал силу, необходимую для объединения двух земель — Верхнего и Нижнего Египта — и достижения их процветания. Он погрузится в созерцание золотой маски фараона и мерного локтя из того же металла — инструмента, вдохновлявшего великого строителя и символизировавшего всю его деятельность. Придет время — и он возьмет в руки завещание богов и объявит его народу в ходе ритуала своего перерождения.

Полная луна озаряла плато, где высились три пирамиды.

Рамсес вступил в ворота стены вокруг пирамиды Хеопса, находившиеся под охраной элитного отряда стражников. На царе не было ничего, кроме простой белой набедренной повязки и широкого золотого ожерелья. Солдаты поклонились и отворили засовы. Рамсес Великий переступил гранитный порог и двинулся вверх по дороге, вымощенной известняковыми плитами. Еще немного — и он окажется перед входом в Великую пирамиду; он один знал ее тайный механизм, и в дальнейшем ему предстояло передать это знание своему преемнику.

С каждым годом встреча с Хеопсом и соприкосновение с золотом бессмертия переживались царем все более глубоко. Царствование над Египтом было делом захватывающим и возвышенным, но вместе с тем изнурительным; обряды давали фараону необходимую энергию.

Рамсес медленно прошел по большой галерее и проник в зал, где покоился саркофаг; он еще не знал, что жизненный центр страны превратился в пустую, бесплодную преисподнюю.

***

В гавани был праздничный день; суда украсились цветами, пиво лилось рекой, матросы плясали с веселыми девицами, бродячие музыканты развлекали многочисленную толпу. Погуляв с собакой, Пазаир собрался пойти домой, подальше от шума, как вдруг его окликнул знакомый голос:

— Судья Пазаир! Вы уже уходите?

Из толпы зевак вынырнуло тяжелое квадратное лицо Денеса, окаймленное узкой седой бородой. Судовладелец растолкал соседей и пробрался к судье.

— Какой замечательный день! Все веселятся, отбросив заботы.

— Я не люблю шума.

— Вы слишком серьезны для своего возраста.

— Характер не переделаешь.

— О, жизнь сама об этом позаботится.

— У вас хорошее настроение.

— Дела идут хорошо, товары доставляются вовремя, люди подчиняются с полуслова — на что же мне жаловаться?

— Кажется, вы не держите на меня зла.

— Вы исполнили свой долг, зачем мне обижаться? Кроме того, есть хорошая новость.

— Какая?

— По случаю нынешнего праздника многие незначительные приговоры были отменены дворцом. Древний, отчасти позабытый, мемфисский обычай. Мне повезло, я оказался одним из счастливцев.

Пазаир побледнел. Он с трудом сдерживал гнев.

— Как вам это удалось?

— Я же сказал: праздник, просто праздник! В обвинительном заключении вы не потрудились упомянуть, что мой случай не подлежит столь милосердному пересмотру. Мы с женой считаем, что вы были правы и преподали нам хороший урок; мы его обязательно учтем.

— Вы искренне говорите?

— Конечно. Извините, меня ждут.

Пазаир проявил нетерпение и тщеславие; ему так хотелось поскорее восстановить справедливость, что он пренебрег формальностями. Сокрушаясь, он двинулся дальше, но путь ему преградил военный парад, которым командовал ликующий полководец Ашер.

***

— Я вызвал вас, судья Пазаир, чтобы рассказать о результатах моего расследования.

Монтумес держался уверенно.

— Мумия — это тело молодого новобранца, убитого в Азии в ходе одного столкновения; он был поражен стрелой и умер на месте. Из-за сходства имен его дело перепутали с делом начальника стражи сфинкса. Писцы, допустившие эту ошибку, пытаются доказать свою невиновность. Оказывается, никто и не думал вводить нас в заблуждение. Мы вообразили заговор, а на самом деле здесь просто административная оплошность. Не верите? Зря. Я проверил каждый пункт.

— Я не подвергаю ваши слова сомнению.

— Очень рад.

— Тем не менее начальник стражи исчез.

- Странно, согласен; может быть, он скрывается от армейских властей?
- Два ветерана, служившие под его началом, погибли в результате несчастного случая. Пазаир особенно упирал на эти слова. Монтумес почесал голову.
- А что в этом подозрительного?
- Об этом знали бы военные, да и вас бы обязательно предупредили.
- Нет. Подобные происшествия меня не касаются.

Судья попытался припереть верховного стража к стенке. По словам Кема, последний был способен затеять все это дело для того, чтобы основательно почистить ряды собственной администрации, поскольку кое-кто из чиновников стал позволять себе критиковать его методы.

— По-моему, мы все слишком усложняем. Перед нами просто досадное стечение обстоятельств.

— Два ветерана и жена начальника стражи мертвы, сам он пропал — таковы факты. Не могли бы вы попросить армейское начальство проинформировать вас о... несчастном случае?

Монтумес сосредоточил взгляд на кончике кисточки.

— Подобный шаг расценили бы как неуместный. Армия не слишком жалуется стражу, и потом...

— Я займусь этим сам.

Двое мужчин холодно распрощались.

***

— Полководец Ашер только что получил задание и отправился за пределы страны, — сообщил судье Пазаиру войсковой писарь.

— А когда он вернется?

— Военная тайна.

— К кому я могу обратиться в его отсутствие, чтобы получить сведения о несчастном случае, недавно произошедшем возле большого сфинкса?

— Наверное, я могу вам помочь. Ах да, чуть не забыл! Полководец Ашер оставил мне документ, который я как раз должен был вам переправить. Раз уж вы здесь, я вручу его вам лично.

Пазаир снял льняную веревочку, которой был перевязан свиток.

Папирус содержал рассказ о прискорбном происшествии, случившемся во время обычной проверки и повлекшем за собой кончину начальника стражи сфинкса в Гизе и его четверых подчиненных. Пять воинов-ветеранов поднялись на голову гигантской статуи, чтобы удостовериться в хорошем состоянии камня и выявить возможный ущерб, нанесенный песчаной бурей. Один из них по неловкости поскользнулся и упал, потянув за собой товарищей. Ветераны были похоронены в родных селениях, двое в Дельте, двое на Юге. Тело начальника стражи, учитывая почетный характер должности, помещено в одну из войсковых часовен, где будет подвергнуто длительной и тщательной мумификации. По возвращении из Азии полководец Ашер будет лично руководить погребением.

Пазаир расписался, подтвердив получение документа.

— Остались ли еще какие-нибудь формальности? — спросил писец.

— Нет, спасибо.

***

Пазаир жалел, что принял приглашение Сути. Перед тем как отправиться в поход, его друг решил отметить это событие в самой знаменитой пивной Мемфиса. Судья все время думал о Нефрет, ее светлое лицо озаряло его сны и мысли. Затесавшись среди зевак, пребывавших в полном восторге от происходящего, Пазаир не проявлял ни малейшего интереса к обнаженным танцовщицам — молодым, прекрасно сложенным и гибким нубийкам.

Гости восседали на мягких подушках, перед ними стояли кувшины с вином и пивом.

— Малышек трогать нельзя, — радостно сообщил Сути, — они танцуют, чтобы нас согреть. Не волнуйся, Пазаир, у хозяйки есть отличное противозачаточное средство из растертых шипов акации, меда и фиников.

Каждому было известно, что шипы акации содержат молочную кислоту, лишаящую сперму оплодотворяющей силы. С самых юных лет молодые люди прибегали к этому простому средству, позволявшему беззаботно предаваться любовным утехам.

Из маленьких комнат, расположенных вокруг центрального зала, вышли десятка полтора молодых женщин в прозрачных льняных покрывалах. Их глаза были сильно подведены, губы ярко накрашены, в распущенных волосах — цветы лотоса, на запястьях и щиколотках — тяжелые браслеты. Они приблизились к разомлевшим гостям, тут же образовались парочки, которые поспешили уединиться в комнатухах, отделенных друг от друга занавесями.

Отвергнув двух восхитительных танцовщиц, Пазаир остался один в обществе Сути, не желавшего оставлять друга.

Появилась женщина лет тридцати, все одеяние которой сводилось к поясу из ракушек и цветных жемчужин. Они тихонько звякали, когда она начала медленно пританцовывать, играя на лире. Завороженный Сути заметил татуировки на ее теле: цветок лилии на левом бедре возле лобка и бог Бес над черными волосами паха — знак-оберег против венерических болезней. Хозяйка пивного дома Сабабу, в своем пышном парике со светлыми локонами, была обворожительнее самой красивой из девиц заведения. Плавнo сгибая длинные ухоженные ноги, она сделала несколько сладострастных шагов, а потом всем телом подалась вперед, не сбиваясь с ритма мелодии. Умощенная ладаном [\[36\]](#), она источала упоительное благоухание.

Когда она приблизилась к друзьям, Сути не смог совладать с охватившей его страстью.

— Ты мне нравишься, — сказала она ему, — и, думаю, я тебе тоже.

— Я не хочу покидать друга.

— Оставь его в покое; не видишь, он влюблен. Его душа далеко отсюда. Пойдем со мной.

Сабабу увлекла Сути в самую просторную из комнат. Усадив его на низкую кровать с

разноцветными подушками, она встала на колени и принялась его целовать. Он захотел обнять ее за плечи, но она нежно отвела его руки.

— У нас целая ночь впереди, не спеши. Сдерживайся и жди, пока в тебе нарастает наслаждение, вкушай усладу огня, разливающегося в твоей крови.

Сабабу сняла пояс из ракушек и легла на живот.

— Помассируй мне спину.

Несколько секунд Сути предавался игре, но это восхитительное, тщательно ухоженное тело, прикосновения к благоухающей коже лишили его остатков самообладания. Ощувив, сколь сильно его желание, Сабабу противиться перестала. Осыпая ее поцелуями, он дал волю сжигавшей его страсти.

***

— Ты доставил мне удовольствие. Ты не похож на большинство моих клиентов, они слишком много пьют и становятся вялыми и дряблыми.

— Грех не воздать должное твоим прелестям.

Сути ласкал ее грудь, внимательно следя за ее реакцией; искушенные руки любовника заставили Сабабу испытать давно забытые ощущения.

— Ты писец?

— Скоро буду солдатом. Прежде, чем стать героем, мне захотелось сладостных приключений.

— Раз так, следует одарить тебя в полной мере.

Легкими прикосновениями губ и языка Сабабу вновь пробудила желание Сути. И снова одновременно они издали крик наивысшего наслаждения. Глядя друг другу в глаза, они пытались восстановить дыхание.

— Ты обольстил меня, козлик мой, ведь ты любишь любовь.

— Это самая прекрасная из всех иллюзий.

— Но ты-то вполне реальный человек.

— Как ты стала хозяйкой пивного дома?

— Из презрения к мнимой знати и важным особам с лживыми речами. Они, как и мы с тобой, повинуются голосу плоти и не могут противиться страсти. Если б ты только знал...

— Расскажи.

— Хочешь разузнать мои секреты?

— Почему бы и нет?

При всем своем опыте, при всем обилии встречавшихся ей мужских тел, красивых и безобразных, Сабабу не могла устоять перед ласками нового любовника. Он пробудил в ней желание отомстить миру, где она столько раз подвергалась унижению.

— Когда станешь героем, будешь меня сторониться?

— Отнюдь! Уверен, ты часто принимаешь известных людей.

— Что ж, это правда.

— Должно быть, это забавно...

Она приложила палец к губам молодого человека.

— Об этом знает лишь мой дневник. Только благодаря ему я могу оставаться безмятежной.

— Ты записываешь имена клиентов?

— Имена, привычки, признания.

— Так это настоящее сокровище!

— Если меня оставят в покое, я не стану пускать его в ход. А когда состарюсь, смогу перечитывать свои воспоминания.

Сути лег на нее.

— А я страшно любопытный. Ну назови хоть одно имя.

— Нельзя.

— Только мне, мне одному.

Он стал целовать ее соски. По всему ее телу пробежала дрожь.

— Имя, одно только имя.

— Ладно, назову тебе один образец добродетели. Стоит мне рассказать о его пороках, и его карьере конец.

— Как его зовут?

— Пазаир.

Сути отстранился от своей пленительной любовницы.

— Какое поручение тебе дали?

— Распространять слухи.

— Ты его знаешь?

— В глаза не видела.

— Ты ошибаешься.

— Да как...

— Пазаир — мой лучший друг. Сегодня он просидел у тебя весь вечер и думал только о женщине, в которую влюблен, и о деле, которое распутывает. Кто велел тебе очернить его?

Сабабу промолчала.

— Пазаир — судья, — продолжал Сути, — самый честный из всех судей. Не надо на него клеветать; ты и так достаточно сильна, тебя никто не тронет.

— Ничего тебе не обещаю.

Сидя бок о бок на берегу Нила, Пазаир и Сути встречали рождение дня. Обновленное солнце восторжествовало над мраком и чудовищным змеем, пытавшимся уничтожить его во время ночного путешествия, и взошло над пустыней, окрасив багрянцем речные воды и приведя в буйный восторг нильских рыб.

- Скажи, Пазаир, ты серьезный судья?
  - Ты хочешь в чем-то меня упрекнуть?
  - Знаешь, у судьи, предающегося распутству, может помутиться разум.
  - Ты сам затащил меня в этот пивной дом. Пока ты там забавлялся, я думал о работе.
  - Скорее, о возлюбленной, не так ли?
- Река искрилась. Кровавые краски зари меркли, уступая место золоту раннего утра.
- Сколько раз ты приходил в этот приют запретных страстей?
  - Ты пьян, Сути.
  - Так ты никогда не встречал Сабабу?
  - Никогда.
  - А она была готова поведать любому, кто захочет слушать, что ты — один из лучших ее клиентов.

Пазаир побледнел. И даже не столько из-за безвозвратной утраты репутации судьи, сколько из-за того, что подумает Нефрет.

- Ее подкупили!
- Правильно.
- Кто?
- Мы так здорово предавались любви, что она прониклась ко мне нежностью. И рассказала, что ее втянули в интригу, но кто именно — умолчала. Но, по-моему, догадаться нетрудно — это обычные методы верховного стража Монтумеса.
- Я буду защищаться.
- Не стоит. Я уговорил ее молчать.
- Очнись, Сути. При первом же удобном случае она предаст и тебя, и меня.
- Не уверен. У этой женщины своя мораль.
- Позволь усомниться в твоих словах.
- При определенных обстоятельствах женщина не врет.
- И все-таки я хочу с ней поговорить.

***

Незадолго до полудня судья Пазаир подошел к дверям пивного дома в сопровождении Кема и павиана. Юная нубийка в ужасе забилась под подушки, ее менее пугливая подруга осмелилась выйти навстречу судье.

- Я бы хотел увидеть хозяйку.
- Я просто здесь работаю, и...

- Где госпожа Сабабу? Не лгите. Лжесвидетельство приведет вас в тюрьму.
- Если я признаюсь, она меня побьет.
- А если будете молчать, я предъявлю вам обвинение в препятствовании правосудию.
- Я ничего плохого не сделала!
- А вас пока никто и не обвиняет, скажите мне правду.
- Она уехала в Фивы.
- Куда именно?
- Не знаю.
- Когда вернется?
- Не знаю.

Итак, проститутка предпочла сбежать.

Отныне при малейшем неверном шаге судью будет подстерегать опасность. За его спиной строились козни. Кто-то, скорее всего Монтумес, заплатил Сабабу, чтобы запятнать его репутацию. Перед лицом серьезной угрозы проститутка не преминет его ослабить. Своим временным спасением он обязан исключительно мужскому обаянию Сути и его искушенности в любовных утехах.

Иной раз, подумал Пазаир, распутство, может быть, и не заслуживает безоговорочного осуждения.

***

После долгих размышлений верховный страж принял решение, чреватое непредсказуемыми последствиями: попросить визиря Баги о частной встрече. Он страшно нервничал и несколько раз прорепетировал свое заявление перед медным зеркалом, чтобы проследить за выражением лица. Как и любой другой, он знал, насколько непреклонен верховный сановник Египта. Скупой на слова, Баги терпеть не мог терять время. Должности обязывала его выслушать любую жалобу, откуда бы она ни поступила, но при условии, что она обоснованна. Всякий, кто стал бы попусту докучать ему, исказить факты или лгать, горько пожалел бы об этом. Перед лицом визиря следовало взвешивать каждое слово, каждый жест.

Монтумес отправился во дворец ближе к полудню. В семь часов Баги беседовал с царем; потом он отдавал распоряжения своим ближайшим помощникам и знакомился с отчетами из провинций. Затем начинались обычные ежедневные приемные часы, когда он разбирал многочисленные дела, с которыми не справились местные суды. Перед тем как наскоро отобедать и снова приступить к работе, визирь соглашался уделить немного времени для частной беседы, если того требовал неотложный характер дела.

Он принял верховного стража в своей конторе, скудность обстановки которой никак не напоминала о его высокой должности: стул со спинкой, циновка, сундуки и ящички для свитков. Можно было бы принять Баги за простого писца, если бы не его длинная туника из толстой материи, оставлявшая открытыми только плечи. На шее визиря висело огромное медное сердце, символизировавшее его неистощимую готовность выслушивать жалобы и сетования.

Высокий, сутулый, с длинным лицом, большим носом, вьющимися волосами и голубыми глазами, шестидесятилетний визирь Баги не отличался атлетическим телосложением. Он никогда не занимался спортом, его кожа боялась солнечных лучей. Утонченные руки с длинными пальцами были явно знакомы с кистью художника; некогда он был ремесленником, потом наставником юных писцов, потом — специалистом-землемером. Вот тогда-то и проявилась его беспримерная строгость. Баги заметили во дворце и назначили главным землемером, затем старшим судьей провинции Мемфиса, старшим судьей царского портика и, наконец, визирем. Многие царедворцы тщетно пытались поймать его на каком-нибудь промахе; внушая страх и уважение, Баги занял достойное место среди великих визирей, со времен Имхотепа надежно удерживающих Египет на праведном пути. И пусть не всем приходилась по вкусу суровость некоторых его приговоров и неукоснительность их исполнения, однако никто не ставил под сомнение их обоснованность.

До сих пор Монтумес ограничивался тем, что выполнял приказы визиря и всячески старался не вызвать его недовольства. И теперь ему было не по себе от предстоящей встречи.

Визирь устал и, казалось, дремал.

— Слушаю вас, Монтумес. Будьте кратки.

— Это не так просто...

— Упростите.

— Несколько воинов-ветеранов погибли в результате несчастного случая: упали с большого сфинкса.

— Административное расследование?

— Его вело армейское начальство.

— Что не так?

— Да вроде все в порядке. Я не смотрел официальные документы, но...

— Но благодаря связям вам удалось узнать их содержание. Это не поощряется, Монтумес.

Верховный страж опасался подобного выпада.

— Так уж повелось.

— Придется менять привычки. Но если все в порядке, в чем причина вашего прихода?

— Судья Пазаир.

— Недостойный служитель закона?

Голос Монтумеса становился все более гнусавым.

— Я не выдвигаю обвинения, просто меня настораживает его поведение.

— Он что, не соблюдает закон?

— Он убежден, что исчезновение начальника стражи — ветерана с безупречной репутацией — произошло при необычных обстоятельствах.

— У него есть доказательства?

— Никаких. Мне кажется, этот молодой судья хочет посеять смуту, чтобы обратить на себя внимание. Я осуждаю такое поведение.

— И правильно делаете, Монтумес. Ну а каково ваше мнение по существу дела?

— Оно не заслуживает внимания.

— Напротив, мне не терпится его услышать.

Вот она, ловушка.

Верховный страж терпеть не мог принимать ту или иную сторону из страха, что четко

определенная позиция может вызвать чье-либо осуждение.

Визирь открыл глаза. Пронизывающий ледяной взгляд проникал прямо в душу.

— Вряд ли гибель этих несчастных сопряжена с какой-нибудь тайной, но я недостаточно хорошо знаком с делом, чтобы вынести окончательное суждение.

— Если сам верховный страж выражает сомнение, почему бы не засомневаться простому судье? Его первейший долг — не принимать ничего на веру.

— Разумеется, — прошептал Монтумес.

— Бездарных людей в Мемфис не назначают; наверняка Пазаир хорошо зарекомендовал себя.

— Все-таки атмосфера большого города, честолюбие, слишком большие полномочия... Возможно, такой груз ответственности не под силу молодому человеку?

— Посмотрим, — заключил визирь. — Если это так, я его смещу. А пока пусть продолжает. И я надеюсь, что вы его всячески поддержите.

Баги запрокинул голову и закрыл глаза. Уверенный, что он продолжает смотреть из-под век, Монтумес встал, поклонился и вышел, приберегая ярость для своих слуг.

***

Едва вошло солнце, к конторе судьи Пазаира подошел крепкий, коренастый, загорелый Кани. Он примостился у закрытых дверей рядом с Северным Ветром. Об осле Кани мечтал давно. Он помог бы ему таскать тяжести, и спина, всю жизнь сгибавшаяся под грузом кувшинов с водой для полива сада, получила бы наконец долгожданный отдых. А поскольку Северный Ветер охотно внимал его речам, он принялся рассказывать ему о беспросветно однообразных трудовых буднях, о том, как он любит землю, как заботливо роет оросительные каналы и какую радость испытывает при виде распутившегося цветка.

— Кани... вы хотели меня видеть?

Садовник кивнул.

— Заходите.

Кани заколебался. Контора судьи, как и город в целом, вызывали у него страх. Вдали от сельских просторов ему было неуютно. Слишком много шума, тошнотворных запахов и совсем не видно горизонта. Если бы речь не шла о его будущем, он никогда бы не отважился вступить в лабиринт мемфисских улиц.

— Я пропал, совсем пропал, — сказал он.

— Опять неприятности с Кадашем?

— Да.

— В чем он вас обвиняет?

— Я хочу уйти, а он не отпускает.

— Уйти?

— В этом году мой сад дал овощей втрое больше предписанного. Значит, я могу стать независимым земледельцем.

— Это законно.

— Кадаш это отрицает.

— Опишите мне свой земельный участок.

***

Старший лекарь принял Нефрет в тенистом парке своей роскошной усадьбы. Сидя под цветущей акацией, он потягивал молодое и легкое розовое вино. Слуга обмахивал его опахалом.

— Прекрасная Нефрет, как я рад вас видеть!

На девушке было скромное платье и старомодный короткий парик.

— Уж очень вы сегодня строги: платье-то давно вышло из моды.

— Вы заставили меня прервать работу в аптеке; мне хотелось бы знать, зачем вы меня вызвали.

Небамон приказал слуге удалиться. Уверенный в своей неотразимости и в том, что красота места окажет на Нефрет должное воздействие, он решил дать ей последний шанс.

— Вы меня недолюбливаете.

— Я хотела бы получить ответ на свой вопрос.

— Насладитесь прекрасной погодой, восхитительным вином, посмотрите, в каком раю мы живем. Вы прекрасны, умны, и ваш талант целительницы превышает способности самых именитых наших лекарей. Однако у вас нет ни состояния, ни опыта; без моей помощи вам придется прозябать в каком-нибудь селении. Поначалу сила духа поможет вам преодолеть испытание; но придет зрелость и вы пожалеете, что так дорожили своей чистотой. Карьеру не выстроишь на идеалах, Нефрет.

Скрестив руки, девушка смотрела на пруд, где среди лотосов дрались утки.

— Вы научитесь любить меня и мои повадки.

— Ваши тщеславные помыслы меня не касаются.

— Вы достойны стать супругой старшего придворного лекаря.

— Мне кажется, что вы заблуждаетесь на мой счет.

— Я хорошо знаю женщин.

— Вы в этом уверены?

Улыбка застыла на лице Небамона.

— Вы забыли, что ваше будущее в моих руках?

— Над ним властны боги, но не вы.

Небамон встал, лицо его помрачнело.

— Оставьте богов в покое и подумайте о моих словах.

— Не надейтесь.

— Я предупреждаю вас в последний раз.

— Я могу вернуться к работе?

— Судя по отчетам, которые я только что получил, ваши познания в лекарственных снадобьях явно недостаточны.

Нефрет не потеряла самообладания, она опустила руки и посмотрела в глаза обвинителю.

— Вы отлично знаете, что это неправда.

— Отчеты составлены по всем правилам.

— Кто же их написал?

— Аптекари, которые дорожат своим местом и будут удостоены повышения по службе за проявленную бдительность. Раз вы не умеете готовить сложные лекарства, я не вправе доверить вам ответственную должность. Надеюсь, вы понимаете, что это означает? Вы не сможете и шагу ступить по иерархической лестнице. Вы будете скованы по рукам и ногам, не имея доступа к лучшим лекарствам; все аптеки находятся в моем ведении, и для вас они будут закрыты.

— От этого пострадают больные.

— Вам придется передавать своих пациентов более сведущим коллегам. А когда столь жалкое существование станет окончательно невыносимым, вы приползете к моим ногам.

***

Денес сошел с носилок перед воротами усадьбы Кадаша в тот момент, когда Пазаир разговаривал с привратником.

— У вас тоже болят зубы? — поинтересовался судовладелец.

— Нет, у меня проблема другого рода.

— Хорошо вам! А я места себе не нахожу от боли. Что случилось: у Кадаша неприятности?

— Просто нужно кое-что уладить.

Краснорукий зубной лекарь поздоровался с посетителями.

— С кого начнем?

— Денес ваш пациент; я же пришел довести до конца дело Кани.

— Моего садовника?

— Он больше не ваш садовник. Своим трудом он заслужил право на независимость.

— Чушь! Он служит у меня и будет служить.

— Поставьте свою печать на этот документ.

— Ни за что!

Голос Кадаша дрожал.

— В таком случае я буду действовать в судебном порядке.

— Не надо нервничать! — вмешался Денес. — Отпусти ты этого садовника, Кадаш; я найду тебе другого.

— Это вопрос принципа, — возразил лекарь.

— Полубовное соглашение куда лучше судебного разбирательства! Забудь о Кани.

Кадаш, ворча, последовал совету Денеса.

***

Маленький городок в Дельте, со всех сторон окруженный пшеничными полями,

назывался Летоподем; там находилась коллегия жрецов, посвятивших себя тайнам бога Хора — сокола с крыльями, необъятными, как сама Вселенная.

Нефрет приняла главный жрец, друг Беранира, от которого она не стала скрывать, что ее лишили официального статуса целителя. Жрец позволил ей войти в святилище, где стояла статуя Анубиса — бога с телом человека и головой шакала, открывшего людям секреты мумификации и отворяющего перед душами праведников врата иного мира. Анубис преображал безжизненную плоть в светоносное тело.

Нефрет обошла статую. С обратной стороны на ее опорном столбе был написан длинный иероглифический текст, настоящий медицинский трактат, посвященный лечению инфекционных болезней и очищению лимфы. Девушка запечатлела его в памяти. Беранир решил передать ей искусство исцеления, неведомое и недоступное Небамону.

***

День выдался утомительный.

Пазаир отдыхал, наслаждаясь вечерним покоем на террасе Беранира. Смелчак, стороживший контору, тоже лежал расслабленно, с сознанием выполненного долга. Небосвод озаряли догорающие лучи уже скрывшегося за горизонтом светила.

— Ну как, продвинулось твое расследование? — спросил Беранир.

— Армейские власти пытаются его задушить. К тому же вокруг меня зреет заговор.

— Кто может быть его организатором?

— Как не заподозрить полководца Ашера?

— Только не надо предвзятых идей.

— Груда административных документов, поданных мне на проверку, не дает мне сдвинуться с места. Вероятно, этим завалом я обязан Монтумесу. Пришлось отказаться от намеченной поездки.

— Верховный страж — страшный человек. Он разрушил не одну карьеру, пока строил свою.

— Но одного человека по крайней мере я осчастливил — садовника Кани! Он стал свободным земледельцем и уже уехал из Мемфиса на Юг.

— Он был одним из моих поставщиков лекарственных трав. Характер у него сложный, но дело свое он любит. Кадаша, наверное, твое вмешательство не порадовало.

— Он послушался совета Денеса и смирился перед лицом закона.

— Вынужденное смирение.

— А Денес держится так, словно усвоил урок.

— Он прежде всего делец.

— Вы верите в его искренность?

— Большинство людей ведут себя так, как им выгодно.

— Вы давно видели Нефрет?

— Ее не оставляет в покое Небамон. Недавно он предложил ей выйти за него замуж.

Пазаир побледнел. Смелчак, почувствовав смятение хозяина, поднял на него глаза.

— Она... отказалась?

— Нефрет — девушка нежная и мягкая, но никто не сможет заставить ее действовать против воли.

— Так она отказалась, правда?

Беранир улыбнулся.

— А ты можешь хоть на миг представить себе такую пару: Небамон и Нефрет?

Пазаир вздохнул с нескрываемым облегчением. Пес, успокоившись, снова прикрыл глаза.

— Небамон хочет ее подчинить, — продолжал Беранир. — На основе ложных донесений он объявил ее знания недостаточными и лишил ее официального статуса целителя.

Судья сжал кулаки.

— Я разберусь с ложными свидетельствами.

— Ничего у тебя не получится, многие лекари и аптекари подкуплены Небамоном и будут упорствовать в своей лжи.

— Она, наверное, в отчаянии...

— Она решила уехать из Мемфиса и поселиться в каком-нибудь селении близ Фив.

— Мы едем в Фивы, — сказал Пазаир Северному Ветру.

Осел принял новость с удовлетворением. Когда секретарь Ярти заметил приготовления к отъезду, он заволновался.

— Вы надолго?

— Пока не знаю.

— Где вас искать в случае надобности?

— Отложите дела до моего возвращения.

— Но...

— И постарайтесь все делать вовремя, дочь ваша от этого не пострадает.

***

Кем жил неподалеку от арсенала в двухэтажном здании, где размещался десяток двух— и трехкомнатных жилищ. Судья выбрал день, когда у нубийца был выходной, и надеялся застать его дома.

Дверь открыл павиан и уставился на посетителя немигающим взглядом.

В комнате, куда пришел Пазаир, было полно ножей, пращей и копий. Пристав был занят починкой лука.

— Судья Пазаир! Что привело вас сюда?

— Ваша дорожная сумка готова?

— Разве вы не отказались от поездки?

— Я передумал.

— Я к вашим услугам.

***

Праща, копье, кинжал, палица, дубина, топор, прямоугольный деревянный щит — три дня упражнялся Сути во владении всеми этими видами оружия и начал быстро демонстрировать изрядную сноровку. Вызывая восхищение офицеров, отвечавших за распределение новобранцев, он действовал уверенно, как бывалый солдат.

По истечении времени, отведенного для первичной подготовки, всех желающих стать воинами собрали во дворе главной казармы Мемфиса. По бокам двора находились конюшни, откуда за происходящим заинтересованно наблюдали кони; в центре — огромный колодец.

Суты уже побывал в конюшнях, полы которых были покрыты галькой и имели канавки для вывода сточных вод. Всадники и возницы обихаживали своих лошадей. Сытые, чистые, ухоженные животные содержались в прекрасных условиях. Жилые помещения для солдат,

расположенные в тени деревьев, тоже понравились молодому человеку.

Однако дисциплина вызывала у него стойкое отвращение. Три дня строгого подчинения приказам и беспрестанных окриков мелких начальников — и всякое желание искать приключений в боевом строю испарилось у Сути без следа.

Церемония принятия новичков в воинские ряды проходила по заранее установленному ритуалу; обращаясь к добровольцам, старшина расписывал радости предстоящей службы. Среди главных преимуществ были названы достаток, почет и хорошая пенсия. Знаменосцы высоко держали штандарты основных отрядов, посвященных богам Амону, Ра, Птаху и Сету. Царский писец готовился внести в списки имена новобранцев. За спиной у них стояли корзины со снедью — предполагалось, что после церемонии полководцы устроят пир, где можно будет отведать мяса, птицы, овощей и фруктов.

— Какая жизнь у нас впереди! — прошептал один из товарищей Сути.

— Только не у меня.

— Ты что, раздумал?

— Мне милее свобода.

— Ты с ума сошел! Послушать наше начальство, так ты лучший из всего набора; тебе наверняка дадут хорошее назначение.

— Мне приключения нужны, а не служба в строю.

— Я бы на твоём месте ещё подумал.

Вдруг двор торопливо пересек посыльный из дворца со свитком в руках и показал папирус царскому писцу. Тот встал и быстро отдал несколько распоряжений. Все двери казармы мгновенно закрылись.

Среди добровольцев прокатился ропот.

— Успокойтесь, — скомандовал офицер ободряющим голосом. — Мы только что получили распоряжение. Указом фараона вы все приняты на военную службу. Одни будут размещены в казармах, другие завтра же отправятся в Азию.

— Состояние боевой готовности или война, — прокомментировал товарищ Сути.

— А мне плевать.

— Не валяй дурака. Если попытаешься бежать, будешь считаться дезертиром.

Довод был весьма веским. Сути прикинул, удастся ли ему перескочить через стену и затеряться в прилегающих переулках, и понял: не удастся. Это ведь не школа писцов, а казарма, где полным-полно лучников и копьеносцев.

Один за другим новобранцы проходили перед царским писцом. Как и у офицеров, вместо дружелюбной улыбки на его лице появилось выражение озабоченности.

— Сути... превосходные результаты. Причислен к азиатской армии. Будешь лучником при колесничем. Отправление завтра на рассвете. Следующий.

И Сути увидел, как его имя вносится в табличку. Теперь дезертировать стало невозможно: побег означал, что придется всю жизнь провести на чужбине и никогда больше не увидеть Египта и Пазаира. Теперь он обречен стать героем.

— Я буду служить под началом полководца Ашера?

Писец гневно взглянул на него.

— Я сказал: следующий.

Сути получил рубаху, тунику, плащ, кожаные поножи, шлем, обоюдоострый топорик и лук из акации. Высота лука составляла метр семьдесят сантиметров, в середине имелось заметное утолщение. Натянуть его было нелегко, зато стрелять он мог на шестьдесят метров

по прямой и на сто восемьдесят по параболической траектории.

— А как же обещанный пир?

— Вот хлеб, сушеное мясо, масло и инжир, — ответил офицер интендантской службы. — Поешь, зачерпни водички в колодце и ложись спать. Завтра придется пыль глотать.

***

На борту судна, идущего к югу, только и говорили об указе Рамсеса Великого, обнаруженном многочисленными глашатаями. Фараон приказал провести очистительные ритуалы во всех храмах, сделать опись всех сокровищ страны, инвентаризировать содержимое амбаров и общественных запасов, удвоить подношения богам и снарядить военную экспедицию в Азию.

Царский указ немедленно оброс самыми невероятными слухами: все судачили о неминуемой катастрофе, вооруженных волнениях в городах, мятежах в провинциях и скором нашествии хеттов. Пазаир, как и другие судьи, был обязан заботиться о поддержании общественного порядка.

— Может, лучше было остаться в Мемфисе? — спросил Кем.

— Наша поездка долго не продлится. Управители селений сообщают, что два воина-ветерана стали жертвами несчастного случая и тела их мумифицированы и погребены.

— Вы не слишком благостно настроены.

— Пять человек упали и разбились насмерть — такова официальная версия.

— Но вы этому не верите.

— А вы?

— Какая разница? Если начнется война, меня призовут в армию.

— Рамсес проповедует мир с хеттами и азиатскими государствами.

— Они никогда не оставят намерений завоевать Египет.

— Наше войско очень сильно.

— А зачем тогда экспедиция и все эти странные меры?

— Не знаю. Возможно, проблемы внутренней безопасности?

— Страна богата и счастлива, народ любит своего царя, каждый ест досыта, дороги свободны. Нам не грозит никакая смута.

— Вы правы, но фараон, судя по всему, думает иначе.

Ветер оведал их лица; парус спустили, судно шло на веслах. В обе стороны по Нилу проходили десятки судов, вынуждая капитана и экипаж ни на миг не терять бдительности.

На расстоянии километров ста от Мемфиса к их борту приблизилось быстроходное судно речной стражи, и с него прозвучал приказ замедлить ход. Один из стражников ухватился за снасти и перескочил к ним на палубу.

— Судья Пазаир на борту?

— Да, это я.

— Я должен доставить вас в Мемфис.

— В чем дело?

— На вас подана жалоба.

***

Сути встал и оделся последним. Старший по комнате подтолкнул его, чтобы он поторопился.

Молодой человек видел во сне Сабабу, ее ласки и поцелуи. Она открыла ему новые, неведомые пути наслаждения, и он был намерен исследовать их в самое ближайшее время.

Под завистливыми взглядами других новобранцев Сути взошел на боевую колесницу, с которой его окликнул колесничий, лет сорока с удивительно крепкой мускулатурой.

— Держись, мой мальчик, — посоветовал он очень серьезным тоном.

И не успел Сути пристегнуть ремнем левое запястье, как колесничий пустил коней во весь опор. Колесница первой вылетела из казармы и устремилась к северу.

— Тебе уже доводилось сражаться, малыш?

— Ага, с писцами.

— Ты их убил?

— Думаю, что нет.

— Не отчаивайся: я предложу тебе кое-что получше.

— Куда мы несемся?

— Вперед, на врага, во главе всех! Проедем Дельту, потом промчимся вдоль берега моря и станем бить сирийцев и хеттов. На мой взгляд, указ что надо. Давненько не давил я этих варваров. Натяни свой лук.

— А вы не притормозите?

— Хороший лучник поражает цель и в более сложных условиях.

— А если я промажу?

— Я перережу ремень, удерживающий тебя на колеснице, и ты полетишь носом в пыль.

— А вы суровы.

— Десять азиатских кампаний, пять ранений, две награды за храбрость, поздравления от самого фараона — тебе довольно?

— И никакого права на ошибку?

— Поле битвы ошибок не прощает.

Стать героем, оказывается, не так просто, как представлялось. Сути глубоко вздохнул и до отказа натянул лук, забыв о колеснице, толчках и ухабах на дороге.

— Попробуй попасть в дерево, вон там, вдалеке!

Стрела взлетела в небо, описала изящную дугу и вонзилась в ствол акации, мимо которой пронеслась колесница.

— Молодец, малыш!

Сути вздохнул с облегчением.

— И от скольких лучников вы так избавились?

— Я их не считаю! Терпеть не могу слабаков. Сегодня вечером угощаю тебя выпивкой.

— В палатке?

— Офицеры и их помощники имеют право ночевать в гостинице.

— А... женщины?

Колесничий отвесил Сути знатный удар в спину.

— Ах ты, прохвост, да ты просто создан для армии! После пьянки порезвимся с одной потаскушкой, которая облегчит наши кошельки.

Сути поцеловал свой лук. Удача от него не отвернулась.

***

Пазаир недооценил изобретательность своих врагов. Они не просто решили помешать ему уехать из Мемфиса в Фивы на поиски истины, они намеревались лишить его судейского звания и тем самым раз и навсегда положить конец его расследованию. Это означало, что нить, которую нащупал Пазаир, и в самом деле вела к убийству, а возможно, и не к одному.

Но теперь, к сожалению, было слишком поздно.

Как он и опасался, Сабабу, состоявшая на службе у верховного стража, обвинила его в разврате. Судейская коллегия заклеяет недостойное поведение Пазаира и сочтет его несовместимым с должностью судьи.

В контору вошел понурый Кем.

— Вы отыскиали Сути?

— Он поступил на службу в азиатскую армию.

— Так он уехал?

— В качестве лучника на боевой колеснице.

— Значит, мой единственный свидетель недоступен.

— Я могу его заменить.

— Нет, Кем. Будет доказано, что вы не были у Сабабу, и вас накажут за лжесвидетельство.

— Но я не могу допустить, чтобы вас оклеветали!

— Я сам виноват в том, что приподнял завесу над чьей-то тайной.

— Но если никто, даже судья, не может говорить правду, стоит ли вообще жить?

Нубиец был вне себя от отчаяния.

— Я не отступлю, Кем, но у меня нет никаких доказательств.

— Вам заткнут рот.

— Я не стану молчать.

— Я буду рядом с вами, вместе с павианом. И они дружески обнялись.

***

Суд состоялся через два дня после возвращения Пазаира под деревянным портиком, сооруженным перед дворцом. Такая спешка объяснялась статусом обвиняемого; если в нарушении закона подозревался судья, дело требовало незамедлительного рассмотрения.

Пазаир не ждал снисходительности от старшего судьи царского портика, однако при виде присяжных был поражен тем, как далеко простирается заговор: здесь собрались судовладелец Денес, его супруга Нанефер, верховный страж Монтумес, один из царских писцов и жрец храма Птаха. Враги составляли большинство и, возможно, всецело контролировали ситуацию, а писец и жрец могли быть просто послушными исполнителями.

Бритоголовый старший судья портика, одетый в дорогой передник, с хмурым видом восседал в глубине зала. Мерный локоть из дерева смоковницы напоминал о присутствии богини Маат. Слева от него расположились присяжные; справа — секретарь суда. За спиной Пазаира собралась толпа любопытных.

— Вы судья Пазаир?

— Да, я служу в Мемфисе.

— У вас в подчинении есть секретарь по имени Ярти.

— Верно.

— Приведите истицу.

Ярти и Сабабу — вот уж неожиданный поворот! Выходит, его предал ближайший помощник.

Но в зал заседаний вошла не Сабабу, а коротконогая брюнетка с пышными формами и некрасивым лицом.

— Вы супруга секретаря Ярти?

— Да, — ответила она резким, неприятным голосом.

— Вы находитесь под присягой. Изложите свои обвинения.

— Мой муж пьет пиво, слишком много пива, особенно по вечерам. Он постоянно оскорбляет меня и бьет в присутствии нашей дочери. Бедняжка пугается. Врач засвидетельствовал следы от ударов.

— Вы знаете судью Пазаира?

— Только по имени.

— Чего вы просите у суда?

— Осудить моего мужа и человека, у которого он работает и который несет ответственность за его моральный облик. Я хочу два новых платья, десять мешков зерна и пять жареных гусей. И вдвое больше, если Ярти снова поднимет на меня руку.

Пазаир был ошеломлен.

— Пусть войдет главный ответчик.

Появился грузный смущенный Ярти. Красные прожилки на его лице проступали сильнее обычного. Он принялся защищаться:

— Жена сама меня провоцирует, она отказывается готовить еду. Я ударил ее, сам того не желая. Просто так неловко получилось. Меня тоже можно понять: я так много времени провожу в конторе у судьи Пазаира, работа безжалостная, дел столько, что пора бы подумать о найме еще одного секретаря.

— Что вы на это скажете, судья Пазаир?

— Эти упреки не вполне справедливы. Работы у нас много, это правда, но я отнесся к секретарю Ярти с пониманием и, учитывая его семейные трудности, дал ему некоторые поблажки.

— Кто может это засвидетельствовать?

— Соседи, я полагаю.

Старший судья обратился к Ярти:

— Следует ли нам вызвать ваших соседей и хотите ли вы опровергнуть слова судьи Пазаира?

— Нет-нет... Но я все-таки тоже не совсем уж не прав.

— Судья Пазаир, вы знали, что ваш секретарь бьет жену?

— Нет.

— Вы отвечаете за моральный облик своих подчиненных.

— Я этого не отрицаю.

— По недосмотру вы не проявили интереса к тому, как ведет себя Ярти.

— Мне было некогда.

— Недосмотр — единственное подходящее слово.

Старший судья царского портика спросил, не хотят ли главные участники процесса что-нибудь добавить к сказанному. Супруга Ярти снова возбужденно перечислила обвинения.

Присяжные удалились на совещание.

Пазаир почти готов был расхохотаться. Оказаться осужденным из-за нелепой семейной ссоры — такое и вообразить-то трудно! Бесхребетность Ярти и глупость его жены подстроили совершенно непредвиденную ловушку, пришедшуюся его противникам очень к стати. Все юридические формальности будут соблюдены, и молодого судью отстранят, причем его врагам не понадобится прикладывать к тому ни малейших усилий.

Обсуждение не продлилось и часа.

Старший судья портика все так же хмуро огласил результаты.

— Секретарь Ярти единогласно признан виновным в недостойном поведении по отношению к своей супруге. По решению суда ему надлежит выплатить потерпевшей все, что она требует, и к тому же он приговаривается к тридцати палочным ударам. В случае повторного совершения того же проступка жена немедленно получит развод. Обвиняемый желает оспорить приговор?

Радуюсь, что удалось так легко отделаться, Ярти подставил спину исполнителю наказания. Египетское право сурово карало грубиянов, плохо обращавшихся с женщинами. Секретарь стонал и хныкал — после порки стражнику пришлось отвести его к местному лекарю.

— Единогласно, — продолжал старший судья, — судья Пазаир признан невиновным. Суд советует ему не увольнять секретаря, но дать ему возможность загладить свою вину.

***

Монтумес ограничился тем, что просто поздоровался с Пазаиром; он спешил на заседание другого суда, где судили вора и он тоже был в числе присяжных. А вот Денес с супругой бросились к нему с поздравлениями.

— Обвинение просто смешное, — заметила госпожа Нанефер, чье разноцветное платье обсуждал весь Мемфис.

— Вас бы любой суд оправдал, — высокопарно вступил Денес. — Нам в Мемфисе нужен такой судья, как вы.

— Верно, — согласилась Нанефер. — Торговля может развиваться только в мирном и

справедливом обществе. Ваша твердость произвела на нас большое впечатление, мы с мужем любим смелых людей. Впредь, если мы столкнемся с юридическими проблемами, то обязательно обратимся к вам.

Быстрое и спокойное плавание подходило к концу, и с борта судна, увозящего на юг судью Пазаира, его осла, пса, Кема, павиана и еще нескольких пассажиров, открылся вид на Фивы.

Все притихли.

На левом берегу горделиво возвышались величественные строения храмов Карнака и Луксора. За высокими стенами вдали от досужего любопытства непосвященных небольшая горстка мужчин и женщин проводила ежедневные священные ритуалы. Аллеи сфинксов с головами баранов, осененные листвой акаций и тамарисков, вели к пилонам — монументальным воротам, открывающим путь в святилища.

На сей раз речная стража не тревожила их судно. Пазаир радовался возвращению в родную провинцию; с тех пор как он уехал, на его долю выпали испытания, характер его окреп, но главное — он узнал, что такое любовь. Образ Нефрет не оставлял его ни на миг. Он терял аппетит, сосредоточиться становилось все труднее и труднее; ночью он упорно вглядывался в темноту, надеясь, что она возникнет из мрака. Сам не свой, он понемногу погружался в бездну, пустота подтачивала его изнутри. Только возлюбленная могла бы излечить его, но сможет ли она распознать его недуг? Ни боги, ни жрецы не в силах вернуть ему радость жизни, никакой успех не властен рассеять боль, ни одна книга не способна принести умиротворение.

Где-то здесь, в Фивах, — Нефрет; здесь его единственная надежда.

Пазаир больше не верил в успех своего расследования. У него не осталось иллюзий. Заговор был продуман превосходно. Он мог что угодно подозревать и теряться в догадках — до истины ему не добраться. Перед самым отъездом он узнал, что начальника стражи сфинкса похоронили. Никто не ведал, сколько времени полководец Ашер пробудет в Азии, и армейские власти сочли нужным дольше не откладывать погребение. Был ли это сам ветеран или тело какого-то другого человека? Разрешить сомнения теперь невозможно.

Судно причалило неподалеку от Луксорского храма.

— За нами следят, — заметил Кем. — Молодой человек на корме. Он поднялся на борт последним.

— Попробуем затеряться в городе и посмотрим, пойдет ли он за нами.

Молодой человек неотступно следовал за судьей и его помощником.

— Монтумес?

— Вероятно.

— Хотите, я избавлю вас от него?

— У меня есть другая идея.

Судья отправился в главное управление городской стражи, где его принял тучный чиновник. Вся контора была завалена корзинками с фруктами и сладостями.

— Вы ведь родились в этом районе, не правда ли?

— Да, мое родное селение на западном берегу. Я получил назначение в Мемфис и там имел честь познакомиться с вашим начальником Монтумесом.

— Вы вернулись насовсем?

— Нет, я здесь ненадолго.

— Отдохнуть или по работе?

— Меня интересуют поставки древесины^[37]. Мой предшественник оставил по этому вопросу весьма неполные и сумбурные записи.

Толстяк проглотил несколько изюминок.

— А что, в Мемфисе топливо на исходе?

— Разумеется, нет. Зима была мягкая, и запасов дров мы не израсходовали. Однако служба поставки хвороста, на мой взгляд, налажена плохо: жителей Мемфиса задействовано в ней гораздо больше, чем фиванцев. Я бы хотел просмотреть ваши списки по каждому селению, чтобы выявить мошенников. Некоторые не желают собирать хворост и пальмовое волокно и сдавать его в центры сортировки и распределения. По-моему, самое время вмешаться.

— Конечно, конечно.

Монтумес почтой предупредил начальника фиванской стражи о приезде Пазаира, описав его как судью грозного, строгого и без меры любопытного; и вот вместо этого ужасного человека перед толстяком предстает дотошный буквоед, озабоченный какой-то ерундой.

— Сопоставление количества хвороста, доставленного с Севера и с Юга, весьма красноречиво; в Фивах неправильно организована вырубка сухостоев. Возможно, существует незаконная торговля?

— Не исключено.

— Пожалуйста, зарегистрируйте предмет моего расследования в вашем районе.

— Не волнуйтесь.

Когда толстяк принял молодого стражника, уполномоченного следить за судьей Пазаиром, он передал ему этот разговор. Чиновники быстро пришли к согласию: судья забыл о своих первоначальных намерениях и погряз в рутине. Его поведение избавляло их от многих хлопот.

***

Поглотитель теней опасался обезьяны и собаки. Он знал, что животные эти на редкость чутки и могут легко обнаружить недобрые намерения. Поэтому он следил за Пазаиром и Кемом с большого расстояния.

Задача его облегчалась тем, что другой человек, ходивший за ними по пятам, — вероятно, стражник Монтумеса, — прекратил слежку. Если судья приблизится к цели, поглотителю теней придется вмешаться; в противном случае он останется простым наблюдателем.

Приказ был сформулирован четко, а он ни за что не ослушается приказа. Он не станет убивать без крайней необходимости. Супруга начальника стражи умерла исключительно из-за настойчивости Пазаира.

***

После трагедии возле сфинкса воин-ветеран укрылся в родном селении на западном берегу. После честной воинской службы его ожидали счастливые годы пенсии. Он ничего не имел против версии несчастного случая. К чему в его возрасте затевать бой, заранее обреченный на поражение?

По возвращении он починил печь и, к великой радости односельчан, стал пекарем. Женщины очищали зерно от шелухи, пропуская его через сито, потом размалывали с помощью жерновов и толкли в ступах длинными пестами. Так получалась первичная мука грубого помола, ее снова несколько раз просеивали, чтобы она стала мельче. Добавив воды, женщины замешивали густое тесто, в которое добавляли дрожжи. Одни месили тесто в глиняных горшках, другие раскладывали его на наклонных плитах, чтобы дать стечь воде. Дальше к делу приступал пекарь; самые простые хлеба он выпекал прямо на углях, а самые замысловатые — в печи, состоявшей из трех вертикальных плит, покрытых одной горизонтальной, под которой разводился огонь. Для пирогов он использовал формы с дырочками, а для изготовления круглых булок, продолговатых хлебов или плоских лепешек он лил тесто на каменные пластины. По просьбе он мог испечь булочки в форме лежащих телят, доставлявшие бурную радость детворе. В честь праздника бога плодородия Мина он пек булочки в форме фаллосов — с хрустящей корочкой и белой мякотью, которые весело поедались среди золотых колосьев.

Он успел позабыть шум сражений и крики раненых. Гул огня в печи казался ему сладостной музыкой, и ничто не доставляло большего наслаждения, чем запах горячего хлеба! От военного прошлого у него сохранилась лишь привычка командовать. Ставя пластины в печь, он разгонял женщин и допускал к печи только своего помощника — крепкого паренька лет пятнадцати, которого он усыновил и избрал себе в преемники.

В то утро мальчишка запаздывал. Ветеран начал было сердиться, как вдруг в пекарне послышались шаги. Пекарь обернулся.

— Да я тебя... А вы кто такой?

— Я пришел заменить вашего помощника. У него сегодня болит голова.

— Вы не из нашего селения.

— Я работаю у другого пекаря в получасе ходьбы отсюда. Меня прислал управитель.

— Ладно, помоги мне.

Печь была глубокой, и ветерану приходилось залезать туда по пояс, чтобы расставить как можно больше форм и хлебов. Помощник держал его за ноги и готов был вытащить при первой необходимости.

Ветеран не подозревал об опасности. Но в тот день в его селение собирался наведаться судья Пазаир. Он выяснил бы, кто он такой, и стал бы задавать вопросы. У поглотителя теней не оставалось выбора. Он ухватил пекаря за щиколотки, оторвал его ноги от земли и изо всех сил толкнул в печь.

***

На подходе к селению не было ни души. Ни женщины на пороге дома, ни мужчины,

задремавшего под деревом, ни ребенка, играющего с деревянной куклой. Судья почувствовал, что произошло что-то из ряда вон выходящее; он велел Кему не двигаться с места. Павиан и пес озирались по сторонам.

Пазаир быстро вышел на центральную улицу с невысокими домами.

Вокруг печи собралось все селение. Люди кричали, толкались, взывали к богам. Какой-то мальчишка в десятый раз рассказывал, как его оглушили при выходе из дома, когда он собирался идти на помощь к пекарю, своему приемному отцу. Он корил себя за ужасное происшествие и ревел в три ручья.

Пазаир пробрался сквозь толпу.

— Что случилось?

— Наш пекарь погиб ужасной смертью, — ответил управитель. — Он, наверное, поскользнулся и провалился в печь. Обычно для подстраховки его держит за ноги помощник.

— Это был ветеран, вернувшийся из Мемфиса?

— Да.

— Кто-нибудь присутствовал при... несчастном случае?

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Я судья Пазаир и приехал специально, чтобы встретиться с этим человеком.

— Зачем?

— Не имеет значения.

Какая-то женщина в исступлении схватила Пазаира за руку.

— Его убили ночные демоны, потому что он согласился поставлять хлеб — наш хлеб — Хаттусе, чужестранке, царствующей над гаремом.

Судья мягко отстранил ее.

— Раз вы следите за соблюдением закона, отомстите за нашего пекаря и остановите это дьявольское отродье!

***

Пазаир и Кем пообедали у колодца поодаль от селения. Павиан аккуратно чистил сладкий лук. Он почти свыкся с присутствием судьи и особого недоверия к нему не испытывал. Смелчак лакомился свежим хлебом и огурцом, Северный Ветер жевал люцерну.

Судья нервно сжимал в руках бурдюк с холодной водой.

— Один несчастный случай и пятеро погибших! Они наврали, Кем. Этот отчет — ложь.

— Просто административная ошибка.

— Это убийство, еще одно убийство.

— Доказательств нет. С пекарем произошел несчастный случай. И потом, ничего уже не исправишь.

— Убийца нас опередил, он знал, что мы направляемся в селение. Никто не должен был напасть на след четвертого ветерана, никто не должен ворошить это дело.

— Не копайте дальше. Вы наткнулись на какие-то распри между военными.

— Если правосудие отступит, в стране воцарится насилие.

— Неужели жизнь для вас не важнее закона?

— Нет, Кем.

— Вы самый непоколебимый человек из всех, кого я знаю.

Как же нубиец ошибался! Пазаир не мог выбросить из головы Нефрет даже в такие тревожные минуты. Теперь, когда случившееся доказало обоснованность его подозрений, ему нужно бы сосредоточиться на расследовании; но любовь, безжалостная, как ветер с юга, разведала всю его решимость. Он встал и прислонился к колодцу, закрыв глаза.

— Вы плохо себя чувствуете?

— Сейчас пройдет.

— Четвертый ветеран был еще жив, — напомнил Кем. — Как насчет пятого?

— Если бы его можно было допросить, мы проникли бы в тайну.

— Его селение, наверное, неподалеку.

— Мы не пойдем туда.

Нубиец улыбнулся.

— Наконец-то вы образумились!

— Мы не пойдем туда, потому что за нами следят и нас опережают. Пекарь был убит из-за нашего прихода. Если пятый ветеран жив, действуя таким образом, мы обречем его на смерть.

— Что вы предлагаете?

— Пока не знаю. Прежде всего, мы вернемся в Фивы. Тот или те, кто за нами следят, решат, что мы сбились со следа.

***

Пазаир принялся за изучение документов о поставках древесины за прошлый год. Тучный чиновник открыл для него свои архивы, а сам спокойно попивал сок цератонии. Этот молодой судья оказался узколобым бюрократом. Пока он перебирал таблички с цифрами, фиванский чиновник написал Монтумесу ободряющее письмо. Пазаир их спокойствию не угрожает.

Хотя судье выделили удобную комнату, он провел ночь без сна, разрываясь между страстным желанием повидать Нефрет и необходимостью продолжать расследование. Увидеть ее — несмотря на то, что он ей безразличен; продолжать расследование — несмотря на то, что дело похоронено и забыто.

Переживая от того, что хозяин страдает, Смелчак улегся рядом с ним. Тепло придаст ему сил, ведь они ему так нужны. Судья погладил собаку, вспоминая, как они вместе бродили по берегу Нила, когда он был еще беспечным юношей и собирался тихо-мирно жить в родном селении, наблюдая, как одно время года приходит на смену другому.

Судьба подстерегла его, как хищный зверь, ее удары оказались свирепы и жестоки. Может, отречься от безумных мечтаний, от Нефрет, от истины, может, еще не поздно попытаться вернуть безмятежность былых времен?

Но обманывать самого себя не имело смысла. Нефрет — его единственная любовь, и это навсегда.

Рассвет принес ему надежду. Есть человек, который сможет ему помочь. Пазаир решил отправиться на набережную Фив, где каждый день устраивался большой базар. Продукты выгружали с судов, и мелкие торговцы сразу выставляли их на своих прилавках. Мужчины и женщины торговали под открытым небом, продавая разнообразную снедь, ткани, одежду и всякую всячину. Под тростниковым навесом небольшой лавки матросы пили пиво и глазели на смазливых горожанок, торопившихся разузнать последние новости. Рыбник, выставивший корзину с нильскими окунями, менял две отличные рыбины на баночку благовоний; кондитер отдавал пирожки за ожерелье и пару сандалий, бакалейщик — бобы за метлу. Каждый раз, обсуждая сделку, торгующиеся переходили на повышенные тона, потом примирялись. Если возражения вызывал вес товара, можно было воспользоваться весами, находившимися под присмотром писца.

Наконец Пазаир увидел того, кого искал.

Как он и предполагал, Кани продавал на базаре нут, огурцы и лук порей.

Неожиданно сильно дернув за поводок, павиан бросился на никем не замеченного вора, стянувшего два превосходных пучка салата. Зубы обезьяны впились в ляжку преступнику. Тот, воя от боли, тщетно попытался отпихнуть зверя. Кем подоспел как раз вовремя, не дав павиану разорвать его на куски. Вора передали двум стражникам.

— Вы мой неизменный защитник! — воскликнул садовник.

— Мне нужна ваша помощь, Кани.

— Через два часа, когда я все продам, мы можем пойти ко мне.

***

По краю огорода тянулась полоса из васильков, мандрагор и хризантем. Кани четко разграничил грядки цветочными клумбами; на каждой грядке — свой овощ: нут, бобы, чечевица, огурцы, лук, порей, салат, тригонелла. В глубине виднелась пальмовая роща, заслонявшая участок от ветра; слева — виноградник и фруктовые деревья. Основную часть урожая Кани относил в храм, остальное продавал на базаре.

— Вы довольны своим новым положением?

— Работа все такая же тяжелая, но теперь она приносит прибыль. Смотритель храма меня ценит.

— А вы по-прежнему выращиваете лекарственные растения?

— Пойдемте, я вам покажу.

Кани показал Пазаиру свое детище, которым гордился больше всего: грядку с целебными травами и растениями, содержащими лекарственные вещества. Плакун-трава, горчица, пиретрум, болотная мята, ромашка — это лишь немногие из росших там драгоценных трав.

— Вы знаете, что Нефрет теперь живет в Фивах?

— Вы ошибаетесь, судья. У нее важная должность в Мемфисе.

— Небамон выгнал ее оттуда.

Глаза садовника возмущенно сверкнули.

— Он осмелился... этот крокодил осмелился!

— Нефрет больше не состоит в корпорации врачей и не имеет доступа к крупным лечебницам и аптекам. Ей приходится довольствоваться работой в маленьком селении, а

тяжелых больных она должна передавать на лечение более сведущим специалистам.

Кани в бешенстве топнул ногой.

— Это недостойно, несправедливо!

— Помогите ей.

Садовник вопросительно посмотрел на судью.

— Каким образом?

— Если вы будете поставлять ей редкие и дорогостоящие целебные растения, она сможет готовить лекарства и лечить своих пациентов. Мы должны побороться, чтобы восстановить ее честное имя.

— Где она сейчас?

— Не знаю.

— Я найду. Это и есть то дело, о котором вы хотели меня попросить?

— Нет.

— Говорите.

— Я ищу воина-ветерана из стражи сфинкса. Он вышел на пенсию и вернулся домой, на западный берег. Он скрывается.

— Почему?

— Потому что знает один секрет. Из-за меня этому человеку грозит смертельная опасность. Стоило мне попытаться побеседовать с его товарищем, ставшим пекарем, как с ним тотчас же произошел несчастный случай.

— Какая помощь вам нужна?

— Найдите его. Потом с величайшей осторожностью им займусь я. Кто-то следит за мной; если я сам начну его искать, ветерана убьют, прежде чем я успею с ним поговорить.

— Убьют!

— Я не хочу скрывать ни серьезности положения, ни связанных с ним опасностей.

— Но как судья вы...

— У меня пока нет никаких доказательств, и дело, которым я занимаюсь, находится в ведении армии.

— А если вы ошибаетесь?

— Когда я поговорю с этим ветераном, если, конечно, он еще жив, все сомнения будут рассеяны.

— Я знаю много селений на западном берегу.

— Вы сильно рискуете, Кани. Кто-то, не колеблясь, убивает свидетелей, губя свою душу.

— Позвольте мне действовать на свое усмотрение.

***

В конце недели Денес обычно устраивал прием для капитанов своих транспортных судов и кое-кого из высших чиновников, особенно охотно подписывающих всякого рода разрешения на перевозку, погрузку и разгрузку. Все были в восторге от великолепия огромного сада, водоемов и вольеров с экзотическими птицами. Денес переходил от одного гостя к другому, говорил каждому что-нибудь приятное, справлялся о родных и близких.

Госпожа Нанефер щеголяла нарядами.

На сей раз атмосфера была не такой веселой, как обычно. Указ Рамсеса Великого привел в смятение правящую элиту. Одни подозревали других, что те располагают какими-то секретными сведениями и не хотят ими делиться. Денес в сопровождении двух судовладельцев, чьи предприятия он собирался прибрать к рукам, перекупив их суда, вышел навстречу редкому гостю — химику Чечи. Большую часть времени ученый проводил в тайных царских подвалах и редко появлялся среди знати. Этот маленький, угрюмый и неприветливый человек слыл необычайно сведущим и скромным.

— Ваше присутствие для меня большая честь, дорогой друг!

Химик криво улыбнулся.

— Как ваши последние опыты? Разумеется, молчок и рот на замок, но об этом говорит весь город! Я слышал, вы получили необыкновенный сплав, который позволит нам ковать мечи и копья, способные выдержать любой удар.

Чечи в сомнении покачал головой.

— Ну ясное дело, военная тайна! Постарайтесь добиться успеха. При том, что нас ждет...

— Расскажите подробнее, — попросил один из гостей.

— Судя по указу фараона, впереди настоящая война! Рамсес хочет расправиться с хеттами и избавить нас от азиатских царьков, постоянно готовых взбунтоваться.

— Рамсес любит мир, — возразил капитан торгового судна.

— Одно дело — официальные речи, а другое — действия.

— Это настораживает.

— Ни в коей мере! Кого или чего может бояться Египет?

— Но ведь поговаривают, что царский указ свидетельствует об ослаблении власти.

Денес расхохотался.

— Рамсес был и останется самым великим! Не стоит раздувать целую историю из небольшого недоразумения.

— И все же следует проверить наши запасы провизии...

Тут вмешалась госпожа Нанефер:

— Ясно, в чем дело: готовятся новые налоги и реформа налогообложения.

— Нужно же оплачивать новое вооружение, — добавил Денес. — Вот Чечи, если бы захотел, мог бы нам его описать, и решение Рамсеса стало бы более понятным.

Все взгляды обратились к химику. Нанефер, превосходно усвоившая роль хозяйки дома, поспешила увлечь гостей к шатру, где подавали прохладительные напитки.

Верховный страж Монтумес взял Денеса под руку и отвел в сторону.

— Надеюсь, ваши проблемы с правосудием улажены?

— Пазаир не стал настаивать. Он благоразумнее, чем я предполагал. Конечно, он молод и честолобив, но разве это не похвально? Мы все через это прошли, прежде чем стать уважаемыми людьми.

Монтумес поморщился.

— Но его непримиримый нрав...

— Исправится со временем.

— А вы благожелательно настроены.

— Просто реально смотрю на вещи. Пазаир хороший судья.

— И неподкупный, по-вашему?

— Неподкупный, умный и уважающий тех, кто соблюдает закон. Благодаря таким людям процветает торговля и в стране царит мир. Что может быть лучше? Поверьте, дорогой друг, продвижению Пазаира стоит поспособствовать.

— Вы полагаете?

— При нем не будет никакого лихоимства.

— Да, это следует учесть.

— И все же вы в нерешительности?

— Его активность меня немного пугает. Похоже, он не особенно разбирается в тонкостях иерархии.

— Молодость и недостаток опыта. А что говорит старший судья царского портика?

— Он думает так же, как и вы.

— Ну вот видите!

Новости, полученные верховным стражем почтой из Фив, подтверждали точку зрения Денеса. Монтумес разволновался без всякой причины. Судья озабочен поставками древесины и честностью налогоплательщиков.

Может, не стоило раньше времени беспокоить визиря? Но ведь лишняя предосторожность никогда не помешает.

Долгие прогулки по сельским тропам в обществе Северного Ветра и Смелычака, знакомство с документами в конторах стражи, уточнение списка поставок древесины, обход селений, официальные переговоры с управителями и землевладельцами — так протекали дни судьи Пазаира в Фивах. Каждый из них непременно завершался заходом к Кани.

И всякий раз при виде согбенной спины садовника, всецело поглощенного своими грядками, Пазаир понимал, что ни Нефрет, ни пятого ветерана он пока не нашел.

Прошла неделя. Чиновники, подкупленные Монтумесом, одно за другим слали в Мемфис абсолютно бессодержательные донесения о деятельности судьи, Кему ничего не оставалось, кроме как патрулировать рынки и ловить воров. Еще немного, и придется возвращаться в Мемфис.

Пазаир пересек пальмовую рощу, прошел по тропе вдоль оросительного канала и спустился по лестнице, ведущей в сад Кани. Обычно, когда солнце начинало клониться к горизонту, он занимался лекарственными растениями, требующими особых забот и повышенного внимания. Спал он в хижине, но, прежде чем лечь, до поздней ночи поливал грядки.

Сад казался безлюдным.

Недоумевая, Пазаир обошел все вокруг, потом приоткрыл дверь хижины. Пусто. Он сел на каменную оградку и стал любоваться закатом. Взошла луна, и водная гладь засеребрилась в ее лучах. Время шло, и на душе у него с каждой минутой становилось все тревожнее. Что, если Кани обнаружил пятого ветерана, что, если за ним следили, что, если... Пазаир не мог себе простить, что втянул садовника в расследование, которое им не по силам. Если случится несчастье, он первый будет в этом виноват.

Посвежело, по телу пробежал озноб, но судья не двинулся с места. Он будет ждать до рассвета, пока не станет ясно, что Кани уже не придет никогда. Пазаир сжал зубы, все тело у него затекло и ныло; он все корил и корил себя за легкомыслие.

Реку пересекла лодка.

Судья вскочил и побежал к берегу.

— Кани!

Садовник причалил, привязал лодку к кольшку и стал медленно взбираться по склону.

— Почему вы так поздно?

— Вы дрожите?

— Я замерз.

— От весеннего ветра и заболеть недолго. Пойдемте в дом.

Садовник сел на пенек, прислонившись спиной к доскам, Пазаир — на сундук с инструментами.

— Вам удалось отыскать ветерана?

— Никаких следов.

— Вам грозила опасность?

— Ни разу. Я покупаю редкие растения то там, то тут, и всегда могу перемолвиться со старейшинами.

Пазаир задал вопрос, который с самого начала готов был сорваться у него с языка:

— А Нефрет?

— Я не видел ее, но узнал, где она живет.

***

Помещение, где Чечи проводил свои изыскания, занимало две большие комнаты в подвале казарменной пристройки. Отряд, который там размещался, состоял из воинов второго эшелона, использовавшихся только на земляных работах. Все думали, что химик работает во дворце, в то время как основные опыты он проводил в этом потайном подземелье. На первый взгляд никакой особой охраны; однако стоило кому-нибудь сделать шаг вниз по лестнице, ведущей в мастерскую, как его бесцеремонно останавливали и подвергали немилосердному допросу.

Чечи был принят на службу во дворец благодаря своим незаурядным познаниям в области прочности металлов. Будучи изначально специалистом по бронзе, он постоянно совершенствовал процесс обработки медного сырья, необходимого для изготовления резцов для каменотесов.

Успехи в работе и серьезное отношение к делу способствовали его постепенному возвышению; в тот день, когда он изготовил инструменты необычайной прочности для обработки блоков храма «миллионов лет» Рамсеса Великого^[38], строившегося на западном берегу Фив, его слава дошла до ушей самого фараона.

Чечи вызвал трех своих главных помощников — мужчин в летах и с большим опытом. Подземелье освещали светильники с некоптящими фитилями. Чечи аккуратно и неторопливо раскладывал свитки с последними расчетами.

Помощники в нерешительности переминались с ноги на ногу. Химик разговорчивостью не отличался, но его молчание не предвещало ничего хорошего. Обычно он не вызывал людей так внезапно и резко.

Маленький человечек стоял к собеседникам спиной.

— Кто проболтался?

Никто не ответил.

— Я не буду повторять свой вопрос.

— Он лишен всякого смысла.

— Один сановник на приеме рассуждал о сплавах и новом оружии.

— Этого не может быть! Вас обманули.

— Я при этом присутствовал. Кто проболтался?

И снова молчание.

— Я не могу вести исследования без твердой уверенности в сохранении тайны. Даже если распространившиеся сведения неполны, а значит, неточны, доверие к вам подорвано.

— Иными словами...

— Иными словами, вы уволены.

***

Нефрет выбрала самое бедное и самое удаленное селение в фиванском районе. Оно

располагалось на краю пустыни, плохо орошалось и насчитывало на удивление много жителей, страдавших от кожных заболеваний. Девушка отнюдь не была расстроена или подавлена; она радовалась, что вырвалась из когтей Небамона, хотя за свободу и пришлось заплатить многообещающей карьерой. Она будет лечить бедняков доступными ей средствами и вести уединенный образ жизни в сельской местности. Когда какое-нибудь санитарное судно пойдет вниз по реке, она съездит в Мемфис повидать своего учителя Беранира. А он достаточно хорошо ее знает, чтобы не пытаться переубедить.

Уже на второй день по приезде Нефрет вылечила самого важного человека в селении — специалиста по откорму гусей, страдавшего от сердечной аритмии. Длительный массаж грудной клетки и спины вернул ему здоровье. Он сидел на полу рядом с низким столиком, где лежали смоченные в воде мучные шарики, и держал за шею гуся. Птица вырывалась, но он ее не выпускал и аккуратно запихивал катышки ей в глотку, приговаривая ласковые успокаивающие слова. Перекормленный гусь отходил, шатаясь, как пьяный. Откорм журавлей требовал большей сосредоточенности, так как эти птицы норовили стянуть шарики. Его паштет из печени откормленных птиц считался одним из лучших во всей округе.

В результате этого первого исцеления, признанного чудом, Нефрет стала героиней селения. Крестьяне пришли к ней за советом, как бороться с вредителями, угрожающими полям и огородам, а именно кузнечиками и саранчой, но девушка предпочла бороться с другим бедствием, в котором видела причину кожной инфекции у детей и взрослых, — мухами и комарами. Их развелось так много из-за того, что в селении был пруд со стоячей водой, который уже три года никто не чистил. Нефрет велела его осушить, посоветовала всем жителям вычистить жилища и обработала укусы жиром иволги и свежими мазями.

Вот только один старик со слабым сердцем вызывал у нее тревогу; если ему станет хуже, придется отправить его в больницу в Фивы. Необходимость в этом отпала бы, будь у нее в распоряжении кое-какие редкие растения. Она как раз сидела у его изголовья, когда прибежал мальчишка и рассказал, что пришел какой-то незнакомец и спрашивается о ней.

Даже здесь Небамон не дает ей покоя! В чем еще он ее обвиняет, чего еще собирается лишить? Придется скрываться. Сельчане ее не выдадут, и посланцу старшего лекаря придется убратъся восвояси.

***

Пазаир чувствовал, что ему говорят неправду; собеседники явно знали имя Нефрет, хоть и молчали. Предоставленное само себе, маленькое селенье с домами, открытыми всем ветрам пустыни, боялось вторжения извне; двери перед ним закрывались одна за другой.

Раздосадованный, он уже было собрался уходить, как вдруг увидел женскую фигурку, направлявшуюся к каменистым холмам.

— Нефрет!

Она в изумлении обернулась, узнала Пазаира и пошла ему навстречу.

— Судья Пазаир... что вы здесь делаете?

— Я хотел с вами поговорить.

Солнце играло в ее глазах. Кожа потемнела от постоянного пребывания на воздухе. Пазаиру хотелось излить ей свои чувства, рассказать, что творится в душе, но никак не удавалось выдать из себя первое слово признания,

— Пойдемте на вершину холма.

Он пошел бы за ней на край земли, на дно морское, в самую глубь преисподней. Идти бок о бок, сидеть совсем рядом, слышать ее голос — это были упоительные моменты настоящего счастья.

— Беранир мне все рассказал. Вы не хотите подать жалобу на Небамона?

— Бесполезно. Многие врачи обязаны ему своим положением и будут свидетельствовать против меня.

— Я обвиню их в лжесвидетельстве.

— Их слишком много, да и Небамон не позволит вам действовать.

Несмотря на теплую весеннюю погоду, Пазаира знобило. Он не удержался и чихнул.

— Вы простудились?

— Я провел ночь на улице, ждал, когда вернется Кани.

— Садовник?

— Это он вас нашел. Он живет в Фивах и возделывает собственный сад. Это шанс для вас, Нефрет: он выращивает лекарственные растения, в том числе и самые редкие!

— Делать снадобья, здесь?

— Почему нет? Ваши познания в фармакологии дают вам на это право. Вы сможете лечить тяжелобольных, и репутация ваша будет восстановлена.

— Не хочется мне затевать эту борьбу. Мне вполне достаточно моего нынешнего положения.

— Не губите свой талант. Сделайте это ради больных.

Пазаир снова чихнул.

— Вас, кстати, это касается в первую очередь. Трактаты утверждают, что насморк разрушает кости, проникает в череп и разъедает мозг. Я обязана предотвратить эту катастрофу.

Ее улыбка, такая добрая, что просто не оставалось места иронии, привела Пазаира в восхищение.

— Так вы примете помощь Кани?

— Он упрям. Если он принял решение, как я могу противиться? Ладно, займемся неотложным случаем: насморк — серьезное заболевание. Закапайте в нос пальмовый сок, а если не пройдет — женское молоко и душистую камедь.

Насморк не прошел и даже усилился. Нефрет привела судью в свое скромное жилище в самом центре селения. Поскольку появился еще и кашель, она решила применить реальгар — природный сернистый мышьяк, называемый в народе средством, «от которого расцветает сердце».

— Попытаемся пресечь развитие болезни. Сядьте на циновку и не шевелитесь.

Она давала указания, не повышая голоса, и голос был столь же мягок, как ее взгляд. Судья надеялся, что последствия простуды затянутся и он сможет долго-долго сидеть в этой скромной комнатке.

Нефрет смешала реальгар, смолу, листья дезинфицирующих растений, растерла все до пастообразного состояния и подогрела. Потом выложила массу на камень, пододвинула к судье и накрыла перевернутым горшком с отверстием в днище.

— Возьмите этот тростниковый стебель, — сказала она пациенту, — вставьте в отверстие и вдыхайте то ртом, то носом. Ингаляция вам поможет.

Даже если и не поможет, Пазаир ничего не имел против. Однако лечение оказалось

эффективным. Носоглотка прочистилась, дышать стало легче.

— Озноба больше нет?

— Только усталость.

— Несколько дней советую вам побольше есть и желательно жирную пищу: мясо с кровью и растительное масло к любому блюду. И отдохнуть бы немного не помешало.

— Вот это мне вряд ли удастся.

— Что привело вас в Фивы?

Ему захотелось крикнуть: «Вы, Нефрет, только вы одна!», — но слова застряли в горле. Он был уверен, что от нее не ускользнула его страсть, и ждал, что она, быть может, даст повод ее высказать, однако не желал смущать безмятежное спокойствие девушки, боясь, как бы она не осудила его безумие.

— Возможно, убийство или несколько убийств.

Он почувствовал, как она разволновалась из-за трагедии, не имевшей к ней никакого отношения. Имел ли он право впутывать ее в дело, суть которого не ясна ему самому?

— Я вам полностью доверяю, Нефрет, но не хочу докучать своими заботами.

— Вы ведь обязаны молчать?

— До тех пор, пока не приду к определенному выводу.

— Убийства... это и есть ваш вывод?

— Мое глубокое убеждение.

— Сколько лет уже не совершалось ни одного убийства!

— Пять воинов-ветеранов, составлявшие почетную стражу сфинкса, погибли, упав с головы статуи в ходе проверки ее состояния. Несчастный случай — такова официальная версия армейских властей. Между тем один из них скрывался в селении на западном берегу и работал там пекарем. Я собирался допросить его, но ко времени моего прихода он был действительно мертв. Еще один несчастный случай. Верховный страж организовал за мной слежку, словно я виноват в том, что веду расследование. Плохо мое дело, Нефрет. Забудьте о том, что я вам наговорил.

— Вы хотите отступить?

— Я всей душой люблю истину и справедливость. Отступив, я погубил бы себя.

— Чем я могу вам помочь?

В глазах Пазаира блеснула лихорадка иного рода.

— Если бы мы могли беседовать время от времени, это придало бы мне мужества.

— Простуда может дать осложнения, которые нельзя пускать на самотек. Вам наверняка потребуются консультации.

Ночь в гостинице оказалась столь же веселой, сколь изнурительной. Куски жареной говядины, баклажаны со сливками, пирожки в изобилии и восхитительная сорокалетняя ливийка, бежавшая из своей страны, чтобы развлекать египетских солдат. Колесничий не обманул: одного мужчины ей было мало. Уж на что непревзойденным любовником считал себя Сути, но даже ему пришлось спустить флаг и передать эстафету своему начальнику. Страстная, жизнерадостная ливийка принимала самые немыслимые позы.

Когда колесница снова пустилась в путь, у Сути слипались глаза.

— Надо уметь обходиться без сна, мой мальчик! Не забывай, враг атакует, когда ты устал. Да, отличная новость: мы в авангарде авангарда! Первые удары — наши. Если ты собирався стать героем, у тебя есть для этого все возможности.

Сути прижал лук к груди.

Колесница помчалась вдоль Царских стен^[39], грозной цепи крепостей, построенных владыками Среднего царства и постоянно укреплявшихся их преемниками. Эта поистине грандиозная стена, отдельные цитадели которой связывались между собой с помощью костров, была способна предотвратить любые попытки вторжения со стороны бедуинов и азиатов. В Царских стенах, протянувшихся от побережья Средиземного моря до самого Гелиополя, размещались и постоянные гарнизоны, и войска, охранявшие границы, и таможенные службы. Никто не мог ни войти в Египет, ни выйти из него, не назвав здесь своего имени и цели путешествия; торговцы уточняли, какой именно товар они везут, и платили пошлину. Стража отказывала во въезде в страну нежеланным чужестранцам и выдавала пропуск лишь после внимательного изучения документов, должным образом засвидетельствованных столичным чиновником, занимающимся переселенцами. Ибо стела фараона гласила: «Каждый, пересекший эту границу, становится одним из моих сыновей».

Колесничий предъявил документы коменданту одной из крепостей с двускатными шестиметровыми стенами, окруженными рвом. На стенах — лучники, на башнях — часовые.

— Они даже не подумали выставить стражу, — заметил он. — Явно надеются отсидеться.

Десять вооруженных воинов окружили колесницу.

— Вылезайте! — скомандовал начальник поста.

— Вы что, шутите?

— У вас документы не в порядке.

Колесничий сжал поводья, готовый пустить лошадей в галоп. На него нацелились копья и стрелы.

— Немедленно вылезайте!

Колесничий повернулся к Сути.

— Что ты об этом думаешь, малыш?

— У нас впереди битвы получше.

Они сошли на землю.

— Не хватает печати первого форта Царских стен, — объяснил начальник поста. — Разворачивайтесь!

— Мы опаздываем.

— Устав есть устав.

— А мы можем где-нибудь поговорить?

— У меня в конторе, только ни на что не надейтесь.

Разговор был недолгим. Колесничий выбежал из административного помещения, схватил поводья и пустил колесницу во весь опор по дороге, ведущей в Азию.

Колеса скрипели, поднимая облака пыли.

— К чему такая спешка? Ведь теперь документы в порядке.

— Более или менее. Я ударил сильно, но этот идиот может очухаться раньше, чем предусмотрено. У таких упрямцев голова обычно крепкая. Я сам привел документы в порядок. В армии, малыш, надо быть готовым к экспромтам.

Первые дни пути прошли мирно. Долгие переезды, забота о лошадях, проверка снаряжения, ночи под открытым небом, пополнение запасов провизии в селениях, где колесничий связывался с армейскими гонцами или представителями секретных служб, призванных удостовериться, что ничто не мешает продвижению основных сил.

Ветер поменял направление и начал пробирать насквозь.

— Весной в Азии часто бывает холодно, надень плащ.

— Кажется, вы взволнованы.

— Опасность приближается. Я ее чую, как собака. Как у нас с едой?

— Лепешки, мясные шарики, лук и вода на три дня.

— Должно хватить.

Колесница въехала в обезлюдевшее селение; на главной площади — ни души. У Сути подвело желудок.

— Не паникуй, малыш. Может, они все на поле.

Колесница медленно продвигалась вперед. Колесничий схватил копье и зорко смотрел по сторонам. Он остановился у казенной постройки, где жил египетский комендант со своим переводчиком. Пусто.

— Армейское начальство рапорта не получит. Узнает лишь, что произошло нечто серьезное. Типичный мятеж.

— Останемся здесь?

— Я предпочитаю двигаться вперед. А ты?

— Я не уверен...

— В чем дело, малыш?

— Где сейчас полководец Ашер?

— Кто тебе о нем рассказал?

— Его имя в Мемфисе известно всем. Я хотел бы служить под его началом.

— А тебе и впрямь везет. К нему-то мы и должны присоединиться.

— Это он опустошил селение?

— Конечно же, нет.

— А кто?

— Бедуины^[40]. Самые подлые, самые упрямые и самые хитрые существа на свете. Набеги, грабежи, захват пленников — вот их стратегия. Если нам не удастся их истребить, они заполонят всю Азию, полуостров между Египтом и Красным морем и прилегающие провинции. Они готовы присоединиться к любому захватчику, они презирают женщин так же сильно, как любим их мы, они плюют на богов и красоту. Я ничего не боюсь, но эти дикари, с их обкромсанными бородами, намотанными на голову тряпками и длинными одеждами, внушают мне страх. Запомни, малыш, они трусы. Они нападают сзади.

— Они что, перебили здесь всех жителей?

— Вероятно.

— Выходит, полководец Ашер отрезан от основного войска?

— Возможно.

Длинные черные волосы Сути развевались по ветру. Несмотря на широкие плечи и мощный торс, молодой человек чувствовал себя слабым и уязвимым.

— Между Ашером и нами — бедуины. Сколько их?

— Десять, сто, тысяча...

— Десять — терпимо. Сто — многовато.

— Тысяча, малыш, в самый раз для истинного героя. Ты ведь меня не бросишь?

Колесничий снова погнал лошадей. Они неслись галопом до начала оврага с отвесными склонами. Густые заросли кустарника, облепившего скалы, оставляли здесь узкий проход.

Кони заржали и встали на дыбы; колесничий принялся их успокаивать.

— Они чуют ловушку.

— Я тоже, малыш. Бедуины притаились в кустах. Они попытаются перебить ноги лошадям топорами, а когда мы упадем, нам перережут глотку и отрежут яйца.

— По-моему, слишком высокая плата за героизм.

— Благодаря тебе мы почти ничем не рискуем. По стреле в каждый куст, и — во весь опор! Прорвемся.

— Вы так уверены в себе?

— А ты сомневался? Думать — вредно.

Колесничий натянул поводья. Лошади нехотя поскакали через овраг. Сути даже не успел испугаться. Он пускал стрелу за стрелой. Первые две пропали в кустах, где никого не было, третья угодила в глаз бедуину, с воем выскочившему из укрытия.

— Продолжай, малыш!

У Сути волосы на голове встали дыбом, кровь застыла в жилах; он стрелял в каждый куст, поворачиваясь то вправо, то влево с такой скоростью, какой сам от себя не ожидал. Бедуины падали, пораженные кто в живот, кто в грудь, кто в голову.

Камни и колючие заросли преграждали выход из оврага.

— Держись, малыш, будем прыгать!

Сути перестал стрелять и вцепился в борт колесницы. Двое врагов, которых он не успел сразить, метнули в египтян топоры.

На полном ходу обе лошади перепрыгнули через преграду в самом низком месте. Шипы разодрали им ноги, спицы правого колеса полопались о камень, другой камень повредил правый бок колесницы. Мгновение — и экипаж зашатался; но кони последним рывком перетаскили его через препятствие.

Несколько сот метров колесница пронеслась, не сбавляя ходу. Оглушенный Сути мотался из стороны в сторону, прижимая к себе лук и с трудом сохраняя равновесие. У подножия холма измученные, покрытые потом и пеной кони неожиданно встали.

— Господин офицер!

Колесничий рухнул на поводья. Между лопаток у него торчал топор. Сути попытался его поднять.

— Запомни, малыш... трусы всегда нападают сзади...

— Не умирайте, господин офицер!

— Теперь ты один будешь героем...

Глаза его закатились, дыхание оборвалось.

Сути долго прижимал к себе тело. Никогда больше колесничий не пошевелится, не приободрит его, не попытается совершить невозможное. Он один во враждебной стране — герой, о чьей доблести знает только мертвец.

Сути похоронил колесничего и постарался как следует запомнить место. Если он выживет, то обязательно вернется и отвезет тело в Египет. Ибо ничего нет страшнее для человека, рожденного в Двух Землях, чем быть погребенным вдали от своей страны.

Вернуться назад значило снова попасть в ловушку, продвижение вперед было чревато столкновением с новыми противниками. И все же он склонился ко второму решению, надеясь быстро добраться до воинов полководца Ашера, если, конечно, их еще не перебили.

Лошадей удалось заставить продолжить путь. Если впереди их ждала новая западня, Сути не сможет одновременно управлять колесницей и стрелять из лука. С комком в горле он поехал по каменистой дороге, которая привела его к полуразвалившейся лачуге. Молодой человек спрыгнул на землю и обнажил меч. Из допотопной трубы шел дым.

— Эй, кто тут есть, выходите!

На пороге появилась молодая дикарка в лохмотьях, с немытыми волосами. В руках она держала огромный нож.

— Успокойся и брось свой нож.

Она была такой хрупкой, совсем не способной сопротивляться. Сути счел осторожность излишней. Но едва он подошел ближе, она кинулась на него и попыталась вонзить лезвие прямо в сердце. Он увернулся, но ощутил жгучую боль в левой руке. Девушка в исступлении нанесла новый удар. Ударом ноги он обезоружил ее, потом бросил на землю. По руке у него текла кровь.

— Успокойся, а то я тебя свяжу.

Она отбивалась с бешеной силой. Он перевернул ее на живот и оглушил ударом в затылок. Решительно, с тех пор, как он стал героем, его отношения с женщинами складывались не лучшим образом. Он отнес ее в хижину с земляным полом. Убогие, грязные стены, жалкая обстановка, закопченный очаг. Сути положил свою жертву на дырявую циновку и связал ей руки и ноги веревкой.

Внезапно на него навалилась неимоверная усталость. Он сел спиной к очагу, вжав голову в плечи, и задрожал всем телом. Из него выходил страх.

Грязь вызывала у него отвращение. Он нашел за домом колодец, промыл свою неглубокую рану и вычистил единственную комнату.

— Тебя бы тоже следовало отмыть.

Он плеснул на девушку воды, она очнулась и заорала. Новый ушат воды заглушил крики. Когда он стал снимать с нее грязную одежду, она завертелась, как змея.

— Да не собираюсь я тебя насиловать, дуреха!

Догадалась ли она о его намерениях? Во всяком случае, она смирилась. Она стояла посреди комнаты голая и, казалось, радовалась омовению. Когда он стал ее вытирать, на лице у нее промелькнуло подобие улыбки. Его удивило, как светлы были ее волосы.

— А ты хорошенькая. Тебя уже кто-нибудь целовал?

По тому, как приоткрылись ее губы и зашевелился язык, Сути понял, что он не первый.

— Если пообещаешь хорошо себя вести, я тебя развяжу.

Глаза смотрели умоляюще. Он снял веревку с ног, погладил икры, бедра и прижался губами к золотистым волосам на лобке. Она напряглась, словно лук, и обвила его

Сути проспал без сновидений десять часов сряду. Дала о себе знать рана, он вскочил и вышел из лачуги.

Она украла все его оружие и перерезала поводья колесницы. Кони убежали.

Ни лука, ни ножа, ни меча, ни сапог, ни плаща. Бесполезная колесница увязала в грязи под дождем, зарядившим с самого утра. Герою, превратившемуся в простофилю, одураченному дикой девчонкой, ничего не оставалось, как пешком брести к северу.

В бешенстве он расколошматил колесницу камнями, чтобы она не досталась врагу. В одной набедренной повязке, экипированный, как самый настоящий олух, Сути поплелся вперед под проливным дождем. В его сумке лежали черствый хлеб, обломок дышла с иероглифической надписью, хранившей имя колесничего, кувшины со свежей водой и дырявая циновка.

Он преодолел перевал, пересек сосновый лес, спустился по склону, круто обрывавшемуся в озеро, и пошел по берегу.

Горы становились все более недружелюбными. После ночевки под скалистым уступом, защищавшим от восточного ветра, он взобрался вверх по скользкой тропинке и оказался в пустынной, засушливой местности. Запасы провизии быстро иссякли. Ему все сильнее хотелось пить.

Когда Сути утолял жажду, зачерпнув немного солоноватой воды из неприглядной лужицы, в кустах послышался хруст ломающихся веток. Несколько человек шли прямо на него. Он отполз и спрятался за стволом гигантской сосны.

Пятеро мужчин толкали перед собой пленника со связанными за спиной руками. Их малорослый предводитель схватил его за волосы и заставил встать на колени. Сути находился слишком далеко, чтобы слышать, что они говорят, но вскоре тишину гор рассекли крики избиваемого.

Один против пятерых, безоружный... молодой человек не имел ни малейшего шанса спасти несчастного.

Мучитель осыпал пленника ударами, допрашивал, снова бил, потом приказал приспешникам оттащить его к пещере. Еще один, последний вопрос, и он перерезал ему горло.

После ухода злодеев Сути больше часа просидел в неподвижности. Он думал о Пазаире, о его любви к справедливости, к идеалу. Как бы он поступил, столкнувшись с таким варварством? Он и не знал, что так близко от Египта существует мир без законов, где жизнь человека ничего не стоит.

Он заставил себя спуститься к пещере. Ноги у него подкашивались, в ушах все еще раздавались крики умирающего. Несчастный уже испустил дух. Судя по внешности и набедренной повязке, это был египтянин, наверное, воин из отряда Ашера, попавший в руки мятежников. Сути голыми руками вырыл ему могилу внутри пещеры.

Потрясенный, изможденный, он продолжил путь, всецело положившись на судьбу.

Попадись ему враг, у него не будет сил отбиваться.

Когда два воина в шлемах окликнули его, он просто рухнул на мокрую землю.

***

Палатка.

Кровать, подушка под головой, одеяло.

Сути приподнялся. Острие ножа заставило его лечь обратно.

— Кто ты?

Вопрос был задан египетским офицером с резкими чертами лица.

— Сути, лучник конного отряда.

— Откуда ты?

Он поведал о своих подвигах.

— Можешь ли ты доказать то, что сказал?

— У меня в сумке — обломок дышла с именем моего колесничего.

— Что с ним стало?

— Его убили бедуины, я его похоронил.

— А сам убежал?

— Нет, конечно! Я их человек пятнадцать своими стрелами уложил.

— Когда ты завербовался?

— В начале месяца.

— Двух недель не прошло, а ты уже первоклассный лучник!

— Я способный.

— Я верю только в долгие тренировки. А не сказать ли тебе правду?

Сути отбросил одеяло.

— Это и есть правда.

— А что, если ты прикончил колесничего?

— Бред какой!

— Вот посидишь подольше в подземелье, мозги на место встанут.

Сути рванулся к выходу. Двое солдат схватили его за руки, третий ударил в живот и оглушил ударом по голове.

— Мы правильно сделали, что вылечили этого лазутчика. Он нам много чего расскажет.

Сидя за столом одной из самых людных харчевен Фив, Пазаир завел разговор о Хаттусе, дипломатической супруге Рамсеса Великого. Когда был заключен мир с хеттами, фараон получил в залог чистосердечных отношений одну из дочерей азиатского властителя. Она возглавила фиванский гарем и жила там в неге и роскоши.

Невидимая, недосыгаемая, Хаттуса не снискала любви египтян. Чего только про нее не говорили: и черной магией она занимается, и с ночными демонами якшается, и на больших праздниках появляться не желает.

- Из-за нее, — сказала хозяйка харчевни, — цены на притирания выросли вдвое.
- А она-то чем виновата?
- Женщины из ее окружения — а их становится все больше и больше — целыми днями только и делают, что красятся. Гарем расходует невероятное количество самых лучших притираний, покупает их за немалые деньги, и цены соответственно растут. И с маслом то же самое. Избавиться бы поскорее от этой чужеземки!

Никто не встал на защиту Хаттусы.

***

Помещения гарема на восточном берегу утопали в буйной растительности. Сюда был подведен канал. Вода изобильно орошала многочисленные сады, отведенные для придворных дам, вдов и знатных пожилых особ, огромный фруктовый сад и цветочный парк, где отдыхали пряхи и ткачихи. Как и в других египетских гаремах, здесь размещались многочисленные мастерские, школы танцев, музыки и стихосложения, участки для выращивания душистых трав и центр производства косметических средств; мастера обрабатывали дерево и слоновую кость, изготавливали разноцветную эмаль, шили великолепные льняные платья и составляли изощренные цветочные композиции. Бурная деятельность гарема включала в себя и воспитание молодежи: египтян и чужестранцев готовили здесь для высших административных должностей. Помимо элегантных дам, блиставших самыми невероятными драгоценностями, здесь встречались ремесленники, учителя и чиновники, следившие за бесперебойным снабжением знатных особ свежими продуктами.

Рано утром судья Пазаир подошел к центральному дворцу гарема. Должность позволила ему беспрепятственно пройти мимо стражи и встретиться с придворным распорядителем Хаттусы. Тот принял прошение судьи и отнес своей госпоже, которая, к великому удивлению чиновника, его не отвергла.

Судью провели в зал с четырьмя колоннами и стенами, расписанными изображениями птиц и цветов. Пол был выложен разноцветной плиткой, что делало общую атмосферу еще более привлекательной и уютной. Вокруг Хаттусы, восседавшей на троне из позолоченного дерева, суеились две прислужницы. Они колдовали над баночками и ложечками с румянами и тенями, коробочками с благовониями, а завершала утренний туалет самая

ответственная процедура — надевание парика, который подгоняла искуснейшая мастерица, заменяя поврежденные локоны и выправляя новые пряди.

Блистательная и горделивая, тридцатилетняя хеттская царица любовалась собой в зеркале с позолоченной ручкой в форме стебля лотоса.

— Судья — у меня в столь ранний час! Очень любопытно узнать, что заставило вас прийти сюда?

— Госпожа, я прошу позволения задать вам несколько вопросов.

Она отложила зеркало и отослала прислужниц.

— Вы хотите поговорить с глазу на глаз?

— Да.

— Наконец-то хоть какое-то развлечение! В этом дворце так скучно.

Очень светлая кожа, длинные и тонкие пальцы, черные глаза — Хаттуса одновременно притягивала к себе и приводила в смятение. Язвительная, своенравная, стремительная, она нимало не щадила собеседников и клеймила их слабости, будь то косноязычие, неловкость в движениях или физические недостатки.

Она внимательно разглядывала Пазаира.

— Вы не самый красивый мужчина Египта, но женщина может влюбиться в вас и хранить вам верность. Вы нетерпеливы, страстны, одержимы идеалом — прямо целый набор пороков. А уж серьезен-то как, можно даже сказать, степенен — так и молодость сгубить недолго!

— Вы позволите допросить вас?

— Дерзкий ход! Вы сознаете, сколь нагло себя ведете? Я — супруга великого Рамсеса и могу в любой момент сместить вас с должности.

— Вы прекрасно знаете, что не можете. Я буду защищаться перед судом, а вас призовут к ответу за превышение власти.

— Странная страна Египет. Люди здесь не только верят в правосудие, но еще и уважают законы и следят за их исполнением. Такое чудо долго длиться не может,

Хаттуса снова взяла зеркало и принялась разглядывать один из завитков на своем парике.

— Если ваши вопросы меня позабавят, я на них отвечу.

— Скажите, кто поставляет вам свежий хлеб?

Хеттиянка вытаращила глаза от изумления.

— Вас интересует мой хлеб?

— Точнее, пекарь с западного берега, который хотел на вас работать.

— Все хотят на меня работать! Моя щедрость известна.

— Однако народ вас недолюбливает.

— Это взаимно. Народ глуп здесь, как и всюду. Я чужестранка и горжусь этим. Десятки слуг ползают у моих ног, потому что царь поставил меня во главе этого гарема, самого роскошного в Египте.

— Так что же пекарь?

— Поговорите с моим управляющим, он вам все расскажет. Если пекарь поставлял хлеб, вы об этом узнаете. А что, это так важно?

— Вам известно о трагедии, произошедшей возле сфинкса в Гизе?

— Что у вас на уме, судья Пазаир?

— Ничего особенного.

— Эта игра наскучила мне, как праздники и придворные! Я хочу лишь одного: вернуться домой. Было бы забавно, если бы хеттское войско разбило ваши отряды и захватило Египет. В самом деле, достойный ответ! Но боюсь, я умру здесь, супругой самого могущественного из царей, владыки, которого я видела всего один раз в день нашей свадьбы, заключенной ради мира и счастья наших народов. А о моем счастье кто-нибудь подумал?

— Спасибо за помощь, царевна.

— Разговор завершаю я, а не вы!

— Я не желал вас оскорбить.

— Уходите.

Управляющий Хаттусы уточнил, что заказывал хлеб превосходному пекарю с западного берега, но ничего так и не было доставлено.

Пазаир в недоумении вышел из гарема. По обыкновению он попытался проверить незначительную улику, у него и в мыслях не было, что это может вызвать раздражение у одной из самых знатных дам царства.

А что, если она прямо или косвенно замешана в заговоре? Еще один вопрос без ответа.

***

Помощник градоначальника Мемфиса с опаской открыл рот.

— Расслабьтесь, — посоветовал Кадаш.

Лекарь не стал скрывать правду: зуб придется удалить. Несмотря на все старания спасти его не удалось.

— Откройте рот пошире.

Конечно, рука Кадаша была уже не так тверда, как прежде, но сноровки ей хватит еще надолго. После местного обезболивания он приступил к первому этапу удаления и ухватил зуб щипцами.

Одно неверное движение — рука дрогнула, и он поранил десну. В раздражении он продолжил операцию, но занервничал, и из-за этого все пошло не так: пока он сражался с корнями, началось кровотечение. Он поспешно схватил трут, поместил его заостренный конец в лунку, сделанную в деревянном бруске, и стал быстро вращать его при помощи лучкового инструмента, пока не появилась искра. Как только пламя разгорелось, он нагрел ланцет и прижег рану пациента.

Помощник градоначальника вышел с болезненно распухшей челюстью и не счел нужным поблагодарить зубного лекаря. Кадаш потерял важного клиента, который теперь будет поносить его направо и налево.

Лекарь оказался на распутье. Он не хотел ни стареть, ни расставаться со своим ремеслом. Конечно, можно почерпнуть новые силы и недолгий приток энергии в ливийской экстатической пляске, но этого уже недостаточно. Решение, казалось, было совсем рядом, и все же до него не добраться! Кадашу следует прибегнуть к новому средству, усовершенствовать свою технику, доказать, что ему по-прежнему нет равных.

Другой металл — вот что ему нужно.

***

Паром отплывал.

В последний момент Пазаир успел запрыгнуть на борт плоскодонного судна, где вперемешку толпились люди и животные.

Паром постоянно курсировал между нильскими берегами. Хотя путь был недолог, люди успевали обмениваться новостями, а иной раз даже заключить сделку. Какой-то бык, желая развернуться, толкнул судью, и тот налетел на женщину, стоявшую к нему спиной.

— Извините.

Она не ответила и закрыла лицо руками. Пазаир, удивившись, пригляделся получше.

— А вы случайно не госпожа Сабабу?

— Оставьте меня в покое.

Темное платье, коричневая шаль на плечах, небрежная прическа — Сабабу походила на нищенку.

— Разве нам не надо кое в чем признаться друг другу?

— Я вас не знаю.

— Вспомните моего друга Сути. Он уговорил вас не клеветать на меня.

В отчаянии она перегнулась через борт, вглядываясь в быстрое речное течение. Пазаир удержал ее за руку.

— Нил в этом месте опасен. Вы могли бы утонуть.

— Я не умею плавать.

Мальчишки спрыгнули на берег, едва паром причалил. За ними последовали ослы, быки и крестьяне. Пазаир и Сабабу сошли последними. Он не отпускал проститутку.

— Ну что вы ко мне пристали? Я простая служанка, я...

— Ваши попытки оправдаться смешны. Разве вы не говорили Сути, что я один из ваших постоянных клиентов?

— Я не понимаю, о чем вы.

— Я судья Пазаир, постарайтесь вспомнить.

Она попыталась бежать, но пальцы не разжались.

— Будьте благоразумны.

— Я вас боюсь!

— Вы пытались меня опорочить.

Она ратрыдалась. Он смутился и отпустил ее. Даже если она враг, такое отчаяние не могло его не тронуть.

— Кто велел вам оклеветать меня?

— Не знаю.

— Вы лжете.

— Меня попросил какой-то мелкий чиновник.

— Стражник?

— Откуда я знаю? Я не задаю вопросов.

— А как вам платят?

— Оставляют в покое.

— Почему вы мне помогаете?

На ее лице промелькнула грустная улыбка.

— Воспоминания о счастливых днях... Отец был сельским судьей, я его обожала. Когда он умер, я возненавидела свое селение и перебралась в Мемфис. Потом начались разные встречи, одна сомнительнее другой, и довольно скоро я стала шлюхой. Шлюхой богатой и уважаемой. Мне платят за конфиденциальные сведения об известных завсегдатаях моего

пивного дома.

— Монтумес, да?

— Выводы делайте сами. Но мне ни разу не приходилось очернять судью. Из почтения к памяти отца я вас пощадила. Если вы в опасности, тем хуже для вас.

— А вы не боитесь, что вам это даром не пройдет?

— Я много чего помню — это послужит мне защитой.

— А что, если вашему заказчику смешна такая угроза?

Она потупилась.

— Поэтому я уехала из Мемфиса и решила скрыться здесь. Из-за вас я потеряла все.

— А полководец Ашер приходил к вам?

— Нет.

— Истина обнаружится, обещаю.

— Я больше не верю обещаниям.

— А вы поверьте.

— Почему вас хотят уничтожить, судья Пазаир?

— Я расследую несчастный случай, произошедший в Гизе. Официально признано, что в нем погибли пять воинов-ветеранов из почетной стражи сфинкса.

— Об этом не было никаких слухов.

Попытка судьи не удалась. Либо она ничего не знала, либо решила молчать.

Вдруг она вскрикнула от боли и схватилась правой рукой за левое плечо.

— Что у вас болит?

— Острый ревматизм. Иногда я рукой пошевелить не могу.

Пазаир недолго колебался. Она помогла ему, он не мог ее бросить.

***

Когда Пазаир привел Сабабу к Нефрет, девушка обрабатывала рану осленку, повредившему ногу. Проститутка обещала судье не раскрывать, кто она такая.

— Я встретил эту женщину на пароме. У нее болит плечо, вы не могли бы ей помочь?

Нефрет тщательно вымыла руки.

— Давно болит?

— Больше пяти лет, — с вызовом ответила Сабабу. — А вы знаете, кто я?

— Пациентка, которую я попытаюсь вылечить.

— Я Сабабу, проститутка и хозяйка пивного дома.

Пазаир побелел.

— Частые половые сношения и общение с партнерами, не слишком следящими за соблюдением гигиены, возможно, и есть причина вашей болезни.

— Осмотрите меня.

Сабабу сняла платье и осталась совершенно обнаженной.

И что было делать Пазаиру — закрыть глаза, отвернуться или провалиться сквозь землю? Такого оскорбления Нефрет никогда ему не простит. Вот так открытие: он — клиент веселой девицы! Его оправдания будут столь же смешны, сколь бесполезны.

Нефрет прощупала плечо, проследила указательным пальцем направление нервных окончаний, нашла чувствительные точки и проверила изгиб лопатки.

— Это серьезно, — заключила она. — Ревматизм уже на деформирующей стадии. Если

не будете лечиться, вам грозит паралич.

Сабабу разом утратила всю спесь.

— Что... что вы мне посоветуете?

— Прежде всего прекратите пить, затем каждый день принимайте настой коры ивы и, наконец, ежедневно делайте примочки с бальзамом из натрона, белого масла, смолы терпентина, ладана, меда и жира гиппопотама, крокодила, сома и кефали. Это дорогие вещества, у меня их нет. Вам придется обратиться к какому-нибудь лекарю в Фивах.

Сабабу оделась.

— И не тяните, — посоветовала Нефрет, — мне кажется, болезнь быстро прогрессирует.

Совершенно убитый, Пазаир проводил проститутку до выхода из селения.

— Я свободна?

— Вы не сдержали слова.

— Вас это удивит, но иногда я терпеть не могу врать. От такой женщины, как она, невозможно что-то утаить.

Пазаир сел в пыль на обочину дороги. Наивность довела его до катастрофы. Самым неожиданным образом Сабабу все-таки выполнила свою задачу. Судья чувствовал себя совершенно разбитым. Он, неподкупный судья, оказался в глазах Нефрет сообщником проститутки, лицемером и развратником!

Добрая Сабабу, преисполненная почтения к судьям и памяти отца, эта самая Сабабу, не колеблясь, предала его при первой же возможности. Завтра же она продаст его Монтумесу, если еще не сделала этого.

Легенда гласит, что Осирис оказывает снисхождение утопленникам, когда они предстают перед судом загробного мира. Считается, что воды Нила очищают. Любовь потеряна, имя поругано, идеал попран... Ему захотелось покончить с собой.

Рука Нефрет легла ему на плечо.

— Ваш насморк прошел?

Он не осмелился пошевелиться.

— Простите.

— О чем вы?

— Эта женщина... Клянусь, я...

— Вы привели ко мне больную, надеюсь, она незамедлительно начнет лечиться.

— Она пыталась погубить мою репутацию, но утверждает, что передумала.

— Великодушная проститутка?

— Я так полагал.

— Кто же вас за это осудит?

— Я был у Сабабу вместе со своим другом Сути: мы праздновали его поступление на военную службу.

Нефрет не убрала руку.

— Сути — удивительный человек, с пылким нравом и неистощимой энергией. Он обожает вино и женщин, хочет стать великим героем, ни перед кем и ни перед чем не отступает. Наша дружба крепче гранита, сильнее смерти. Пока Сабабу принимала его в своей комнате, я сидел один, погружившись в свое расследование. Умоляю, поверьте мне.

— Меня беспокоит один старик. Надо помыть его и вычистить жилище. Вы не откажетесь мне помочь?

— Встань!

Сути выбрался из своей темницы. Грязный, голодный, он все время распевал фривольные песенки и думал об упоительных часах, проведенных в объятиях мемфисских красоток.

— Вперед!

Солдат, отдававший приказы, был наемником. Бывший морской разбойник^[41], он предпочел службу в египетском войске, потому что его ветераны получали вполне приличную пенсию. На голове — остроконечный шлем, в руках — короткий меч, на лице — ни малейших эмоций.

— Это ты Сути?

Поскольку молодой человек не спешил с ответом, наемник ударил его в живот. Согнувшись пополам, он все же устоял на ногах.

— Ты горд и крепок. Говорят, ты сражался с бедуинами. Лично я в это не верю. Когда убивают врага, ему отрубают руку и приносят ее своему начальнику. На мой взгляд, ты удрал, как заяц.

— Вместе с обломком дышла от моей колесницы?

— Своровал где-то. Говорят, ты стрелял из лука, — сейчас проверим.

— Я хочу есть.

— Потом разберемся. Истинный воин способен биться, даже когда его силы на исходе.

Наемник отвел Сути на опушку леса и дал тяжеленный лук. Спереди деревянная дуга была отделана костяными накладками, с тыльной стороны — корой. Тетива — бычья жила, покрытая льняными волокнами — была закреплена узлами с обеих сторон.

— Мишень в шестидесяти метрах, на дубе прямо перед тобой. У тебя две стрелы, чтобы в нее попасть.

Натягивая лук, Сути подумал, что мышцы спины вот-вот порвутся. Перед глазами заплясали черные точки. Сохранить натяжение, вставить стрелу, прицелиться, забыть о том, что поставлено на карту, сосредоточиться на мишени, стать луком и стрелой, взлететь в воздух, вонзиться в середину ствола.

Он закрыл глаза и выстрелил.

Наемник сделал несколько шагов вперед.

— Почти в центр.

Сути взял вторую стрелу, снова натянул лук и прицелился в солдата.

— Ты неосторожен.

Наемник выпустил из рук меч.

— Я говорю правду, — твердо сказал Сути.

— Да ладно, ладно!

Молодой человек выпустил вторую стрелу. Она вонзилась в мишень чуть правее предыдущей. Солдат вздохнул.

— Кто тебя научил так стрелять?

— Это талант.

— К речке, солдат! Мыться, одеваться и завтракать.

Вооруженный своим любимым луком из акации, снабженный сапогами, шерстяным

плащом и ножом, досыта накормленный, умытый и умощенный благовониями, Сути предстал перед офицером, командовавшим сотней пехотинцев. На сей раз его рассказ был выслушан внимательно и на его основе составлен рапорт.

— Мы отрезаны от основных сил и от полководца Ашера. Он со своим элитным отрядом стоит лагерем в трех днях ходьбы отсюда. Я пошлю двух гонцов на юг, чтобы основное войско поспешило.

— Мятеж?

— Объединились два азиатских царька, иранское племя и бедуины. Возглавляет их ливийский изгнанник Адафи. Он мнит себя пророком бога-мстителя и мечтает сокрушить Египет и взойти на трон Рамсеса. Для одних — просто кукла, для других — опасный безумец. Он любит наносить удар внезапно, не считаясь ни с какими соглашениями. Если остаться здесь, нас перебьют: между Ашером и нами — хорошо укрепленная крепость. Придется взять ее приступом.

— А колесницы у нас есть?

— Нет, зато много лестниц и осадная башня на колесах. Нам как раз недоставало первоклассного лучника.

***

Не десять и не сто раз Пазаир порывался заговорить с ней. А на деле лишь поднял старика, отнес его под пальму, где было поменьше ветра и солнца, вычистил его дом и помог Нефрет. Он ждал какого-нибудь знака неодобрения, хоть тени упрека в глазах. Но она была поглощена работой и казалась безучастной ко всему остальному.

Накануне судья побывал у Кани и узнал, что его розыски не дали никакого результата. Между тем, соблюдая осторожность, садовник обошел большинство селений и беседовал с десятками крестьян и ремесленников. Никаких следов ветерана, вернувшегося из Мемфиса. Если этот человек и жил на западном берегу, он тщательно скрывался.

— Дней через десять Кани принесет вам первую партию лекарственных растений.

— Управитель селения предоставил мне заброшенный дом на краю пустыни; сделаем из него лечебницу.

— А вода?

— В самое ближайшее время подведут канал.

— А ваше жилище?

— Маленькое, но опрятное и уютное.

— Вчера Мемфис, а нынче эта дыра.

— Зато здесь у меня нет врагов. А там все время как на войне.

— Небамон не вечно будет возглавлять корпорацию врачей.

— Это решит судьба.

— Вы вновь займете достойное положение.

— Какая разница? Да, забыла вас спросить, как ваш насморк?

— Весенний ветер мне не на пользу.

— Придется снова сделать ингаляцию.

Пазаир подчинился. Ему нравилось смотреть, как она смешивает лекарства, как готовит дезинфицирующую массу, раскладывает ее на камне, а потом накрывает горшком с дыркой. Любое ее движение доставляло ему удовольствие.

***

Комната судьи была перевернута вверх дном. Даже москитные сетки были сорваны, скомканы и брошены на деревянный пол. Все содержимое дорожной сумки высыпано, таблички и свитки разбросаны повсюду, циновки растоптаны, набедренная повязка, туника и плащ порваны.

Пазаир встал на колени в поисках какой-нибудь улики.

Но взломщик не оставил следов.

***

Судья подал жалобу тучному чиновнику, тот дивился и возмущался.

— Есть подозрения?

— Не осмеливаюсь их высказать,

— Прошу вас!

— За мной следили.

— Вы определили, кто именно?

— Нет.

— Описание?

— Невозможно.

— Жаль. Мне нелегко будет расследовать.

— Понимаю.

— Как и все остальные управления стражи в нашем районе, я получил адресованное вам послание. Ваш секретарь вас повсюду разыскивает.

— Зачем?

— Не уточняется. Он просит, чтобы вы как можно скорее вернулись в Мемфис. Когда вы отправитесь в путь?

— Ну... завтра.

— Вам нужна охрана?

— Мне достаточно Кема.

— Как пожелаете, но будьте осторожны.

— Кто посягнет на судью?

***

Нубиец обзавелся луком, стрелами, мечом, дубиной, копьем и деревянным щитом, обтянутым бычьей кожей, — в общем всем, что составляло вооружение стражника, уполномоченного осуществлять непростые операции. Павиан довольствовался своими клыками.

— Кто оплатил все это снаряжение?

— Торговцы с базара. Мой павиан одного за другим переловил всех членов воровской

шайки, державшей всех в страхе больше года. Торговцы решили меня отблагодарить.

— А вы получили разрешение от фиванской стражи?

— Мое оружие внесено в списки и пронумеровано, все по закону.

— В Мемфисе какие-то неприятности, нам надо возвращаться. Что насчет пятого ветерана?

— На базаре — ни слуху ни духу. А у вас?

— Ничего.

— Он мертв, как все остальные.

— Тогда зачем кто-то рылся в моей комнате?

— Я больше не отойду от вас ни на шаг.

— Вы подчиняетесь моим приказам, не забываете.

— Мой долг — вас охранять.

— Если я сочту нужным. Ждите меня здесь и будьте готовы к отъезду.

— Скажите, по крайней мере, куда вы уходите?

— Я ненадолго.

***

Нефрет превратилась в царицу селения, затерянного на западном берегу Фив. Для маленькой общины постоянный лекарь был несказанной привилегией. Девушка, с ее кроткой улыбкой, пользовалась непререкаемым авторитетом и творила чудеса. Дети и взрослые бегали к ней за советом и больше не боялись заболеть.

Нефрет настаивала на строгом соблюдении правил гигиены, которые все знали, но иной раз не прочь были нарушить: частое мытье рук, особенно перед едой, ежедневное омовение, ополаскивание ног перед тем как войти в дом, освежение рта, регулярное бритье и стрижка волос, применение притираний, косметических средств и благовоний на основе цератонии. И богатые, и бедные пользовались пастой из песка с жиром; при добавлении натрона она хорошо очищала и дезинфицировала кожу.

По просьбе Пазаира Нефрет согласилась пройтись по берегу Нила.

— Вы счастливы?

— Мне кажется, я приношу пользу.

— Я восхищаюсь вами.

— Есть много врачей, достойных вашего уважения.

— Я должен уехать из Фив. Меня вызывают в Мемфис.

— Опять то странное дело?

— Секретарь не уточнил.

— Ваше расследование продвинулось?

— Пятого ветерана так и не удалось найти. Если бы у него была постоянная работа на западном берегу, я бы узнал. Мое расследование зашло в тупик.

Ветер переменялся, весна становилась мягкой и теплой. Скоро начнется песчаная буря; несколько дней египтяне будут вынуждены сидеть по домам.

Все вокруг цвело.

— Вы еще вернетесь сюда?
— Как только смогу.
— Я чувствую, вы взволнованы.
— Кто-то обыскал мою комнату.
— Чем не способ вас припугнуть?
— Кто-то полагал, что у меня есть важные документы. Теперь им ясно, что это не так.
— А вы не слишком рискуете?
— Я сам виноват, очень много допускаю ошибок.
— Не судите себя так строго; вам не в чем себя упрекнуть.
— Я хочу устранить проявленную к вам несправедливость.
— Вы меня забудете.
— Никогда!

Она улыбнулась и мягко промолвила:

— Клятвы юности развеет вечерний бриз.
— Только не мои.

Пазаир остановился, повернулся к ней, взял ее за руки.

— Я люблю вас, Нефрет. Если б вы только знали, как я вас люблю...

В ее глазах промелькнула тревога:

— Моя жизнь здесь, ваша — в Мемфисе. Судьба решила за нас.
— Мне наплевать на карьеру. Если вы полюбите меня, остальное неважно!
— Ну что за ребячество!
— Вы — это счастье, Нефрет. Без вас моя жизнь лишена всякого смысла.

Она мягко высвободила руки.

— Мне надо подумать, Пазаир.

Ему захотелось взять ее на руки и прижать к себе так сильно, чтобы никто никогда не смог их разлучить. Но главное было не спугнуть хрупкую надежду, мелькнувшую в ее ответе.

***

Поглотитель теней наблюдал за отъездом Пазаира. Судья покидал Фивы, не поговорив с пятым ветераном и не раздобыв никаких компрометирующих документов. Обыск его комнаты ничего не дал.

Да и сам он не слишком преуспел. Информация более чем скудная: пятый ветеран жил какое-то время в небольшом городке к югу от Фив, собирался там обосноваться и заняться починкой колесниц. После трагической гибели его товарища пекаря он запаниковал и исчез.

Ни судье, ни поглотителю теней обнаружить его не удалось.

Ветеран чувствовал, что он в опасности. Значит, будет держать язык за зубами. Успокоившись, поглотитель теней решил отплыть в Мемфис ближайшим судном.

У визиря Баги болели ноги. Они тяжелели и отекали так, что не видно было щиколоток. Он носил широкие сандалии с распущенными ремешками, думать о лечении ему было некогда. Чем больше времени проводил он, сидя в конторе, тем больше становились отеки; но служба на благо государства не давала возможности отдохнуть или отложить работу.

Его супруга Недит отказалась от большой казенной усадьбы, выделенной визирю фараоном. Баги не стал с ней спорить, тем более что городская жизнь была ему ближе. Поэтому они жили в центре Мемфиса в скромном доме, денно и нощно охраняемом стражей. Верховный сановник Двух Земель мог чувствовать себя в полной безопасности; за все время существования Египта ни один визирь не стал жертвой убийства и никогда не подвергался нападению.

Находясь на самой вершине административной иерархии, он не помышлял о личном обогащении. Долг был для него превыше благоденствия семьи. Недит тяжело переживала возвышение супруга. Наделенная от природы крупными чертами лица, небольшим ростом и полнотой, с которой никак не удавалось справиться, она избегала светской жизни и никогда не появлялась на официальных пирах. Она тосковала о тех днях, когда Баги занимал скромную должность и не брал на себя большой ответственности. Тогда он рано возвращался домой, помогал ей на кухне и занимался детьми.

Направляясь к дворцу, визирь думал о сыне и дочери. Его сын поначалу стал было ремесленником, но мастер заметил, что он ленится. Узнав об этом, визирь добился исключения юноши из мастерской и отправил его на производство сырцового кирпича. Фараон счел решение визиря несправедливым и осудил его за излишнюю суровость по отношению к членам семьи. Визирь не имел права потворствовать своим близким, но и чрезмерная строгость считалась предосудительной ^[42]. Так что сын Баги начал продвигаться по службе и стал смотрителем на производстве обожженного кирпича. Дальше его честолюбие не простиралось, единственной его страстью была игра в шашки в компании ровесников. Дочь радовала визиря больше. Некрасивую внешность она компенсировала добродетельным поведением и мечтала поступить ткачихой в храм. Помощи от отца ей ждать не приходилось, успеха предстояло добиваться собственными силами.

Усталый визирь встал со стула и сел на низкое, слегка вогнутое в середине сиденье из переплетенных веревок. Перед ежедневной встречей с царем он должен был ознакомиться с донесениями различных министерств. Сгорбившись, преодолевая боль в ногах, он заставил себя сосредоточиться.

Чтение прервал его личный секретарь.

— Извините, что беспокою.

— Что случилось?

— Гонец из азиатской армии с докладом.

— Изложите суть дела.

— Элитный отряд полководца Ашера отрезан от основных сил египетского войска.

— Мятеж?

— Ливиец Адафи, два азиатских царька и бедуины.

— Опять они! Наши тайные службы позволили застать себя врасплох.

— Пошлем подкрепление?

— Сейчас же пойду спрошу совета его величества.

Рамсес приказал двум новым отрядам выступить в Азию и велел ускорить продвижение основного войска. Царь отнесся к делу очень серьезно. Ашеру, если ему удастся выбраться из этой переделки, надлежало подавить мятежников.

С момента провозглашения указа, повергшего двор в недоумение, визирь буквально разрывался на части, чтобы добиться исполнения распоряжений фараона. Благодаря хорошо налаженной системе управления для инвентаризации сокровищ и запасов Египта требовалось всего несколько месяцев, однако посланцам визиря предстояло опросить главных жрецов всех храмов и управителей всех провинций, составить массу отчетов и исправить неточности. Требования царя порождали скрытую враждебность, поэтому Баги, на которого ложилась вся ответственность за эту административную проверку, из всех сил старался успокоить особо уязвленных сановников и по возможности погасить общее раздражение.

В конце дня Баги получил подтверждение, что все его приказания выполнены. Завтра же он удвоит гарнизон Царских стен, уже приведенный в состояние постоянной боевой готовности.

***

Вечер в лагере проходил невесело. Завтра египтяне пойдут на приступ мятежной крепости, чтобы прорвать окружение и постараться установить связь с полководцем Ашером. Штурм предстоял нелегкий. Многим не суждено было вернуться домой. Сути ужинал вместе с самым пожилым солдатом — выдавшим виды воякой из Мемфиса. Ему было доверено управление осадной башней на колесах.

— Через полгода я выйду на пенсию, — поведал он. — Это, парень, моя последняя азиатская кампания! Давай ешь чеснок. И желудок прочистит, и от простуды убережет.

— Сюда бы немного кориандра и розового вина, вкуснее было бы.

— Пир — после победы! Обычно в этом отряде хорошо кормят. Говядину, пирожки дают, овощи вполне свежие и пива вволю. Когда-то солдаты подворовывали то тут, то там; Рамсес такую практику пресек и мародеров из войска повыгонял. Я-то никогда не воровал. Мне дадут дом в деревне, клочок земли и служанку. Я буду платить мало налогов и передам свое добро кому пожелаю. Ты правильно сделал, что пошел в солдаты, парень — за будущее можешь не беспокоиться.

— Если, конечно, выберусь из этой переделки.

— Да сроем мы эту крепость. Ты, главное, берегись удара слева. Смерть в мужском обличий приходит слева, а в женском — справа.

— Но ведь у врага нет женщин?

— Еще как есть, да такие отчаянные!

Сути не забудет ни про право, ни про лево, а в память о колесничем он будет знать еще и про спину.

***

Египетские воины начали дикуую пляску, размахивая оружием над головами и воздевая его к небесам, чтобы снискать благосклонность судьбы и обрести мужество сражаться до самой смерти. По общепринятым правилам битва должна была начаться через час после рассвета; только бедуины нападали без предупреждения.

Старый солдат воткнул перо в длинные черные волосы Сути.

— Это обычай элитных лучников. Перо — символ богини Маат; благодаря ей ты сохранишь твердость духа и будешь стрелять точно в цель.

Пехотинцы во главе с бывшим морским разбойником притащили лестницы. Сути поднялся на осадную башню и встал рядом со стариком. Человек десять принялись толкать ее в направлении крепости.

Инженерные войска как могли разровняли дорогу, и деревянные колеса катились без особого труда.

— Левее, — скомандовал старший по башне.

Они выехали на ровное место. Вражеские лучники открыли стрельбу с крепостных стен. Двое египтян упали замертво, одна стрела пронеслась над самой головой Сути.

— Ну давай, парень.

Сути натянул лук с костяными накладками; если стрелять по параболической траектории, стрелы полетят на расстояние свыше двухсот метров. До предела натянув тетиву, он сосредоточился и на выдохе выстрелил.

Бедуин, пораженный в самое сердце, упал со стены. Успех окрылил пехотинцев, и они бросились на врага.

Когда до цели оставалось не более ста метров, Сути поменял оружие. Его любимый лук из акации был легче, бил точнее и позволял тщательно прицелиться при каждом выстреле. Вскоре Сути удалось снять со стен половину защитников и египтяне смогли приставить лестницы.

Когда осадная башня была всего метрах в двадцати от цели, старший рухнул, пораженный стрелой в живот. Разогнавшись, башня врезалась в стену крепости. Пока товарищи взбирались на стены и проникали внутрь укреплений, Сути склонился над старым солдатом.

Рана была смертельной.

— Отличная пенсия, парень, вот увидишь... ну а мне не повезло.

Голова безжизненно упала на плечо.

Тараном египтяне пробили ворота, а старый разбойник окончательно сокрушил их топором. Охваченные паникой, противники вконец потеряли голову. Местный царек вскочил на коня и смял офицера, принуждавшего его сдаться. Египтяне рассвирепели и стали крушить все вокруг, никому не давая пощады.

В какой-то момент из объятый пламенем крепости, незамеченный победителями, выскользнул человек в лохмотьях и кинулся бежать по направлению к лесу. Сути догнал его, ухватился за залатанную тунику и разорвал ее.

Оказалось, это молодая, сильная женщина. Та самая дикарка, что его обокрала.

Она продолжала бежать голышом. Под смех и подначки товарищей по оружию Сути пригвоздил ее к земле.

Обезумев от страха, она отбивалась долго и упорно. Сути поднял девушку, связал ей руки и прикрыл остатками жалкой одежды.

— Она твоя, — крикнул кто-то из пехотинцев.

Несколько уцелевших вражеских солдат стояли, заложив руки за голову, побросав луки, щиты, сандалии и бурдюки. Считалось, что они погубили свою душу, лишились имени и истощили запасы спермы. Победители завладели бронзовой посудой, быками, ослами и козами, сожгли казарму, мебель, ткани. От крепости осталась лишь куча обожженных камней. Бывший разбойник подошел к Сути.

— Командир погиб, старший по башне тоже. Ты из нас самый храбрый и к тому же элитный лучник. Тебе и командовать.

— Но у меня нет никакого опыта.

— Ты — герой. Мы все можем это засвидетельствовать: без тебя мы бы не победили. Веди нас к северу.

Молодой человек покорился воле товарищей. Он велел достойно обращаться с пленниками. В ходе коротких допросов те заверили, что подстрекателя к мятежу, Адафи, в крепости не было.

Сути с луком в руках выступил во главе колонны. Справа от него шла пленница.

— Как твое имя?

— Пантера.

Сути был очарован ее красотой: дикая, светловолосая, с горящими как угли глазами, великолепным телом и чувственными губами. Голос ее звучал вкрадчиво, завораживающе.

— Ты откуда?

— Из Ливии. Мой отец был повержен живым.

— Как это?

— Во время одной стычки египетский меч рассек ему голову. Тогда бы ему и умереть. В качестве пленника он возделывал землю в Дельте. Он позабыл свой язык, свой народ, стал египтянином! Я ненавидела его и не пошла на похороны. Я продолжила борьбу!

— Что ты имеешь против нас?

Вопрос удивил Пантеру.

— Мы враждуем уже две тысячи лет! — воскликнула она.

— Так не пора ли заключить перемирие?

— Никогда!

— Что ж, постараюсь тебя переубедить.

Обаяние Сути не могло не подействовать на Пантеру. Она соблаговолила поднять на него глаза.

— Я буду твоей рабыней?

— В Египте нет рабов.

Какой-то солдат издал крик. Все бросились на землю. На гребне холма зашевелились заросли. Из кустов показалась стая волков, которые, окинув путников взглядом, спокойно пошли своей дорогой. Египтяне вздохнули с облегчением и возблагодарили богов.

— Меня освободят, — заявила Пантера.

— Рассчитывай только на себя.

— При первом же удобном случае я тебя предам.

— Откровенность — редкая добродетель. Ты начинаешь мне нравиться.

Она надулась и продолжала идти молча.

Два часа они шли по каменистой местности, потом по руслу пересохшей реки. Не отрывая глаз от скалистых склонов, Сути старался не пропустить ни малейших признаков

тревоги.

Когда путь им преградил десяток египетских лучников, они поняли, что спасены.

***

Около одиннадцати утра Пазаир пришел к себе в контору, дверь которой была заперта.

— Сходите за Ярти, — приказал он Кему.

— С павианом?

— С павианом.

— А если он болен?

— Приведите мне его сейчас же, в любом состоянии.

Кем поспешил выполнить приказ.

Ярти подошел, охая и стеная. Лицо его было красно, веки опухли.

— Я отдыхал после несварения желудка, — объяснил он. — Я принял зернышки тмина в молоке, но тошнота не прошла. Лекарь прописал мне настой ягод можжевельника и два дня отдыха.

— Зачем вы забросали посланиями фиванскую стражу?

— Возникло два срочных дела!

Гнев судьи утих.

— Что случилось?

— Первое неотложное дело: у нас кончился папирус. Второе: проверка содержимого амбаров, вверенных вашему попечению. По донесению технических служб, в главном хранилище недостает половины запаса пшеницы.

Ярти понизил голос.

— Назревает большой скандал.

***

После того как жрецы поднесли первые зерна урожая Осирису, а первый хлеб — богине жатвы, носильщики цепочкой потянулись к амбарам с корзинами, полными драгоценного жита. «Для нас настал счастливый день», — пели они. По приставным лестницам они поднимались на крышу амбаров прямоугольной или цилиндрической формы и через люки ссыпали содержимое корзин внутрь. Достать зерно можно было через дверь, открывавшуюся внизу.

Смотритель амбаров принял судью на редкость холодно.

— В соответствии с царским указом я обязан проверить запасы зерна.

— За вас уже все проверил чиновник.

— И к какому заключению он пришел?

— Он мне не сообщил. Его выводы касаются только вас.

— Приставьте лестницу к фасаду главного амбара.

— Я же, кажется, сказал: чиновник уже все проверил.

— Вы хотите воспротивиться закону?

Смотритель смягчился.

— Я думаю только о вашей безопасности, судья Пазаир. Карабкаться туда наверх опасно. Вы же не привыкли лазить по крышам.

— Значит, вам неизвестно, что половина зерна пропала.

Казалось, смотритель потрясен.

— Какой кошмар!

— Как вы это объясните?

— Жучок, очевидно.

— Разве не это должно вас волновать в первую очередь?

— Я полагаюсь на санитарную службу: это они виноваты!

— Половина запаса — это очень много.

— Ну, знаете, если заведется жучок...

— Принесите лестницу.

— В этом нет необходимости, уверяю вас. Судье не пристало заниматься такими вещами!

— Когда я поставлю печать на официальном отчете, вы будете отвечать перед законом.

Двое работников принесли большую лестницу и прислонили ее к фасаду амбара. Пазаир начал подниматься; ему было не по себе, перекладки скрипели, конструкция казалась более чем шаткой. На полпути лестница зашаталась.

— Закрепите ее! — потребовал он.

Смотритель огляделся, явно подумывая, как бы улизнуть.

Кем положил руку ему на плечо, к ноге приблизился павиан.

— Давайте послушаемся судью, — посоветовал нубиец. — Вы же не хотите, чтобы произошел несчастный случай?

Приспособили противовесы. Пазаир, успокоившись, полез дальше. Добравшись до верха, на высоте восьми метров от земли он отодвинул засов и открыл люк.

Амбар был заполнен до краев.

***

— Непостижимо, — воскликнул смотритель. — Проверявший чиновник вам солгал.

— А если предположить, что вы заодно?

— Меня обманули, уверяю вас!

— Что-то не верится.

Павиан зарычал и оскалил зубы.

— Он терпеть не может, когда врут, — заметил нубиец.

— Придержите зверя!

— Если свидетель его раздражает, мне с ним не справиться.

Смотритель понурился.

— Он пообещал мне хорошее вознаграждение за поддержку. Предполагалось, что потом мы ссыплем якобы недостающее зерно. Солидная готовилась махинация. Но раз преступление еще не было совершено, я смогу сохранить свою должность?

Пазаир засиделся за работой допоздна. Он подписал отставку смотрителя, привел обоснования и тщетно пытался найти по спискам проверявшего чиновника. Наверное, тот действовал под вымышленным именем. Зерно воровали нередко, но никогда еще преступление не достигало таких масштабов. Что это — отдельная кража в одном из амбаров Мемфиса или глобальный заговор? В последнем случае вполне оправдан поразивший всех указ фараона. А может, царь рассчитывает, что именно судьи помогут восстановить справедливость и вернуть страну в русло закона? Если бы каждый действовал четко и правильно, независимо оттого, насколько важна его должность, пресечь зло не составило бы труда.

В пламени светильника возникло лицо Нефрет, ее глаза, губы. В этот час она, наверное, уже спит.

Думает ли она о нем?

Пазаир в сопровождении Кема и павиана сел на скороходное судно, чтобы добраться до крупнейшей папирусной плантации Дельты, которую с соизволения фараона возделывал Бел-Тран. В илистой, заболоченной почве это драгоценное растение с косматыми цветками в форме зонтика и стеблем треугольного сечения могло достигать шестиметровой высоты и расти так тесно, что получались густые заросли. Из деревянистых корней делали мебель; из волокон и коры — циновки, корзины, сети, канаты, веревки и даже сандалии и набедренные повязки для бедноты. Что же касается пористой мякоти, которую в изобилии извлекали из-под коры стебля, она подвергалась специальной обработке, чтобы превратиться в знаменитый папирус — предмет гордости Египта.

Бел-Тран не довольствовался одними лишь дикими зарослями — в своих бескрайних владениях он сам выращивал папирус, поставил его обработку на широкую ногу и продавал готовую продукцию. Для египтянина зеленые стебли олицетворяли жизненную силу и молодость. Облик папируса имели жезлы богинь, да и колонны храмов воспроизводили в камне его форму.

Посреди зарослей была проложена широкая дорога. Навстречу Пазаиру шли обнаженные крестьяне с тяжелыми вязанками папирусного стебля на спине. Они жевали молодые побеги и, высосав сок, выплевывали волокнистую зелень. Перед большими складами, где папирус хранился в деревянных ящиках или сосудах из обожженной глины, работники очищали тщательно отобранные волокна и раскладывали их на циновках и досках.

Стебли разрезались в длину и получившиеся пластинки накладывались друг на друга в два слоя крест-накрест. Специально обученные работники накрывали все это влажной тканью и долго отбивали деревянным молотком. Потом наступал ответственный момент, когда полоски папируса должны были склеиться при высыхании без добавления каких-либо веществ.

— Здорово, не правда ли?

У коренастого человека, обратившегося к Пазаиру, была круглая, как луна, голова, черные волосы и подведенные краской глаза. Несмотря на полные руки и ноги и некоторую грузность, он выглядел очень подвижным, чтобы не сказать суетливым.

— Ваш приход для меня большая честь, судья Пазаир. Мое имя Бел-Тран, я хозяин этих плантаций.

Он поддернул набедренник и оправил рубаху из тонкого льна. Хотя он одевался у лучшей ткачихи Мемфиса, всегда казалось, что одежда ему либо мала, либо велика, либо широка.

— Я хотел бы купить у вас папирус.

— Пойдемте, я покажу вам мои лучшие образцы.

Бел-Тран повел Пазаира в помещение, где хранилась продукция высочайшего качества — свитки, склеенные из двадцати листов первоклассного папируса. Хозяин развернул один такой свиток.

— Вы только посмотрите, какая красота, какое тонкое волокно, какой замечательный желтый цвет. Никому больше не удастся достичь такого великолепного цвета. А секрет в том, сколько держать папирус на солнце. Впрочем, есть еще много других важных

хитростей, которые я держу втайне.

Судья потрогал край свитка.

— Это само совершенство.

Бел-Тран не скрывал своей гордости.

— Этот папирус предназначен для писцов, занятых переписыванием и дополнением Поучений^[43]. Дворцовая библиотека заказала мне десяток таких свитков на следующий месяц. На моем папирусе пишут также тексты «Книги мертвых», которые кладут в гробницы.

— Кажется, вы процветаете.

— Так и есть, если, конечно, работать день и ночь не покладая рук! Я не жалею, дело свое я люблю всей душой. Готовить основу для священных писем — что может быть прекраснее?

— Мои средства ограничены, я не могу себе позволить столь замечательный папирус.

— У меня есть товар не столь высокого качества, но вполне добротный. Прочность гарантирована.

Судью вполне устроила новая партия папируса, но цена все еще оставалась слишком высокой.

Бел-Тран почесал затылок.

— Вы мне очень симпатичны, судья Пазаир, и надеюсь, это взаимно. Я люблю справедливость, ибо она — ключ к счастью. Вы не откажете мне в удовольствии подарить вам эту партию?

— Я очень тронут вашим великодушием, но, к сожалению, вынужден сказать нет.

— Позвольте мне проявить настойчивость.

— Любой подарок, каким бы он ни был, может расцениваться как подкуп. Если вы разрешите отсрочить платеж, это надо будет должным образом записать и зарегистрировать.

— Разумеется, как вам будет угодно! Я хотел лишь выразить вам свое уважение за то, что вы, не колеблясь, привлекаете к ответу крупных предпринимателей, нарушающих закон. Для этого требуется немалое мужество.

— Это просто мой долг.

— В последнее время в Мемфисе нравы торговцев заметно ухудшились. Полагаю, указ фараона изменит дело к лучшему.

— Мы, судьи, делаем все от нас зависящее, хотя я мало знаком с нравами Мемфиса.

— Вы быстро привыкнете. В последние годы конкуренция между торговцами весьма ужесточилась, люди стали наносить друг другу серьезные удары.

— И вам тоже досталось?

— Как и всем, но я не сдаюсь. Вначале я был принят на работу помощником счетовода на одну большую плантацию Дельты, где папирус делали плохо. Крошечное жалованье и много часов кропотливого труда. Я предложил хозяину плантации усовершенствования, и он повысил меня до должности счетовода. Так бы я и жил себе спокойно, если б не несчастье.

Собеседники вышли со склада и пошли по усаженной цветами аллее, ведущей к дому Бел-Трана.

— Могу я предложить вам выпить? Это не подкуп, уверяю вас!

Пазаир улыбнулся. Он чувствовал, что хозяину хочется поговорить.

— Что за несчастье?

— Малоприятное происшествие, не делающее мне чести. Я женился на женщине старше

меня, уроженке Элефантины; мы неплохо ладили, если не считать редких мелких стычек. Я возвращался домой поздно, она не имела ничего против. Однажды днем мне стало нехорошо, наверное, переутомился. Меня отвели домой, и я обнаружил свою супругу в постели с садовником. Поначалу мне захотелось ее убить, потом — засудить за измену... но наказание такое тяжелое!^[44] Я довольствовался незамедлительным разводом.

— Тяжкое испытание.

— Я был уязвлен до глубины души и пытался утешиться, работая вдвое больше. Хозяин плантации предложил мне заброшенный участок бесплодной земли. Придуманная мною система орошения сделала его плодородным — отличные урожаи, приемлемые цены, довольные клиенты... и, наконец, одобрение дворца! Став царским поставщиком, я достиг предела мечтаний. Мне выделили болота, через которые вы прошли.

— Мои поздравления.

— Усилия всегда вознаграждаются. Вы женаты?

— Нет.

— Я решил вторично попытать счастья, и мне повезло.

Бел-Тран проглотил пилюлю из ароматной смолы, сыти^[45] и финикийского тростника; такая смесь помогала сохранить свежесть дыхания.

— Я вас познакомлю с моей молодой супругой.

***

Госпожа Силкет в отчаянии вглядывалась в свое лицо: что, если на нем появилась первая морщинка? На этот случай она запаслась маслом тригонеллы, обладающим свойством сглаживать дефекты кожи. Парфюмер отделил стручки растения от зерен, приготовил пасту и разогрел ее. На поверхности поблескивало масло. Силкет осторожно нанесла косметическую маску, состоящую из меда, красного натрона и северной соли, а потом натерла все тело алебастровой пудрой.

Благодаря хирургическому вмешательству Небамона ее лицо и фигура стали тоньше, как того желал муж. Конечно, самой себе она все еще казалась полноватой, но от Бел-Трана никаких нареканий по поводу пышности бедер она больше не слышала. Готовясь приступить вместе с мужем к обильной трапезе, она накрасила губы красной охрой, нанесла нежный крем на щеки и подвела глаза зеленой краской. Потом она натерла кожу под волосами специальным лосьоном, основные ингредиенты которого — пчелиный воск и смола — предотвращали появление седых волос.

Сочтя отражение в зеркале вполне удовлетворительным, Силкет надела парик из настоящих волос с благоухающими прядями, подаренный ей мужем по случаю рождения второго ребенка, оказавшегося мальчиком.

Служанка предупредила, что пришел Бел-Тран, да не один, а с гостем.

Силкет в панике снова кинулась к зеркалу. Удастся ли ей произвести благоприятное впечатление или ей попадет за какой-нибудь изъян, ускользнувший от ее внимания? Но времени нанести другой макияж или переодеться уже не было.

Набравшись смелости, она вышла из своей комнаты.

— Силкет, дорогая! Познакомься, это судья Пазаир из Мемфиса.

Женщина улыбнулась с должной долей застенчивости и смущения.

— Мы часто принимаем дома покупателей и грамотных работников, — продолжал Бел-Тран, — но вы — первый судья, посетивший нас! Это для нас большая честь.

Новая усадьба торговца папирусом насчитывала около десяти слабо освещенных комнат. Госпожа Силкет боялась солнца, потому что от его лучей краснела ее нежная кожа.

Служанка принесла свежего пива, за ней прибежали дети — рыжеволосая девочка и мальчишка, похожий на отца. Они поздоровались с судьей и с криком унеслись прочь.

— Ах, дети! Мы обожаем их, но иногда они так утомительны.

Силкет кивнула в знак согласия. К счастью, оба раза роды прошли без осложнений и не испортили ее фигуру благодаря долгим периодам отдыха. Некоторые нежелательные округлости она скрывала под просторным платьем из первоклассного льна, скромно украшенного красной бахромой. Серьги из слоновой кости были привезены из Нубии.

Пазаиру предложили сесть в папирусное кресло необычной вытянутой формы.

— Оригинально, не правда ли? Я люблю всякие новшества, — сказал Бел-Тран. — Если такая форма будет иметь успех, я налажу производство для продажи.

Судья удивился планировке дома: приземистое здание было вытянуто в длину и не имело террасы.

— Я страдаю головокружениями. Эта покатая крыша оберегает нас от жары.

— Вам нравится в Мемфисе? — спросила Силкет.

— Свое селение я любил больше.

— А где вы сейчас живете?

— Над своей конторой. Немного тесновато. С тех пор как я вступил в должность, дел все время невпроворот и архивы быстро накапливаются. Через несколько месяцев, чувствую, мне придется еще потесниться.

— Но это так легко уладить, — заметил Бел-Тран. — Один из моих близких знакомых ведаёт архивами во дворце. Он распределяет места в государственном хранилище.

— Я бы не хотел, чтобы мне оказывали предпочтение.

— Что вы, никакого предпочтения. Вам все равно придется рано или поздно иметь с ним дело, так лучше пораньше. Я дам вам его имя, а там сами разберетесь.

Пиво было восхитительным и разлито оно было по большим кувшинам, сохранявшим напиток прохладным.

— Этим летом, — поведал Бел-Тран, — я открою склад папируса возле арсенала. Тогда поставки для административных учреждений будут занимать меньше времени.

— Значит, вы попадете в мой округ.

— Я очень этому рад. Насколько я знаю, вы все держите под действенным и неусыпным контролем. Это поможет мне утвердить свою репутацию. Хотя иной раз представляется случай сплутовать, я мошенничества не выношу — в один прекрасный день тебя все равно схватят за руку! В Египте плутов не любят. Как гласит пословица, кривда переправы не

найдет и реку не перебредет.

— Вы что-нибудь слышали о хищениях зерна?

— Когда разразится скандал, будут приняты самые жесткие меры.

— Кто, по-вашему, может быть в этом замешан?

— Поговаривают, что часть урожая, сложенного в амбарах, расхищена частными лицами. Слухи, одни лишь слухи, но, правда, упорные.

— А стража пыталась найти виновных?

— Безуспешно. Вы согласитесь отобедать с нами?

— Не хотелось бы быть назойливым.

— Мы с супругой очень рады принимать вас у себя.

Силкет наклонила голову и одарила судью одобряющей улыбкой.

Пазаир не мог не оценить изысканность яств: гусиная печень, салат со специями и оливковым маслом, свежий зеленый горошек, гранаты, пирожки, и все это запивалось красным вином из Дельты урожая первого года царствования Рамсеса Великого. Дети ели отдельно, но все время требовали сладких пирожков.

— Вы подумываете создать семью? — спросила Силкет.

— Меня целиком поглощает работа, — ответил Пазаир.

— Жена, дети — это ли не цель жизни? Ничто не может принести большего удовлетворения, — отметил Бел-Тран.

Надеясь, что никто не заметит, рыжеволосая девчушка стащила булочку. Отец схватил ее за руку.

— За такое поведение не будет тебе ни игр, ни прогулок!

Девочка расплакалась и затопала ногами.

— Ты слишком строг, — возразила Силкет. — Ничего страшного не произошло.

— Иметь все, что душе угодно, и воровать — это никуда не годится!

— Разве в детстве ты не поступал точно так же?

— Мои родители были бедны, но я ни у кого ничего не крал и не допущу, чтобы так вела себя моя дочь.

Девочка заплакала еще громче.

— Уведи ее, пожалуйста.

Силкет повиновалась.

— Превратности воспитания! Благодарение богам, радостей бывает больше, чем огорчений.

Бел-Тран показал Пазаиру предназначенную для него партию папируса и предложил обработать края листов и добавить несколько свитков более низкого качества, белесого цвета — для черновиков.

Распрощались они тепло и сердечно.

***

Лысая голова Монтумеса покраснела, выдавая с трудом сдерживаемый гнев.

— Слухи, судья Пазаир, слухи, и ничего более!

— Однако вы провели расследование.

— Для проформы.

— И никаких результатов?

— Никаких! Кто может польститься на зерно, хранящееся в государственных амбарах? Смех, да и только! С какой стати вы вообще занялись этим делом?

— Амбар находится в моем округе.

Верховный страж сбавил тон.

— Правда, я и забыл. У вас есть доказательство?

— Самое веское: письменный документ.

Монтумес прочел свиток.

— Проверявший чиновник написал, что половина запаса изъята... что в этом необычного?

— Амбар заполнен до краев, и я лично в этом убедился.

Верховный страж встал, повернулся к судье спиной и стал глядеть в окно.

— Документ подписан.

— Вымышленным именем. Оно не значится в списке уполномоченных чиновников. У вас ведь есть все возможности для того, чтобы отыскать эту странную личность.

— Полагаю, вы допросили смотрителя амбаров?

— Он утверждает, что не знает настоящего имени человека, с которым имел дело, и видел его только один раз.

— Думаете, лжет?

— Может быть, и нет.

Несмотря на присутствие павиана, смотритель больше ничего не сказал, так что Пазаир был склонен верить в его искренность.

— Это же настоящий заговор!

— Не исключено.

— И зачинщик, по-видимому, смотритель.

— Я не доверяю видимости.

— Передайте мне этого мошенника, судья Пазаир. Он у меня заговорит.

— И речи быть не может.

— А вы что предлагаете?

— Нужно держать амбар под постоянным тайным наблюдением. Когда вор и его приспешники явятся за зерном, вы схватите их на месте преступления и выясните имена всех виновных.

— Их насторожит исчезновение смотрителя.

— Поэтому он должен продолжать исполнять свою должность.

— План сложный и рискованный.

— Отнюдь. Если у вас есть другой, получше, я готов повиноваться.

— Я сделаю все, что требуется.

Дом Беранира был единственной тихой гаванью, где смирялась буря в душе Пазаира. Он написал длинное письмо Нефрет, где вновь объяснился в любви и умолял ее найти в сердце ответное чувство. Он корил себя за то, что докучает ей, но был не в силах скрывать свою страсть. Отныне вся жизнь его была в руках Нефрет.

Беранира он застал за возложением цветов к скульптурным портретам предков в первой комнате его дома. Пазаир погрузился в молитву рядом с ним. Васильки с зелеными чашечками и желтые цветы персей помогали бороться с забвением и продлевали общение с мудрецами, обитавшими в райских полях Осириса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Закончив обряд, учитель и ученик поднялись на террасу. Пазаир любил этот час, когда дневной свет умирает и сменяется светом звезд.

— Молодость твоя остается позади, как ненужная старая кожа. Она была счастливой и безмятежной. Пора подумать о том, чтобы жизнь не прошла даром.

— Вы все обо мне знаете.

— Даже то, что ты не захотел мне поведать?

— С вами ни к чему ходить вокруг да около. Как вы думаете, она не отвергнет меня?

— Нефрет никогда не притворяется. Она поступит честно.

Бывали моменты, когда тревога подступала к самому горлу Пазаира и мешала дышать.

— Мне кажется, я обезумел.

— О безумии стоит говорить лишь в одном случае: когда человек жаждет заполучить то, что принадлежит другому.

— Я забыл ваши уроки: приучать свой ум к прямоте, сохранять уравновешенность и четкость, не заботиться о собственном благе, поступать так, чтобы люди мирно шли своим путем, чтобы строились храмы, а сады цвели во славу богам^[46]. Меня сжигает страсть, и я сам поддерживаю ее пламя.

— Ну и хорошо. Пройди свой путь до конца, до той точки, откуда не будет возврата. И да угодно будет небесам, чтобы ты не уклонился от праведного пути.

— Я не пренебрегаю своими обязанностями.

— Как продвигается дело сфинкса?

— Зашло в тупик.

— Никакой надежды?

— Надо или добраться до пятого ветерана, или стараниями Сути что-то разузнать о полководце Ашере.

— Маловато зацепок.

— Я не отступлю, даже если придется годами ждать новой улики. Не забывайте, ведь у меня есть доказательство того, что армейские власти солгали: пять ветеранов были официально признаны мертвыми, в то время как один из них работал пекарем в Фивах.

— Пятый жив, — проговорил Беранир так, словно видел ветерана перед собой. — Не отступай, зло бродит вокруг.

Воцарилось долгое молчание. Торжественность тона глубоко взволновала судью. Его учитель обладал даром ясновидения — иной раз ему открывалось то, что было скрыто до поры от глаз простых смертных.

— Скоро я покину этот дом, — заявил он. — Пришло время переселяться в храм и там доживать свой век. Молчание богов Карнака будет тешить мой слух, а собеседниками моими станут камни вечности. Каждый новый день будет безмятежнее предыдущего, и так я вступлю в преклонные лета, готовящие человека к тому, чтобы предстать перед судом Осириса.

Пазаир возмутился.

— Мне нужны ваши наставления.

— Что еще я могу тебе посоветовать? Завтра возьму свой старческий посох и отправлюсь в сторону Прекрасного Запада, откуда никто не приходит назад.

— Если я обнаружу язву, угрожающую Египту, и буду знать, как с ней бороться, ваша духовная поддержка будет мне необходима. Она может сыграть решающую роль. Повремените, прошу вас.

— Как бы там ни было, этот дом станет твоим, как только я удалюсь в храм.

***

Чечи разжег огонь с помощью финиковых косточек и древесного угля, поставил на него конусообразный тигель и раздул пламя. В который раз он пытался довести до совершенства новый метод получения сплавов, заливая расплавленный металл в специальные формы. Обладая исключительной памятью, он ничего не записывал, боясь предательства. Его два помощника — здоровые, неутомимые парни — могли часами поддерживать пламя, дуя на него через длинные полые стебли.

Скоро несокрушимое оружие будет готово. Вооружившись сверхпрочными мечами и копьями, солдаты фараона смогут разбивать шлемы и пронзать доспехи азиатских воинов.

Крики и шум борьбы отвлекли его от размышлений. Чечи открыл дверь мастерской и столкнулся с двумя стражниками, ведущими пожилого седовласого мужчину с красными руками; он сопел, как загнанная лошадь, глаза слезились, набедренная повязка порвалась.

— Он проник на склад металлов, — объяснил один из стражников. — Когда мы его окликнули, он попытался сбежать.

Чечи сразу же узнал зубного лекаря Кадаша, но не выказал ни малейшего удивления.

— Отпустите меня, звери! — требовал лекарь.

— Вы — вор, — возразил начальник стражи. Что за безумная мысль взбрела Кадашу в голову? Он уже давно мечтал о небесном железе, чтобы сделать новые хирургические инструменты и стать непревзойденным зубным лекарем. Обуреваемый корыстным замыслом, он потерял голову и забыл о плане заговорщиков.

— Я пошлю одного из своих людей в контору старшего судьи царского портика, — заявил офицер стражи. — Нам необходим судья.

Из страха возбудить подозрения Чечи никак не мог воспротивиться такому повороту событий.

***

Потревоженный среди ночи, секретарь старшего судьи царского портика не счел нужным будить начальника, весьма ревностно оберегавшего свое право немного поспать. Он справился со списком судей, и его выбор пал на последнего — некоего Пазаира. Он стоит на

низшей ступени иерархии, вот и пусть учится ремеслу.

Пазаир не спал. Он мечтал о Нефрет, воображал, что она рядом, спокойная, надежная, нежная. Он рассказывал бы ей о своих расследованиях, она — о своих пациентах. Так каждый помогал бы другому нести его ношу, и оба наслаждались бы покоем тихого счастья, возрождавшегося с каждым новым солнцем.

Вдруг заревел Северный Ветер, залаял Смелчак. Судья встал и открыл окно. Вооруженный стражник показал ему письменное распоряжение секретаря старшего судьи. Набросив на плечи короткую накидку, Пазаир последовал за стражником в казарму.

Перед входом на лестницу, ведущую в подземелье, скрестив копья, стояли два солдата. Они отвели оружие, чтобы пропустить судью, навстречу которому вышел Чечи.

— Я ждал старшего судью царского портика.

— Извините, вынужден вас разочаровать: дело поручили мне. Что произошло?

— Попытка ограбления.

— Есть подозреваемый?

— Виновник арестован.

— Тогда надо лишь изложить факты, выдвинуть обвинение и незамедлительно свершить правосудие.

Чечи было явно не по себе.

— Я должен его допросить. Где он?

— В коридоре, слева от вас.

Виновный сидел на наковальне под охраной вооруженного стражника. При виде Пазаира он вскочил.

— Кадаш! Что вы здесь делаете?

— Я прогуливался возле казармы, вдруг на меня налетели и силой привели сюда.

— Неправда, — возразил стражник. — Этот человек проник на склад, там мы его и застали.

— Ложь! Я подам жалобу по поводу нанесенных ударов и грубого обращения.

— Против вас много свидетелей, — напомнил Чечи.

— Что хранится на этом складе? — спросил Пазаир.

— Металлы, в основном медь.

Пазаир обратился к зубному лекарю.

— У вас что, кончилось сырье для инструментов?

— Я жертва недоразумения.

Чечи подошел к судье и прошептал ему несколько слов на ухо.

— Как пожелаете.

Они вдвоем ушли в мастерскую.

— Я провожу исследования, требующие строжайшей секретности. Вы не могли бы устроить закрытый процесс?

— Конечно же, нет.

— В исключительных случаях...

— Не настаивайте.

— Кадаш — уважаемый и состоятельный зубной лекарь. Я не могу объяснить его поступок.

— Какого рода исследованиями вы занимаетесь?

— Оружие. Понимаете?

— Специального закона для вашей деятельности не существует. Если Кадаш будет обвинен в воровстве, он волен защищаться как сочтет нужным, и вам придется давать показания.

— То есть я буду обязан отвечать на вопросы.

— Естественно.

Чечи немного помолчал.

— В таком случае я предпочитаю не подавать жалобу.

— Это ваше право.

— Это прежде всего в интересах Египта. Любопытные уши в суде или где-нибудь еще — и все предприятие окажется под угрозой провала. Предоставляю Кадаша вам; я буду вести себя как ни в чем не бывало. Вы же, судья Пазаир, помните, что обязаны хранить тайну.

Пазаир вышел из казармы вместе с зубным лекарем.

— Против вас не выдвинуто никакого обвинения.

— Зато я собираюсь протестовать!

— Неблагоприятные свидетельства, трудно объяснимое присутствие в этом месте в неурочный час, подозрение в краже... дело получается не из простых.

Кадаш покашлял, рыгнул и сплюнул.

— Ладно, не буду.

— Зато я буду.

— Простите?

— Я согласен вставать среди ночи, вести расследование в любых условиях, но не допущу, чтобы меня дурачили. Объяснитесь, или я обвиню вас в нанесении оскорбления судьбе.

Лекарю вдруг стало трудно говорить.

— Медь высочайшего качества, совершенно чистая медь! Я много лет о ней мечтаю.

— Как вы узнали о существовании этого склада?

— Один офицер из этой казармы оказался... болтливым клиентом. Он похвастался, я решил попытать счастья. Раньше казармы так строго не охранялись.

— Вы решились на воровство?

— Нет, что вы, я был готов заплатить! Я бы отдал за металл несколько тучных быков. Воины любят мясо. А у меня был бы превосходный материал, легкий, прочный! Но этот бесстрастный усатый человечек... С ним невозможно договориться.

— Но не весь же Египет можно подкупить.

— Подкупить? Что вы такое вообразили? Если два человека заключают сделку, это еще не значит, что они мошенники. Вы слишком мрачно смотрите на вещи.

Кадаш ворча удалился.

Пазаир пробродил всю ночь. Объяснения зубного лекаря его не убедили. Запас металлов, казарма... снова армия! Впрочем, вряд ли этот эпизод как-то связан с исчезновением ветеранов; скорее, все дело в отчаянии стареющего лекаря, не желающего признать, что рука его уже не так тверда, как прежде.

Было полнолуние. Согласно легенде, на луне жил заяц, который ножом отсекал голову тьме. Судья с радостью взял бы его к себе в секретари. Ночное солнце росло и таяло, наполнялось светом и снова его теряло; воздушная барка несла его мысли к Нефрет.

Все знали, что нильская вода чрезвычайно полезна для пищеварения, поскольку выводит из организма вредные жидкости. Некоторые врачи полагали, что своими целебными свойствами она обязана лекарственным травам, росшим по берегам реки. Когда начинался разлив, вода вбирала в себя растительные частицы и минеральные соли. Египтяне наполняли тысячи кувшинов, где драгоценная влага могла долго храниться в неизменном состоянии.

Тем не менее Нефрет проверила прошлогодние запасы. Когда содержимое одного из сосудов показалось ей мутноватым, она бросила туда сладкий миндаль. Через сутки вода станет прозрачной и восхитительно свежей. Некоторые кувшины трехлетней давности до сих пор хранили воду в первозданной чистоте.

Удостоверившись, что все в порядке, девушка решила последить за работой прачечника. Во дворце на эту должность назначали человека, пользующегося особым доверием, так как чистоте одежды придавалось большое значение — в любом сообществе, большом или малом, дело это считалось чрезвычайно ответственным. Постирав и выжав белье, прачечник должен был выбить его специальной колотушкой, встряхнуть, высоко подняв руки, и лишь потом развесить на веревке, натянутой между двумя шестами.

— Вы нездоровы?

— Почему вы так думаете?

— Потому что вы работаете вполсилы. Вот уже несколько дней выстиранное вами белье все серое.

— А что вы хотите? Работа тяжелая. Грязное женское белье — такая мука.

— Одной водой тут не обойтись. Возьмите вот это моющее средство и это благовоние.

Прачечник, нахмурившись, взял у Нефрет два сосуда, но, увидев ее улыбку, смягчился.

Чтобы в зерне не завелись насекомые, Нефрет велела пересыпать запасы древесным пеплом — дешевым и действенным средством. Так зерно удастся сохранить до следующего урожая.

Пока она осматривала последний отсек амбара, пришла новая поставка от Кани: петрушка, розмарин, шалфей, тмин и мята. Высушенные и растертые в порошок, эти лекарственные растения служили основой для лекарств, которыми Нефрет лечила больных. Ее снадобья смягчили боли старика, здоровье его заметно улучшилось, он радовался тому, что может оставаться с семьей.

Несмотря на скромность Нефрет ее успехи не прошли незамеченными. Молва быстро распространилась по западному берегу, и к ней потянулись крестьяне из соседних селений. Девушка никому не отказывала и каждому уделяла столько времени, сколько требовалось. После изнурительного дня она полночи занималась приготовлением пилюль, мазей и перевязочных средств. Ей помогали две вдовы, выбранные за их добросовестность. Несколько часов сна — и снова с самого рассвета у дверей выстраивался нескончаемый поток пациентов.

Не так представляла она свою работу, но лечить людей ей нравилось. Стоило только увидеть, как озабоченное лицо вновь обретает жизнерадостность, и она чувствовала, что ее усилия вознаграждены. Небамон оказал ей услугу, заставив приобрести опыт в общении с самыми бедными пациентами. Здесь от красноречия светского лекаря проку было мало. Пахарь, рыбак, мать семейства желали только одного — вылечиться быстро и дешево.

Когда Нефрет одолевала усталость, ее развлекала играми Проказница — зеленая

обезьянка, которую она попросила привезти из Мемфиса. Она напоминала ей о первой встрече с Пазаиром, этим строгим, непримиримым человеком, вызывавшим тревогу и привлекавшим одновременно. Какая женщина сможет жить с судьей, для которого его призвание важнее всего на свете?

Десяток носильщиков составили корзины к дверям новой аптеки Нефрет. Проказница тотчас же принялась прыгать с одной на другую. В корзинах были кора ивы, натрон, белое масло, ладан, мед, смола терпентина и различные животные жиры в огромном количестве.

— Это мне?

— Вы целительница Нефрет?

— Да.

— Значит, это ваше.

— Да, но цена этих веществ...

— Все оплачено.

— Наше дело — доставка. Вот, подпишите.

Потрясенная и обрадованная, Нефрет написала свое имя на деревянной табличке. Теперь она сможет готовить сложные снадобья и в одиночку лечить тяжелые болезни.

***

Когда на закате на пороге жилища появилась Сабабу, Нефрет не удивилась.

— Я ждала вас.

— Вы догадались?

— Мазь от ревматизма скоро будет готова. Все составляющие у меня теперь есть.

Волосы Сабабу были убраны душистым тростником, на шее красовалось ожерелье из сердоликовых цветков лотоса; теперь она несколько не походила на нищенку. Льняное платье, просвечивавшее ниже талии, позволяло любоваться длинными, стройными ногами.

— Я хочу лечиться у вас и только у вас. Все остальные лекари — воры и шарлатаны.

— Вы не преувеличиваете?

— Я знаю, что говорю. Можете назначить любую цену.

— Вы сделали мне роскошный подарок. Такого количества дорогих веществ хватит на сто человек.

— Но я — первая.

— Вы что, разбогатели?

— Я вернулась к своей деятельности. Фивы — город поменьше, чем Мемфис, люди в нем набожны и не столь открыты, однако состоятельные горожане не меньше ценят пивные дома. Я сняла симпатичный домик в центре города, заплатила сколько следует начальнику местной стражи и распахнула двери заведения. Слава о нем быстро облетела город. Подтверждение тому перед вами!

— Вы очень щедры.

— Не обольщайтесь. Я хочу, чтобы меня хорошо лечили.

— А вы будете следовать моим советам?

— Неукоснительно. Я только руковожу заведением, сама я прежней работой не занимаюсь.

— Но вас, наверное, одолевают обожатели.

— Я соглашаюсь улаживать одного мужчину, но платы не беру. Я стала неприступна.

Нефрет слегка покраснела.

— Вас задели мои слова?

— Нет-нет, что вы.

— Вы раздаете людям любовь, а сами-то вы ее получаете?

— Бессмысленный вопрос.

— Знаю, знаю: вы — девственница. Счастлив тот мужчина, что сумеет вас соблазнить.

— Госпожа Сабабу, я...

— Госпожа, я? Вы шутите?

— Закройте дверь и снимите платье. До полного исцеления вы будете приходить сюда

каждый день, и я буду растирать вас бальзамом.

Сабабу легла на массажную плиту.

— Вы тоже заслуживаете настоящего женского счастья.

Из-за сильного течения поток был весьма опасен. Сути поднял Пантеру и понес, перекинув через плечо.

— Прекрати брыкаться. Если упадешь — утонешь.

— Тебе бы только меня унижить.

— Хочешь проверить?

Она присмирела. По пояс в воде, Сути тщательно выбирал дорогу, придерживаясь за большие камни.

— Переберись ко мне на спину и держись за шею.

— Я почти умею плавать.

— Учиться будешь не сейчас.

Молодой человек оступился, Пантера вскрикнула. Чем дальше он продвигался, ловкий и быстрый, тем крепче она к нему прижималась.

— Постарайся расслабить мышцы и подгребай ногами.

Споткнувшись, окунулся с головой, но он устоял на ногах и сумел добраться до берега.

Он вбил кол, привязал к нему веревку и перекинул конец на другой берег, где ее закрепил один из солдат. Пантера за это время вполне могла бы убежать.

Уцелевшие после штурма бойцы и отряд лучников полководца Ашера преодолели препятствие. Последний пехотинец, переоценив свои силы, забавы ради отпустил веревку. Отягченный оружием, он тут же стукнулся о каменную глыбу, потерял сознание и пошел ко дну.

Сути нырнул следом.

Словно радуясь возможности унести сразу две жертвы, течение усилилось. Сути поплыл под водой и скоро нашел несчастного. Двумя руками он схватил его под мышки и, борясь с течением, попытался поднять на поверхность. Солдат пришел в сознание, толкнул спасателя локтем в грудь и исчез в бурлящем потоке. Сути больше не мог бороться.

***

— Ты не виноват, — уверяла Пантера.

— Не люблю смерть.

— Подумаешь, какой-то глупый египтянин!

Он дал ей пощечину. Ошеломленная, она подняла на него глаза, полные ненависти.

— Никто никогда так со мной не обращался!

— Жаль.

— В твоей стране бьют женщин?

— У них те же права и обязанности, что и у мужчин. Строго говоря, тебя не мешало бы выпороть.

Он встал и угрожающе надвинулся на нее.

— Отойди!

— Ты берешь свои слова обратно?

Губы Пантеры оставались плотно сжатыми. Топот копыт отвлек Сути. Солдаты в спешке выбегали из палаток. Он схватил лук и колчан.

— Хочешь уйти — проваливай!

— А ты меня найдешь и убьешь.

Он пожал плечами.

— Да будут прокляты все египтяне!

Но это было не вражеское нападение, а прибытие полководца Ашера и его элитного отряда. По лагерю быстро распространялись новости. Бывший разбойник хлопнул Сути по плечу.

— Я горжусь тем, что знаком с героем! Ашер выделит тебе по меньшей мере пять ослов, два лука, три бронзовых копья и круглый щит. Недолго тебе оставаться простым солдатом. Ты смел, мой мальчик, а это встретишь не часто, даже в армии.

Сути ликовал. Наконец-то он у цели. Теперь надо как можно больше выпросить у людей из окружения полководца и найти в нем слабое звено. Он не ударит лицом в грязь, и Пазаир сможет им гордиться.

Его окликнул огромный детина в шлеме.

— Ты Сути?

— Он, он, — подтвердил бывший разбойник. — Это он обеспечил нам победу над вражеской крепостью, а потом рисковал жизнью, чтобы спасти утопающего.

— Полководец Ашер производит тебя в офицеры и назначает колесничим. С завтрашнего дня будешь помогать нам преследовать этого мерзавца Адафи.

— Он сбежал?

— Да он как угорь! Однако мятеж подавлен и в конце концов мы этого труса схватим. Десятки храбрых воинов полегли в расставленных им ловушках. Он убивает по ночам, как сама похитительница-смерть; он подкупает вождей разных племен и думает только о том, как посеять смуту. Пойдем со мной, Сути. Полководец хочет лично наградить тебя.

Хотя Сути терпеть не мог подобных церемоний, когда тщеславие одних подогревает бахвальство других, он согласился. Личная встреча с полководцем была достойной наградой за все пережитые опасности.

Герой шествовал между двумя шеренгами возбужденных солдат, стучавших мечами по щитам и выкрикивавших имя славного воина. Издали полководец Ашер отнюдь не походил на великого военачальника: низкорослый, сутулый, он больше напоминал писца, погрязшего в административных интригах.

Метрах в десяти от полководца Сути резко остановился.

Его тут же подтолкнули в спину.

— Иди, полководец ждет!

— Не бойся, приятель!

Молодой человек пошел вперед, лицо его смертельно побледнело. Ашер выступил ему навстречу.

— Счастлив познакомиться с лучником, чьи подвиги прославляет все войско. Боец Сути, награждаю тебя золотой мухой^[47] храбрых. Храни этот знак, он послужит доказательством твоей доблести.

Сути протянул руку. Товарищи поздравляли его, все хотели разглядеть и потрогать вожака награду.

Герой смотрел на все невидящим взглядом. Все приписали его поведение смятению.

Когда после официально разрешенной полководцем попойки Сути ушел к себе в палатку, ему вслед посыпались соленые шутки, намекавшие на то, что с красавицей Пантерой его ждут битвы иного рода.

Сути лег на спину с открытыми глазами. Ее он даже не замечал, она не осмелилась заговорить и свернулась калачиком подальше от него. Он был похож на обессиленного демона, жаждущего крови своих жертв.

Полководец Ашер... Перед глазами Сути неотступно стояло лицо главного военачальника — лицо человека, избивавшего и убившего египтянина в нескольких метрах от него.

Полководец Ашер — трус, лжец и предатель.

***

Проникнув сквозь высокое окно, утренний свет озарил одну из ста тридцати четырех колонн гигантского крытого зала, насчитывавшего пятьдесят три метра в длину и сто два в ширину. В карнакском храме зодчие создали самый большой в стране каменный лес, украшенный ритуальными сценами, которые изображали фараона, делающего подношения богам. Яркие, переливающиеся краски проступали лишь в определенные часы. Надо было прожить здесь целый год, чтобы проследить за перемещением солнечных лучей, озарявших скрытые от глаз непосвященных ритуалы и по очереди освещавших колонну за колонной, сцену за сценой.

По центральной аллее вдоль каменных лотосов с раскрытыми цветочными чашами, беседуя, шли два человека. Один из них был Беранир, другой — верховный жрец Амона, семидесятилетний мужчина, на чьи плечи было возложено управление священной обителью бога, забота о ее богатствах и соблюдение иерархии внутри храма.

— До меня дошли слухи о вашем прощении, Беранир. Сколько молодых людей наставили вы на путь мудрости и вдруг решили удалиться от мира и поселиться во внутреннем храме.

— Таково мое желание. Глаза слабеют, ноги не слушаются.

— По-моему, вы еще не настолько стары.

— Видимость обманчива.

— Ваша стезя еще отнюдь не оборвана.

— Все свои познания я передал Нефрет и больше не принимаю пациентов. А дом в Мемфисе я завещал судье Пазаиру.

— Небамон не слишком благоволит к вашей воспитаннице.

— Он подверг ее суровому испытанию, но он не ведает, что она за человек. Дух ее настолько же крепок, насколько кроток ее облик.

— А Пазаир не из Фив ли родом?

— Да, верно.

— Вы, кажется, всецело ему доверяете.

— В нем живет огонь.

— Пламя бывает разрушительным.

— Если его обуздать, оно освещает.

— Какую роль вы ему пророчите?

— Это решит судьба.

— Вы почувствуете людей, Беранир; преждевременный уход на покой лишит Египет вашего дара.

— Найдется преемник.

— Я тоже подумываю об уходе.

— Ваша ноша непосильна.

— В самом деле, день ото дня все тяжелее. Слишком много административных обязанностей и мало времени для молитвы. Фараон и его совет приняли мое прошение, через несколько недель я переселюсь в небольшой домик на восточном берегу священного озера и посвящу себя изучению древних текстов.

— Значит, станем соседями.

— Боюсь, что нет. Ваше жилище будет куда более величественным.

— Что вы хотите сказать?

— Вы назначены моим преемником, Беранир.

***

Денес с супругой приняли приглашение Бел-Трана, хотя состояние свое он сколотил совсем недавно и честолюбием обладал явно непомерным. Госпожа Нанефер полагала, что ему как нельзя более пристало определение выскочка. Однако пренебрегать производителем папируса не следовало; житейская хватка, работоспособность, широкие познания делали его полезным человеком. Ведь получил же он одобрение дворца, да и знакомых при дворе завел весьма влиятельных. Такого человека Денес никак не мог сбросить со счетов, а потому, несмотря на протесты супруги, убедил ее пойти на прием, организованный Бел-Траном по случаю открытия нового склада в Мемфисе.

Денес и Нанефер отправились на прием в роскошных носилках с высокой спинкой и специальной скамеечкой для ног. Резные подлокотники позволяли принять изящную, непринужденную позу. Балдахин защищал их от ветра и пыли, а пара опахал — от слепящих лучей заходящего солнца. Сорок носильщиков бодро шествовали мимо изумленных зевак. Носилки были такими длинными, а ног под ними семенило так много, что процессию быстро обозвали сороконожкой. А между тем слуги распевали: «Полные носилки нам милее пустых», думая о высоком вознаграждении, ожидавшем их по окончании небывалого шествия.

Всеобщее изумление оправдывало расходы. Денес и Нанефер вызвали зависть собравшихся у Бел-Трана и Силкет. Жители Мемфиса еще не видели таких шикарных носилок. Денес отмел комплименты легким движением кисти, а Нанефер пожалела об отсутствии позолоты.

Два виночерпия подали гостям пиво и вино. Весь торговый Мемфис праздновал принятие Бел-Трана в узкий крут людей, наделенных властью. Ему оставалось лишь толкнуть приоткрывшуюся дверь и доказать, чего он стоит, утвердившись окончательно. Суждение Денеса и его супруги обладало солидным весом, никто не мог присоединиться к торговой элите без их одобрения.

Бел-Тран, волнуясь, выбежал навстречу гостям и представил им Силкет, которой было приказано не раскрывать рта. Нанефер окинула ее презрительным взглядом. Денес осматривал усадьбу.

— Это будет склад или магазин?

— И то и другое, — ответил Бел-Тран. — Если все пойдет хорошо, я надеюсь расширить и разделить помещения.

— Далеко идущий план.

— Вам не нравится?

— Чревоугодие не относится к числу добродетелей торговца. Вы не опасаетесь несварения желудка?

— У меня отменный аппетит и с пищеварением все в порядке.

Нанефер потеряла интерес к разговору, предпочтя беседу со старыми друзьями. Денес понимал, что она свое заключение сделала — Бел-Тран представлялся ей человеком неприятным, напористым и бесхарактерным. Его притязаниям суждено было рассыпаться, как плохому песчанику.

Денес в упор посмотрел на хозяина.

— Мемфис отнюдь не столь гостеприимный город, как кажется, подумайте об этом. На ваших плантациях в Дельте вы властвовали безраздельно. Здесь вам предстоит столкнуться с трудностями большого города и вы изнурите себя напрасной суетой.

— Как мрачно вы смотрите на вещи.

— Послушайте моего совета, дорогой друг. У каждого человека свой предел, не стоит его переступать.

— Честно говоря, я предела пока не знаю, а потому у меня страсть ко всему новому.

— В Мемфисе много производителей и продавцов папируса, которые обосновались давно и полностью удовлетворяют спрос.

— А я постараюсь удивить их, предложив продукцию более высокого качества.

— Это не хвастовство?

— Я верю в свою работу и не вполне понимаю ваши... предостережения.

— Я думаю исключительно о ваших интересах. Смиритесь с существующим положением вещей, и вы избавите себя от многих неприятностей.

— Своих вам уже недостаточно?

Тонкие губы Денеса побледнели.

— Что вы хотите сказать?

Бел-Тран подтянул пояс длинного передника, начавшего понемногу сползать.

— Я что-то слышал о правонарушениях, о суде. Ваше предприятие уже не выглядит так привлекательно, как раньше.

Тон разговора изменился. Гости стали прислушиваться.

— Ваши обвинения оскорбительны и беспочвенны. Имя Денеса пользуется уважением во всем Египте, а Бел-Трана не знает никто.

— Времена меняются.

— Все эти сплетни и клеветнические измышления даже не заслуживают ответа.

— Если я хочу что-нибудь сказать, я говорю это во всеуслышанье. А намеки и темные дела оставляю другим.

— Это что, обвинение?

— А вам есть в чем себя упрекнуть?

Госпожа Нанефер взяла мужа под руку.

— Мы и так здесь слишком задержались.

— Будьте осторожны, — посоветовал Денес, глубоко уязвленный. — Один плохой урожай — и вы разорены!

— Я принял меры предосторожности.

— Ваши планы — пустые мечтания.

— Не вы ли станете моим первым клиентом? Я продумаю ассортимент и предложу вам хорошую цену.

— Буду иметь в виду.

Присутствующие разделились. Выпад Денеса поколебал доверие кое-кого из гостей, но Бел-Тран казался вполне уверенным в себе. Столкновение предстояло захватывающее.

Колесница Сути двигалась по труднопроходимой дороге вдоль отвесной скалы. Уже неделю элитный отряд полководца Ашера тщетно преследовал уцелевших мятежников. Сочтя, что в целом край усмирен, полководец дал приказ возвращаться назад.

Сути молча стоял рядом с лучником. Мрачно глядя на дорогу, он сосредоточился на управлении лошадьми. Пантера удостоилась особого обращения: она ехала на осле, тогда как другие пленники вынуждены были идти пешком. Это была милость, оказанная Ашером герою завершавшейся кампании, и никто не находил в этом ничего удивительного.

Ливийка спала в палатке Сути и все больше поражалась перемене, произошедшей с молодым человеком. Обычно столь пылкий и энергичный, он вдруг замкнулся и пребывал в состоянии необъяснимой тревоги. Наконец девушка не выдержала и захотела узнать причину.

— Ты — герой, тебя будут чествовать, ты станешь богат, а выглядишь, как побежденный! Объясни, в чем дело.

— Пленница не должна приставать с расспросами.

— Я буду сражаться рядом с тобой всю жизнь при условии, что ты сохранишь волю к борьбе. Тебе что, жизнь больше не в радость?

— Подавись своими вопросами и замолчи.

Пантера сняла тунику.

Обнаженная, она откинула назад свои светлые волосы и начала медленный танец, извиваясь так, чтобы обратить внимание на каждый изгиб стана. Руки плавно скользили вдоль тела, поглаживая груди, ягодицы, бедра. В ее движениях ощущалась природная гибкость женщин ее племени.

Когда с кошачьей грацией она подобралась к нему поближе, он не отреагировал. Она развязала его набедренную повязку, обвила руками его тело и легла на него. И с радостью убедилась, что герой не утратил боевого пыла. Он желал ее, хотя и не подавал виду. Она скользнула вдоль тела любовника и одарила его жарким поцелуем.

***

— Что меня ждет?

— В Египте ты будешь свободна.

— Ты не оставишь меня при себе?

— Одного мужчины тебе будет мало.

— Стань богатым, и мне будет в самый раз.

— Ты заскучаешь, став уважаемой женщиной. Не забывай, ты же обещала меня предать.

— Ты меня покоришь, а я покорю тебя.

Она продолжала соблазнять голосом, бархатистостью тембра, чарующими модуляциями. Лежа на животе с распущенными волосами и слегка раздвинутыми ногами, она манила его к себе. Сути страстно овладел ею, осознавая, что бесовка наверняка прибегла

к колдовству, чтобы так быстро пробудить его желание вновь.

— Ты больше не грустишь.

— Я пытаюсь заглянуть в свое сердце.

— Поговори со мной.

— Завтра, когда я остановлю колесницу, слезь с осла, подойди ко мне и слушайся моих указаний.

***

— Что-то правое колесо поскрипывает, — сказал Сути лучнику.

— Я ничего не слышу.

— У меня тонкий слух. Такой скрип может предвещать поломку — лучше проверить.

Сути возглавлял колонну. Он съехал с дороги и повернул колесницу в сторону тропинки, уводящей в глубь леса.

— Посмотрим.

Лучник послушно сошел на землю. Сути встал на одно колено и занялся изучением подозрительного колеса.

— Плохо дело, — заключил он. — Две спицы вот-вот сломаются.

— Починить можно?

— Подождем, пока подойдут плотники из инженерного отряда.

Плотники шли в хвосте колонны, сразу за пленниками. Когда Пантера сошла с осла и направилась к Сути, солдаты не преминули отпустить пару колких замечаний.

— Залезай.

Сути оттолкнул лучника, схватил поводья и пустил колесницу во весь опор в сторону леса. Никто и опомниться не успел. Остолбеневшие боевые товарищи терялись в догадках, почему дезертировал герой.

Пантера тоже не могла скрыть изумления.

— Ты что, с ума сошел?

— Надо выполнить одно обещание.

Час спустя колесница остановилась в том месте, где Сути похоронил убитого бедуинами колесничего. Пантера с ужасом наблюдала, как он выкапывает останки. Сути завернул тело в большой кусок материи и завязал с двух сторон.

— Кто это?

— Настоящий герой, который будет покоиться в своей земле рядом с предками.

Сути не стал добавлять, что полководец Ашер вряд ли одобрил бы этот поступок. Когда мрачный ритуал близился к завершению, ливийка издала душераздирающий вопль.

Сути обернулся, но не сумел избежать медвежьих когтей, разодравших ему левое плечо. Он упал, перекатился и попытался спрятаться за камнем. Трехметровый зверь, грузный и ловкий одновременно, стоял на задних лапах и исходил пеной. Разъяренный, он разинул голодную пасть и издал ужасающий рев, распугавший всех птиц в округе.

— Лук, скорее!

Ливийка бросила Сути лук и колчан. Она не могла заставить себя отойти от колесницы

— жалкое, но все же укрытие. В тот момент, когда молодой человек потянулся за оружием, медвежья лапа обрушилась на него второй раз и разодрала спину. Весь в крови, он упал лицом в землю и больше не шевелился.

Пантера завопила снова, чем привлекла внимание зверя. Тяжелые шаги направились к ней, бежать было некуда.

Сути встал на колени. Глаза застилала кровавая пелена. Собрав последние силы, он натянул лук и выстрелил в сторону огромной коричневой массы. Медведь, пораженный в бок, обернулся. И быстро опустившись на четвереньки, разинув пасть, устремился на нападавшего. На грани беспамятства Сути выстрелил снова.

***

Старший врач военного госпиталя Мемфиса уже потерял надежду. Раны Сути были столь глубоки и многочисленны, что непонятно было, как он еще жив. Скоро его страданиям придет конец.

По рассказу ливийки, элитный лучник убил медведя выстрелом в глаз, но не смог увернуться от последнего удара когтей. Пантера подтащила окровавленное тело к колеснице и нечеловеческим усилием взвалила его наверх. Потом она подумала о мертвеце. Как ни омерзительно ей было прикасаться к труп, она помнила, что Сути рисковал жизнью ради того, чтобы доставить его в Египет.

К счастью, лошади оказались послушными и инстинктивно двинулись обратно по той же дороге; скорее они везли ливийку, нежели она управляла ими. Труп офицера-колесничего, дезертир при последнем издыхании и беглая чужестранка — таков был странный экипаж колесницы, встреченной арьергардом отряда полководца Ашера.

Благодаря объяснениям Пантеры и опознанию колесничего были установлены факты. Офицер, павший на поле брани, был награжден посмертно и мумифицирован в Мемфисе; Пантеру отправили работать на полях большой усадьбы; Сути получил похвалу за доблесть и порицание за нарушение дисциплины.

***

Кем попытался темнить.

— Сути в Мемфисе? — удивился Пазаир.

— Войско Ашера вернулось с победой, мятеж подавлен. Недостает только зачинщика, Адафи.

— Когда прибыл Сути?

— Вчера.

— А почему он не здесь?

Нубиец смущенно отвел взгляд.

— Он не может двигаться.

Судья вспыхнул.

— Отвечайте по-существу!

— Он ранен.

— Тяжело?

— Его состояние...

— Правду!
— Его состояние безнадежно.
— Где он?
— В военном госпитале. Не могу вам обещать, что он еще жив.

***

— Он потерял слишком много крови, — сказал старший врач военного госпиталя. — Делать операцию было бы безумием. Надо дать ему спокойно умереть.
— И это все, что может предложить ваша наука? — возмутился Пазаир.
— Я больше ничего не могу для него сделать. Этот медведь разорвал его в клочья; меня поражает сопротивляемость его организма, но все равно у него нет никаких шансов выжить.
— А перевозить его можно?
— Конечно, нет.
Но судья уже принял решение: Сути не должен угаснуть в общей палате.
— Достаньте мне носилки.
— Вы же не станете перевозить умирающего.
— Я его друг и знаю его желание: прожить последние часы в своем селении. Если вы откажетесь мне помочь, вам придется держать ответ перед ним и перед богами.
Врач отнесся к угрозе серьезно. Недовольный мертвец становится привидением, а привидения безжалостно изводят своих жертв, даже если это старшие врачи.
— Только дайте расписку.

***

За ночь судья привел в порядок два десятка незначительных дел, что обеспечивало секретарю работу недели на три. Если он понадобится Ярти, пусть направляет почту в главный суд Фив. Пазаир с радостью посоветовался бы с Бераниром, но тот был в Карнаке — готовился к окончательному уходу от дел.

Рано утром Кем и два санитары вынесли Сути из госпиталя и поместили в удобную каюту легкого судна.

Пазаир сидел рядом с ним и держал его правую руку в своей. В какой-то момент ему показалось, что Сути проснулся и пальцы его зашевелились. Но мимолетное ощущение быстро прошло.

***

— Вы — моя последняя надежда, Нефрет. Военный врач отказался оперировать Сути. Вы согласитесь его осмотреть?

Десятку пациентов, ждавших под пальмами, она объяснила, что вынуждена отлучиться по неотложному вызову. Кем по ее указанию прихватил несколько банок со снадобьями.

— Что сказал врач?
— Что раны, нанесенные медведем, очень глубоки.
— Как ваш друг перенес путешествие?
— Он не приходил в сознание. Был только один момент, когда я, кажется, почувствовал

биение жизни.

— Он сильный?

— Крепок, как скала.

— Серьезные заболевания?

— Никаких.

Осмотр Нефрет продлился более часа. Выйдя из каюты, она поставила диагноз: «Я буду бороться за его жизнь».

— Риск очень велик, — добавила она. — Без моего вмешательства он умрет. Если операция пройдет успешно, он, может быть, выживет.

Она начала оперировать ближе к полудню. Пазаир помогал, подавая требуемые хирургические инструменты. Нефрет применила общую анестезию, использовав кремнистый камень, смешанный с опиумом и корнем мандрагоры; все это она растерла в порошок и давала раненому небольшими дозами. Прежде чем прикоснуться к ране, она разводила порошок в уксусе. Выделялась кислота, которую она собирала в каменный рожок и прикладывала его для местного обезболивания. Длительность действия снадобья она проверяла по своим наручным часам. Обсидиановыми ножами и скальпелями, лезвия которых были острее металлических, она производила надрезы. Движения ее были уверенны и точны. Она перекроила плоть, стянула края каждой раны и сшила их тончайшим шнуром из бычьих кишок; поверх многочисленных швов она для прочности наложила самоклеющиеся повязки, представлявшие собой липкие полоски материи.

Пять часов спустя Нефрет вконец обессилела, а Сути был все еще жив.

К самым глубоким ранам она приложила сырое мясо, жир и мед. Начиная со следующего утра она будет регулярно менять повязки; мягкие растительные волокна, входившие в состав перевязочного материала, обладали защитными свойствами, предохраняли от проникновения инфекции и ускоряли процесс заживления.

Прошло три дня. Сути пришел в сознание и проглотил немного воды и меда. Пазаир не отходил от его изголовья.

— Ты спасен, Сути, спасен!

— Где я?

— На судне неподалеку от нашего селения.

— Ты не забыл... здесь-то я и хотел умереть.

— Нефрет тебя прооперировала, ты выздоровеешь.

— Твоя невеста?

— Необыкновенный хирург и лучшая из врачей.

Суты попытался приподняться, но тут же застонал от боли и упал обратно.

— Главное, не шевелись!

— Я — и в неподвижности...

— Придется немного потерпеть.

— Да, здорово меня искромсал этот медведь!

— Нефрет собрала тебя по частям и сшила заново. Силы к тебе вернутся.

Глаза Суты закрылись. Пазаир перепугался, что он снова теряет сознание, но друг крепко сжал его руку.

— Ашер! Я должен был выжить, чтобы рассказать тебе об этом чудовище!

— Успокойся.

— Ты должен знать правду, судья, ты должен добиться справедливости в этой стране!

— Я тебя слушаю, Сути, только, пожалуйста, не волнуйся.

Раненый немного успокоился.

— Я видел, как полководец Ашер избил и убил египетского солдата. Вместе с ним были азиаты — мятежники, с которыми он якобы борется.

Пазаир подумал было, не бредит ли его друг под действием лихорадки, но Сути говорил медленно и отчетливо, чеканя каждое слово.

— Ты правильно делал, что подозревал его, я же добыл тебе недостающее доказательство.

— Свидетельство, — поправил судья.

— Разве этого недостаточно?

— Он будет все отрицать.

— Мое слово против его!

— Как только встанешь на ноги, надо будет продумать, как себя вести. Пока никому ничего не говори.

— Я буду жить. Буду жить, чтобы увидеть, как этого негодяя приговорят к смерти.

Гримаса боли исказила лицо Сути.

— Ты гордишься мною, Пазаир?

— Мы с тобой дали слово, однажды и навсегда.

***

Слава Нефрет на западном берегу становилась все громче. Коллеги были потрясены успехом операции. Некоторые стали приглашать молодую целительницу лечить сложных больных. Она не отказывала при условии, что жителей приютившего ее селения она будет пользоваться в первую очередь, а Сути будет помещен в Дейр-эль-Бахри ^[48]. Представители врачебной коллегии согласились. Чудом спасенный воин-герой становился гордостью медицины.

В храме Дейр-эль-Бахри почитался Имхотеп — величайший целитель Старого царства, которому было посвящено высеченное в скале святилище. Лекари приходили сюда вознести молитвы и преисполниться мудростью предков, столь необходимой в их ремесле. А еще было несколько больных, набравшихся сил после тяжелой болезни в этом замечательном месте. Они бродили по колоннадам, любовались рельефами, повествующими о подвигах царицы Хатшепсут, гуляли в садах, вдыхая живительный аромат пахучей смолы деревьев, привезенных из загадочной страны Пунт. Медные трубы связывали водоемы с подземными дренажными системами и подавали наверх целебную воду, которую собирали в специальные сосуды, тоже медные. Сути за день опорожнял двадцать таких сосудов, что помогало ему избежать инфекции и послеоперационных осложнений. Благодаря недюжинной силе своего организма он быстро шел на поправку.

Пазаир и Нефрет спускались по длинной цветущей лестнице, соединявшей террасы Дейр-эль-Бахри.

— Вы спасли его.

— Мне повезло и ему тоже.

— Будут ли для него последствия?

— Несколько шрамов.

— Они сделают его еще привлекательнее.

Палящее солнце приближалось к зениту. Они присели в тени акации у подножия лестницы.

— Вы подумали, Нефрет?

Она молчала. Ее ответ осчастливит его или сделает несчастным. В полуденный зной жизнь остановилась. В полях крестьяне заканчивали обед и готовились к долгому послеобеденному сну под сенью тростниковых шалашей. Нефрет закрыла глаза.

— Я люблю вас всем сердцем, Нефрет. Я хотел бы жениться на вас.

— Совместная жизнь... а мы на это способны?

— Я никогда не полюблю другую женщину.

— Как вы можете быть в этом уверены? Такие огорчения быстро забываются.

— Если бы вы меня знали...

— Я понимаю, как серьезны ваши намерения. Именно это меня и пугает.

— Вы увлечены кем-то другим?

— Нет.

— Я бы этого не вынес.

— Ревнуете?

— Сверх всякой меры.

— Вы воображаете, что я идеальная женщина, без недостатков, воплощение всех добродетелей.

— Но вы же не сон.

— Вы видите меня, как во сне. Однажды вы проснетесь и будете разочарованы.

— Я вижу, как вы двигаетесь, вдыхаю ваш аромат. Вы, живая, сидите рядом со мной — это же не сон?

— Мне страшно. Если вы ошибетесь, если мы ошибемся, страдание будет невыносимым.

— Вы никогда меня не разочаруете.

— Я не богиня. И когда вы это осознаете, вы меня разлюбите.

— Вы зря пытаетесь меня разубедить. С самой первой нашей встречи, едва только увидев вас, я понял, что вы — солнце моей жизни. Вы излучаете свет, Нефрет. Вся моя жизнь принадлежит вам, хотите вы того или нет.

— Вы заблуждаетесь. Вы должны привыкнуть к мысли, что вам придется жить вдали от меня; ваша работа ждет вас в Мемфисе, моя — здесь, в Фивах.

— При чем тут моя работа!

— Не отрекайтесь от своего призвания. Разве вы допустили бы, чтобы я бросила лечить людей?

— Требуйте чего угодно, я повинуюсь.

— Не такой вы человек.

— Единственное мое стремление — с каждым днем, с каждым часом сильнее любить вас.

— А вы не преувеличиваете?

— Если вы откажетесь стать моей женой, я исчезну.

— Ставить меня перед таким выбором недостойно вас.

— Да нет, я не хотел. Вы будете любить меня, Нефрет?

Она открыла глаза и грустно посмотрела на него.

— Вводить вас в заблуждение было бы нечестно.

Она ушла, легкая и грациозная. Несмотря на зной, Пазаир окоченел.

Не такой был Сути человек, чтобы долго наслаждаться покоем и тишиной храмовых садов. Поскольку жрицы, среди которых попадались хорошенькие, больными не занимались и оставались вне досягаемости, он общался только с хмурым санитаром, в чьи обязанности входило менять ему повязки.

Меньше чем через месяц после операции он уже бурлил от нетерпения. И даже стоять спокойно не мог, пока его осматривала Нефрет.

— Я выздоровел!

— Не совсем, но состояние ваше не может не радовать. Ни один шов не разошелся, раны зарубцевались, ни малейших признаков заражения.

— Значит, я могу наконец выйти отсюда!

— При условии, что будете себя щадить.

Он не удержался и расцеловал ее в обе щеки.

— Я обязан вам жизнью и не хочу показаться неблагодарным. Если понадобится, только позовите — сразу прибегу. Слово героя!

— Возьмите с собой кувшин целебной воды и пейте по три чашки в день.

— А пиво больше не возбраняется?

— Ни пиво, ни вино, только понемногу.

Суты расправил плечи и потянулся.

— Как же здорово вернуться к нормальной жизни! Ведь это ж надо промучиться столько времени... Только женщины могут помочь мне забыть об этом.

— А вы не думаете жениться на одной из них?

— Да упасет меня богиня Хатхор от такого бедствия! Я — да с верной супругой и кучей писклявых малышей, цепляющихся за мой передник? Любовницы — одна, потом другая, третья — вот мой удел. Все разные, и у каждой свои секреты.

— Как же вы не похожи на своего друга Пазаира, — заметила она с улыбкой.

— Вы не смотрите, что он такой сдержанный: это страстная натура, может, даже более страстная, чем я. Если он осмелился с вами заговорить...

— Осмелился.

— Отнеситесь к его словам всерьез.

— Они меня напугали.

— Пазаир полюбит только один раз. Он из той породы людей, что влюбляются до безумия и всю жизнь в себе это безумие лелеют. Женщине их понять трудно, ей надо привыкнуть, освоиться, повременить, прежде чем брать на себя обязательства. Пазаир — это неистовый поток, а не пучок вспыхнувшей соломы. Его страсть не ослабнет. Он неловок, то слишком робок, то слишком тороплив, но всегда абсолютно искренен. Он никогда не шел на любовные интрижки, его не влекли приключения, потому что его удел — великая любовь.

— А если он ошибается?

— В погоне за своим идеалом он пойдет до конца и не согласится ни на какие уступки.

— Но вы понимаете мои опасения?

— В любви разумные доводы ни к чему. Я желаю вам счастья, какое бы решение вы ни приняли.

Суты понимал Пазаира. Нефрет обладала удивительной, лучезарной красотой.

***

Пазаир сидел под пальмой, опустив голову на колени, он давно ничего не ел. Вся его поза выражала скорбь. Даже дети не приставали к нему, настолько он походил на каменную глыбу.

— Пазаир! Это я, Сути.

Судья не реагировал.

— Ты уверен, что она тебя не любит.

Сути сел рядом с другом, прислонившись спиной к стволу.

— Другой женщины не будет, сам знаю. Пытаться тебя утешать я не стану, а разделить твою боль невозможно. Остается только твой долг.

Пазаир молчал.

— Не можем же мы с тобой позволить Ашеру восторжествовать. Если мы отступим, суд загробного мира приговорит нас ко второй смерти и трусости нашей не будет никакого оправдания.

Судья оставался безучастным.

— Ну и пожалуйста, помирай себе от истощения, без конца думая о ней. Я один пойду против Ашера.

Пазаир вышел из оцепенения и посмотрел на Сути.

— Он тебя уничтожит.

— Каждому свое. Тебе невыносимо равнодушие Нефрет, а мне — лицо убийцы, как наваждение преследующее меня во сне.

— Я тебе помогу.

Пазаир попытался встать, но закружилась голова; Сути взял его за плечи.

— Извини, но...

— Ты часто советовал мне не говорить лишних слов. Сейчас главное — привести тебя в порядок.

***

Двое друзей поднялись на паром, где, как обычно, было полно народу. Пазаира удалось уговорить съесть немного хлеба и лука. Ветер дул здесь прямо в лицо.

— Созерцай Нил, — посоветовал Сути. — Он — само благородство. Рядом с ним все мы ничтожны.

Судья уставился на светлую воду.

— О чем ты думаешь, Пазаир?

— Будто ты не знаешь...

— Почему ты так уверен, что Нефрет тебя не любит? Я говорил с ней, и она...

— Не надо, Сути.

— Может, утопленникам и воздается на том свете, но все равно они — утопленники. А ты обещал свершить суд над Ашером.

— Если бы не ты, я бы отступил.

— Потому что ты сам не свой.

— Наоборот, теперь я как раз свой и ничей более, мой удел — беспросветное одиночество.

— Ты забудешь.

— Тебе этого не понять.

— Время — лучшее лекарство.

— Оно не поможет.

Едва паром подошел к причалу, шумная толпа повалила на берег, толкая перед собой ослов, овец и быков. Друзья переждали, пока иссякнет людской поток, поднялись по лестнице и направились в контору старшего судьи Фив. Никаких посланий на имя судьи Пазаира не приходило.

— Вернемся в Мемфис, — потребовал Сути.

— Почему такая спешка?

— Мне не терпится увидеть Ашера. А теперь расскажи мне, что ты успел предпринять.

Пазаир равнодушно пересказал все этапы своего расследования. Сути внимательно слушал.

— Кто за тобой следил?

— Понятия не имею.

— Это методы верховного стража?

— Вполне возможно.

— Перед тем как уехать из Фив, давай-ка зайдем к Кани.

Пазаир послушно согласился. Ко всему безразличный, он отстранился от реального мира. Отказ Нефрет подтачивал его изнутри.

Кани уже не один работал в своем саду, оборудованном несложными приспособлениями для орошения. Там, где росли овощи, кипела бурная деятельность. Сам садовник занимался лекарственными растениями. Этот коренастый, морщинистый, неторопливый человек таскал на себе шест, на обоих концах которого были подвешены два тяжелых сосуда с водой. Заботу о своих любимцах он не доверял никому.

Пазаир познакомил его с Сути. Кани принялся внимательно его разглядывать.

— Это ваш друг?

— Можете говорить при нем.

— Я продолжал поиски ветерана, тщательно продумывая каждый шаг. Столяры, плотники, водоносы, прачечники, землепашцы — ни один вид ремесла не ускользнул от моего внимания. Но нашлась лишь одна ничтожная зацепка: перед тем как исчезнуть, наш подопечный несколько дней занимался починкой колесниц.

— Не такая уж и ничтожная, — заметил Сути. — Значит, он жив!

— Будем надеяться.

— А может, его тоже устранили?

— Во всяком случае, найти его невозможно.

— Продолжайте, — попросил Пазаир. — Судя по всему, пятый ветеран этот мир еще не покинул.

Что может быть сладостнее и безмятежнее фиванских вечеров, когда с севера веет прохладой, а люди устраиваются в утопающих в зелени беседках и, попивая пиво, любуются красками заката? Утомление проходит, волнения души смирятся, красноватое небо запада сияет красотой богини безмолвия. Постепенно сгущаются сумерки, и их пререзают парящие ибисы.

— Нефрет, завтра я уезжаю в Мемфис.

— Работа?

— Сути был свидетелем предательства. Больше я не хочу ничего говорить ради вашей безопасности.

— А что, это так опасно?

— В этом деле замешаны военные.

— Вы о себе подумайте, Пазаир.

— Вам небезразлична моя судьба?

— Ну не надо так, я всей душой желаю вам счастья.

— Оно зависит только от вас.

— Вы так прямолинейны, если...

— Поедем со мной!

— Это невозможно. Во мне нет такого огня, как в вас. Поймите, я другая, и спешка мне чужда.

— Все очень просто: я вас люблю, а вы меня — нет.

— Нет, все совсем не так просто. День не наступает сразу после ночи, одно время года не сменяет другое в одночасье.

— Вы можете дать мне надежду?

— Пообещать означало бы солгать.

— Вот видите!

— Ваши чувства слишком пламенны и безудержны... Не можете же вы требовать, чтобы я отвечала вам столь же пылко.

— Вы напрасно оправдываетесь.

— Я сама в себе не могу разобраться, а вы хотите, чтобы я обнадежила вас.

— Если я уеду, мы больше никогда не увидимся.

Пазаир медленно пошел прочь, надеясь услышать слова, которые так и не были произнесены.

***

Секретарь Ярти избежал серьезных ошибок, постаравшись не брать на себя никакой ответственности. Квартал жил спокойно, ни одного преступления совершено не было. Пазаир уладил кое-какие мелочи и отправился к верховному стражу, поскольку тот вызвал его к себе.

Монтумес был куда приветливее и предупредительнее, чем обычно.

— Дорогой мой судья! — воскликнул он своим гнусавым голосом. — Я так рад вас видеть. Вы уезжали?

— Это была вынужденная поездка.

— Ваш округ один из самых спокойных; это плоды вашей репутации. Все знают, что вы не шутите с законом. Не хочу вас обидеть, но вид у вас усталый.

— Это пройдет.

— Ладно, ладно...

— Зачем вы меня вызвали?

— Дело весьма щекотливое и... неприятное. Я буквально следовал вашему плану, по поводу того подозрительного зернохранилища, помните? И все же я сомневался, что он сработает. Между нами говоря, я не ошибся.

— Управитель сбежал?

— Да нет... Мне не в чем его упрекнуть. Его не было на месте, когда все это произошло.

— Что произошло?

— Половина запаса зерна была похищена из амбара ночью.

— Вы шутите?

— Увы, это не шутка! Это горькая правда.

— Но ведь за ним же наблюдали ваши люди!

— И да, и нет. Драка, случившаяся неподалеку от зернохранилища, потребовала их незамедлительного вмешательства. Кто их за это упрекнет? А вернувшись к месту наблюдения, они обнаружили хищение. Теперь, как это ни прискорбно, состояние зернохранилища соответствует отчету управителя!

— А виновные?

— Никаких следов.

— Свидетелей тоже нет?

— Квартал был безлюден, дело провернули быстро. Найти воров будет нелегко.

— Полагаю, вы задействовали свои лучшие силы.

— Можете на меня положиться.

— Между нами, Монтумес, какого вы обо мне мнения?

— Ну... Я считаю вас судьей, осознающим свой долг.

— Вы признаете, что у меня есть немного ума?

— Дорогой Пазаир, вы себя недооцениваете!

— В таком случае вы должны понимать, что я не верю ни единому слову из вашей истории.

***

Госпожу Силкет часто одолевали приступы беспричинной тревоги, и она прибегала к услугам заботливого специалиста по нервным расстройствам и толкователя снов. Стены его кабинета были выкрашены в черный цвет, само помещение погружено во тьму. Каждую неделю она ложилась на циновку, рассказывала ему о своих кошмарах и жадно внимала его советам.

Толкователь снов был сириец, уже много лет живший в Мемфисе. С помощью множества колдовских книг и сонников он успокаивал благородных дам и зажиточных

горожанок. Соответственно и вознаграждения получал немалые, обеспечивая постоянную поддержку и утешение бедным созданиям с тонкой душевной организацией!

Толкователь настаивал на неограниченной продолжительности лечения — впрочем, сны ведь никогда не перестают сниться. Разгадать значение образов и видений, осаждающих спящий мозг, мог лишь он один. Будучи человеком исключительно осторожным, он оставлял без ответа заигрывания большинства пациенток, страдавших от неудовлетворенных чувств, и уступал одним лишь миловидным вдовушкам.

Силкет грызла ногти.

— Вы поссорились с мужем?

— Из-за детей.

— Что они натворили?

— Они врут. Но это не так уж страшно! Муж сердится, я за них заступаюсь, так и начинается перебранка.

— Он вас бьет?

— Немножко, но я защищаюсь.

— Он доволен переменой в вашей внешности?

— О да! Он у меня совсем ручной... иногда удается заставить его делать то, что мне надо, при условии, что я не суюсь в его дела.

— А они вас интересуют?

— Нисколько. Мы богаты — это главное.

— Как вы вели себя после последней ссоры?

— Как обычно. Закрылась в своей комнате и ревела в голос. Потом заснула.

— Сны видели?

— Все те же образы. Сначала я увидела туман, поднимавшийся над рекой. Его прорезало что-то вроде парусной лодки. Потом вышло солнце, туман рассеялся. Тот предмет оказался гигантским фаллосом, стремительно двигавшимся вперед! Я отвернулась, захотела укрыться в хижине на берегу Нила.

Но это был не дом, а женский орган, одновременно притягивавший меня и внушавший ужас. У Силкет перехватило дыхание.

— Будьте осторожны, — посоветовал толкователь. — По соннику, увидеть во сне фаллос — к краже.

— А женский орган?

— К нищете.

****

Госпожа Силкет, растрепанная и неприбранная, тотчас же устремила на склад. Ее муж что-то раздраженно говорил двум мужчинам, сокрушенно разводившим руками.

— Извини, что беспокою, дорогой. Нужно принять меры предосторожности, тебя ограбят и мы можем оказаться в нищете!

— Запоздало твое предупреждение. Эти капитаны, как и вся их братия, объясняют, что нет ни одного свободного судна, чтобы доставить мой папирус из Дельты в Мемфис. Наш склад останется пустым.

Гнев Бел-Трана обрушился на Пазаира.

— Чего вы от меня ждете?

— Чтобы вы вмешались и выявили факт нарушения свободы торговли. Заказы накапливаются, а я не могу выполнить ни одной поставки!

— Как только появится свободное судно...

— Оно не появится.

— Злой умысел?

— Проведите расследование и получите доказательства. Каждый час промедления ведет меня к разорению.

— Приходите завтра. Надеюсь, мне удастся что-нибудь обнаружить.

— Я не забуду о том, что вы для меня делаете.

— Не для вас, Бел-Тран, а во имя справедливости.

***

Поручение пришлось по душе Кему, а еще больше — его павиану. Вооружившись предоставленным Бел-Траном списком судовладельцев, они принялись расспрашивать о причинах отказа. Путаные объяснения, сожаления и откровенная ложь убедили их в том, что торговец папирусом не ошибся. Когда наступил час послеобеденного отдыха, Кем дошел до крайнего причала и обратился к старшине, обычно все про всех знавшему.

— Ты знаешь Бел-Трана?

— Слышал.

— И что, нет ни одного свободного судна для его папируса?

— Похоже, что нет.

— Твое, однако, стоит на приколе, причем пустое.

Павиан, не издав ни звука, открыл пасть.

— Убери зверя!

— Скажи правду, и мы оставим тебя в покое.

— Все суда арендовал на неделю Денес.

Под вечер судья Пазаир, строго следуя процедуре, лично допросил судовладельцев, и те вынуждены были показать ему договоры об аренде.

Все они были на имя Денеса.

***

Матросы выгружали с баржи продовольствие, кувшины, мебель. Рядом грузовое судно готовилось к отплытию. Гребцов на борту было немного; почти все место занимали складские отсеки, набитые товаром. Рулевой с веслом наготове уже стоял на своем посту. Не хватало только матроса, который должен был, стоя на корме, измерять дно длинным шестом

через равные промежутки времени. На берегу посреди оживленного портового гомона Денес беседовал с капитаном. Кто-то что-то напевал, матросы переругивались между собой, плотники чинили парусник, каменотесы укрепляли причал.

— Можете уделить мне пару минут? — спросил Пазаир, подходя в сопровождении Кема и павиана.

— С удовольствием, только попозже.

— Извините, что настаиваю, но я очень спешу.

— Но ведь не настолько же, чтобы задерживать отправление судна!

— Увы, именно настолько.

— В чем дело?

Пазаир развернул свиток длиной в метр.

— Вот список совершенных вами правонарушений: насильственная аренда, запугивание судовладельцев, притязания на единоличное распоряжение судами, препятствование свободному перемещению товара.

Денес взглянул на документ. Обвинения судьи были сформулированы четко, по всем правилам.

— Я не согласен с таким изложением фактов: слишком драматично, слишком высокопарно! Я нанял столько судов, потому что мне предстоят незапланированные перевозки.

— Какие именно?

— Различный товар.

— Слишком неопределенно.

— В моем деле необходимо предвидеть разные неожиданности.

— От ваших действий пострадал Бел-Тран.

— Ну вот мы и добрались до сути дела! Я предупреждал, что тщеславие не доведет его до добра.

— Чтобы пресечь переход судов в ваше единоличное распоряжение — а он налицо, — я пользуюсь законным правом отчуждения.

— В добрый час. Возьмите любую баржу у западного берега.

— Меня вполне устроит это судно.

Денес преградил вход на мостик.

— Я запрещаю вам к нему приближаться!

— Лучше я сделаю вид, что ничего не слышал. Препятствовать правосудию — серьезное правонарушение.

Судовладелец смягчился.

— Будьте благоразумны... В Фивах ждут этот груз.

— Бел-Тран понес из-за вас убытки, и правосудие предполагает, что вы должны возместить ущерб. Он согласен не подавать жалобу, чтобы не портить ваших дальнейших отношений. Задержка с транспортом привела к тому, что его склады переполнены. Этого грузового судна едва хватит, чтобы вывезти товар.

Пазаир, Кем и павиан поднялись на борт. Судья не только хотел восстановить справедливость по делу Бел-Трана — его настойчиво подталкивала вперед интуиция.

В нескольких отсеках, сколоченных из досок с отверстиями для воздуха, разместились лошади, быки, козлы и телята. Некоторые животные свободно перемещались по судну, других привязали к закрепленным на палубе кольцам. Кто не боялся качки, разгуливал в

носовой части. В другие отсеки, представлявшие собой простые каркасы из легких деревянных столбиков с навесами, сложили скамейки, стулья и столики.

На корме под большим тентом составили около тридцати передвижных амбаров.

Пазаир подозвал Денеса.

— Откуда это зерно?

— Из зернохранилищ.

— Кто вам его поставил?

— Спросите у старшины.

Тот в ответ предъявил официальный документ с неразборчивой печатью. Он и не думал придавать этому значение, ведь товар самый обычный. На протяжении всего года Денес перевозил зерно, удовлетворяя потребности провинций. Государственные запасы исключали возможность голода.

— Кто отдал приказ о транспортировке?

Старшина этого не знал. Судья перевел взгляд на хозяина, и тот, не колеблясь, повел его в свою портовую контору.

— Мне от вас скрывать нечего, — признался Денес, явно нервничая. — Я, конечно, попытался преподать урок Бел-Трану, но это ведь была просто шутка. Почему вы заинтересовались моим грузом?

— Это тайна следствия.

Архивы были в полном порядке. Денес послушно поспешил достать потребовавшуюся судье глиняную табличку.

Приказ о транспортировке исходил от Хаттусы, хеттской принцессы, возглавлявшей фиванский гарем, дипломатической супруги Рамсеса Великого.

***

Благодаря полководцу Ашеру мир снова пришел в азиатские княжества. Уже в который раз он доказал превосходное знание местных условий. Два месяца спустя после возвращения войска, среди лета, когда благодатный разлив удобрял плодородным илом почву обоих берегов, в честь полководца было организовано грандиозное празднество. Победенные Ашером народы заплатили Египту дань: тысячу лошадей, пятьсот невольников, десять тысяч овец, восемьсот коз, четыреста быков, сорок боевых колесниц, сотни копий, мечей, кольчуг, щитов и двести тысяч мешков зерна.

Перед царским дворцом выстроились элитные отряды, личная стража фараона и стража пустыни, а также представители четырех отрядов Амона, Ра, Птаха и Сета, куда входили конница, пехота и лучники. Офицеры явились на зов все до единого. Египет демонстрировал свою военную мощь и славил заслуженного военачальника. Рамсес должен был вручить ему пять золотых ожерелий и объявить о трехдневных праздниках по всей стране. Ашер становился одним из первых лиц в государстве, вооруженной десницей царя и несокрушимой преградой на пути любого захватчика.

Пришел на праздник и Сути. Полководец выделил герою недавней кампании колесницу для участия в парадах, и ему в отличие от большинства офицеров не пришлось думать о покупке экипажа и дышла. За двумя лошадьми ухаживали три солдата.

Перед парадом молодой человек принял поздравления полководца.

— Продолжай служить родине, Сути. Я уверен, тебя ждет блестящее будущее.

- На душе у меня неспокойно, полководец.
- Что ты такое говоришь?
- Я не смогу спать спокойно, пока мы не поймаем Адафи.
- Узнаю героя, отважного и благородного.
- Я вот думаю... мы же все прочесали, как ему удалось ускользнуть?
- Мерзавец хитер и проворен.
- Готов поклясться, он предугадывает все наши планы.

На челе полководца Ашера пролегла морщина.

- Ты натолкнул меня на мысль... в наших рядах шпион.
- Это невероятно.

— Что мог, он уже сделал. Но не стоит слишком переживать: мы с моим штабом займемся этой проблемой. Будь уверен, недолго этому гнусному мятежнику разгуливать на свободе.

Ашер потрепал Сути по щеке и перешел к другому герою. Намеки, даже весьма прозрачные, его нисколько не смутили.

На какой-то миг Сути засомневался, не ошибся ли он. Но жуткая сцена отчетливо стояла перед глазами. По наивности он надеялся, что предатель утратит хладнокровие.

***

Фараон выступил с длинной речью, основное содержание которой гонцы разнесли по городам и весям. Верховный предводитель всего египетского войска, он обеспечивал мир и безопасность границ. Четыре основных отряда, общей численностью в двадцать тысяч воинов, оградят Египет от любой попытки вторжения. Конница и пехота, куда завербовалось множество нубийцев, сирийцев и ливийцев, будут радеть о счастье Обеих Земель и защищать их от любого супостата, даже если наемникам придется воевать против своих бывших соотечественников. Царь не потерпит ни малейшего нарушения дисциплины, визирь же обязуется неукоснительно исполнять его повеления.

За честную и непорочную службу военачальник Ашер назначается ответственным за подготовку офицеров, которым предстоит отправиться с войском в Азию для контроля за тамошней ситуацией. Его опыт должен оказать им неоценимую помощь. Как знаменосец по правую руку от царя, полководец будет постоянно участвовать в решении тактических и стратегических вопросов.

***

Пазаир открывал какое-нибудь дело, тут же его закрывал, сортировал уже рассортированные документы, отдавал секретарю противоречивые приказания и забывал погулять с собакой. Ярти больше не смел задавать вопросов, потому что судья отвечал невпопад.

Каждый день на Пазаира все более настойчиво наседали Сути — видеть Ашера на свободе становилось просто нестерпимо. Судья ни в коем случае не допускал спешки, но сам

ничего конкретного не предлагал и вырвал у друга обещание не предпринимать необдуманных шагов. Действовать против полководца легкомысленно означало заранее обречь себя на провал.

Сути видел, что это дело почти не занимает Пазаира — погруженный в горестные мысли, он понемногу угасал.

Сначала судья думал, что уйдя с головой в работу, он сможет забыть Нефрет. Но разлука только усугубляла его отчаяние. Поняв, что со временем боль становится все невыносимее, он решил превратиться в тень. Попрощавшись с псом и ослом, он вышел из Мемфиса и направился к западу, в сторону ливийской пустыни. Довериться Сути у него не хватило духа, ибо он заранее мог представить, что скажет друг. Знать, что такое любовь, и не иметь возможности сделать ее своей жизнью — такую нестерпимую муку он больше выносить не мог.

Пазаир шел под палящим солнцем по раскаленному песку. Он взобрался на холм и сел на камень, устремив взгляд в пространство. Со временем небо и земля сомкнутся над ним, жара высушит тело, гиены и коршуны уничтожат останки. Не позаботившись о погребении, он оскорблял богов и обрекал себя на вторую смерть, исключавшую возрождение; но можно ли придумать худшее наказание, чем вечность без Нефрет?

Ни о чем не думая, не обращая внимания на ветер и колкий песок, Пазаир растворился в пустоте. Слепое солнце, неподвижный свет... Исчезнуть, оказывается, не так-то просто. Судья сидел неподвижно, уверенный, что погружается в последний сон.

Когда рука Беранира легла ему на плечо, он не пошевелился.

— Утомительная прогулка для моего возраста. Вернувшись в Фивы, я рассчитывал отдохнуть, а пришлось искать тебя по всей пустыне. Даже с моим прутиком это оказалось непросто. На, глотни.

Беранир протянул ученику флягу со свежей водой. Тот помедлил, неуверенно поднес горлышко к пересохшим губам и отпил глоток.

— Отказаться означало бы вас оскорбить, но больше я ни в чем уступать не намерен.

— Ты силен, кожа твоя не сгорела и голос дрожит едва заметно.

— Пустыня заберет мою жизнь.

— Тебе будет отказано в смерти.

Пазаир вздрогнул.

— Я наберусь терпения.

— Терпение не поможет, ибо ты нарушил клятву.

Судья резко выпрямился.

— Вы — мой учитель, и вы...

— Правда — тяжкая вещь.

— Я не нарушал слова!

— Тебе изменяет память. Приступая к своей первой должности в Мемфисе, ты дал клятву, и свидетелем тому был камень. Посмотри вокруг, взглядишь в пустыню: тот камень превратился в тысячу камней, и все они напоминают тебе о священном обязательстве, принятом в тот день перед богами, перед людьми и перед самим собой. Ты же знал, Пазаир: судья — не обычный человек. Твоя жизнь больше не принадлежит тебе. Можешь губить и коверкать ее сколько хочешь, это все неважно: клятвопреступник обречен блуждать среди злобных теней, раздирающих друг друга на части.

Пазаир пристально посмотрел на учителя.

- Я не могу жить без нее.
- Ты должен исполнять обязанности судьи.
- Без радости и надежды?
- Правосудию нужны не чувства и настроения, а честность и справедливость.
- Забыть Нефрет невозможно.
- Расскажи мне о своих расследованиях.

Загадка сфинкса, пятый ветеран, полководец Ашер, похищенное зерно... Пазаир изложил факты, не скрывая своих сомнений.

— Ты, скромный судья, стоящий в самом низу иерархической лестницы, призван решать дела исключительной важности, вверенные тебе судьбой. Они выше твоего разума скромного человека, но от них, возможно, зависит будущее Египта. Неужели ты настолько равнодушен, что готов бросить все?

- Хорошо, раз вы хотите, буду действовать.
- Этого требует твоя должность. Думаешь, моя легче?
- Вы скоро будете наслаждаться тишиной храма.
- Не только тишиной, Пазаир, но и всей его жизнью в целом. Меня против воли назначили верховным жрецом Карнака.

Лицо судьи просияло.

- И когда вы получите золотое кольцо?
- Через несколько месяцев.

***

Два дня Сути разыскивал Пазаира по всему Мемфису. Он чувствовал, что в таком отчаянии друг вполне способен наложить на себя руки.

Судья появился в своей конторе с лицом, потемневшим от солнца. Сути устроил знатную попойку, сдобренную воспоминаниями детства. Утром они искупались в Ниле, но так и не смогли избавиться от мучительной боли в висках.

- Где ты прятался?
- Предавался размышлениям в пустыне. Меня привел Беранир.
- Ну и что ты решил?
- Как бы ни был уныл и бесцветен путь, я останусь верен клятве судьи.
- Счастье все равно придет.
- Ты прекрасно знаешь, что нет.
- Будем сражаться вместе. С чего думаешь начать?
- С Фив.
- Из-за нее?
- Ее я больше не увижу. Мне надо разобраться с незаконной торговлей зерном и найти пятого ветерана. Его свидетельство сыграет решающую роль.
- А если он мертв?
- Благодаря Бераниру я уверен, что он где-то прячется. Прутик лозоходца не ошибается.
- Но это может занять немало времени.
- Следи за Ашером, изучай, что и как он делает, и постарайся отыскать в его поведении слабое место.

Колесница Сути поднимала тучи пыли. Новоиспеченный колесничий распевал озорную песенку, прославлявшую женское непостоянство. Сути не унывал: в каком бы ни был состоянии Пазаир, но слово свое он сдержит. Надо при первом же удобном случае познакомить его с веселенькой девицей, которая поможет ему развеять грусть-печаль.

Ашер от правосудия не уйдет, а вот ему, Сути, надо уладить одно дело.

Колесница проехала между двумя столбами, обозначавшими въезд в усадьбу. Было так жарко, что большинство крестьян отдыхало в тени. Перед усадьбой приключилось неприятное происшествие: осел опрокинул поклажу.

Сути остановился, спрыгнул на землю и отстранил погонщика, замахнувшегося палкой на провинившееся животное. Колесничий остановил обезумевшего осла и успокоил его, ласково потрепав за уши.

— Нельзя бить осла.

— А как же мой мешок с зерном? Ты что, не видишь, что он его сбросил?

— Это не он, — поправил какой-то мальчишка.

— А кто же?

— Ливийка. Она смеху ради втыкала ему в зад колючки.

— Снова она! Вот кого надо бы выдрать хорошенько.

— Где она?

— У озера. Стоит погнаться за ней, как она забирается на иву.

— Я разберусь с ней.

Едва он подошел, Пантера влезла на дерево и устроилась на одной из толстых веток.

— Слезай.

— Уходи! Это из-за тебя я оказалась в рабстве!

— Я должен был умереть, помнишь? А вместо этого пришел тебя освободить. Прыгай в мои объятия.

Она не заставила просить себя дважды. Сути не устоял на ногах, сильно стукнулся о землю и поморщился от боли. Пантера провела пальцем по шрамам.

— Что, другим женщинам ты не нужен?

— Мне на некоторое время необходима преданная сиделка. Будешь делать мне массаж.

— Ты весь в пыли.

— Гнал во весь опор — так не терпелось тебя увидеть.

— Врешь!

— Ты права, надо было помыться.

Он встал и с девушкой на руках побежал к озеру. Не разнимая объятий, они бросились в воду.

Небамон примерял парадные парики, приготовленные цирюльником. Ни один из них ему не нравился: слишком тяжелые, слишком замысловатые. Следовать моде становилось все труднее и труднее. Одолеваемый просьбами состоятельных особ, жаждущих перекроить телеса, дабы сохранить свою неотразимость, вынужденный возглавлять административные комиссии и устранять своих наиболее вероятных преемников, он горько сожалел, что рядом с ним нет такой женщины, как Нефрет. Неудачи вызывали у него раздражение.

Над ним склонился личный секретарь.

— Я раздобыл интересующие вас сведения.

— И что же, нищета и отчаяние?

— Не совсем.

— Она оставила медицину?

— Совсем даже наоборот.

— Ты что, смеяться надо мной вздумал?

— Нефрет основала сельскую лечебницу и аптеку, провела несколько хирургических операций, снискала благоволение фиванских властей. Ее слава растет день ото дня.

— Это просто безумие! У нее нет никакого состояния. Как ей удастся добывать редкие и дорогие вещества?

Личный секретарь улыбнулся.

— Вы останетесь мною довольны.

— Говори.

— Я восстановил весьма странную цепочку. Вы что-нибудь слышали о госпоже Сабабу?

— Кажется, она содержала пивной дом в Мемфисе?

— Причем самый знаменитый. Потом вдруг ни с того ни с сего бросила свое заведение, хотя оно приносило немалый доход.

— А Нефрет-то тут при чем?

— Да при том, что Сабабу не только лечится у нее, но и поддерживает материально. Она предоставляет жителям Фив услуги молодых и хорошеньких девиц, получает на этом изрядную прибыль и делит барыши с целительницей. Не правда ли, налицо поправление морали?

— Лекарь, существующий на средства проститутки... теперь она у меня в руках.

— У вас отменная репутация, — сказал Небамон Пазаиру. — Вас не прельщает богатство, вы не боитесь посягать на привилегии, в общем, правосудие — ваш хлеб насущный, а неподкупность — вторая натура.

— Разве это не самое меньшее, что требуется от судьи?

— Конечно, конечно... потому-то я вас и выбрал.

— Я должен чувствовать себя польщенным?

— Я рассчитываю на вашу порядочность.

Пазаир с детства плохо переносил обольстителей с деланной улыбкой и заранее просчитанными манерами. Старший лекарь его неимоверно раздражал.

— Того и гляди, может разразиться страшный скандал, — прошептал Небамон так, чтобы секретарь его не услышал. — Скандал, способный опозорить мою профессию и бросить тень на всех целителей.

— Говорите яснее.

Небамон обернулся к Ярти.

С одобрения судьи секретарь удалился.

— Жалобы, суды, административная волокита... Как бы нам избежать этих нудных формальностей?

Пазаир хранил молчание.

— Вы хотите узнать больше, это вполне понятно. Я могу рассчитывать на вашу сдержанность?

Судье с трудом удавалось оставаться спокойным.

— Одна из моих учениц, Нефрет, допустила ошибки, за которые получила от меня взыскание. В Фивах ей надлежало вести себя скромно и осмотрительно, полагаясь на более компетентных собратьев по профессии. Она меня очень разочаровала.

— Снова оплошности?

— Промах за промахом, все более достойные сожаления. Неконтролируемая деятельность, несвоевременные предписания, собственная аптека.

— Разве это противозаконно?

— Нет, но у Нефрет не было средств, чтобы так организовать свою работу.

— Значит, к ней были благосклонны боги.

— Да не боги, судья Пазаир, а женщина легкого поведения, Сабабу, хозяйка пивного дома из Мемфиса.

Судя по напряженному голосу и важному тону, Небамон ожидал возмущенной реакции.

Пазаир казался безучастным.

— Ситуация весьма настораживающая, — продолжал старший лекарь. — Не сегодня завтра кто-нибудь узнает правду и заклеит достойных целителей.

— Вас, например?

— Разумеется, я же был учителем Нефрет! Я не могу подвергать себя такому риску.

— Сочувствую, но плохо понимаю, чем я могу быть полезен.

— Незаметное, но твердое вмешательство могло бы устранить недоразумение. Поскольку пивной дом Сабабу относится к вашему округу, а в Фивах она работает под вымышленным именем, поводов предъявить обвинение у вас предостаточно. А Нефрет

можно пригрозить суровыми мерами, если она станет упорствовать в своих неразумных начинаниях. Предостережение должно вернуть ее к обычной деревенской практике, которая ей по плечу. Естественно, я не прошу вас о безвозмездной помощи. Любая карьера строится. Я предоставляю вам великолепную возможность продвинуться по иерархической лестнице.

— Я тронут.

— Я знал, что мы найдем общий язык. Вы молоды, умны и честолюбивы в отличие от стольких ваших коллег, которые так цепляются за букву закона, что зачастую упускают из виду его смысл.

— А если у меня не получится?

— Я подам жалобу против Нефрет, вы возглавите суд, мы выберем присяжных. Мне бы не хотелось до этого доводить, постарайтесь быть убедительным.

— Приложу все усилия.

Небамон расслабился, чувствуя, что поступил правильно. Он не ошибся в судье.

— Я рад, что обратился по адресу. Когда имеешь дело с достойным человеком, устранить неприятности нетрудно.

***

Божественные Фивы, где познал он счастье и горе. Чарующие Фивы, поражающие великолепием рассветов и фееричностью закатных красок.

Неумолимые Фивы, куда судьба приводит его в поисках истины, постоянно ускользающей из его рук, словно обезумевшая ящерица.

Он увидел ее на пароме.

Она возвращалась с восточного берега; он пересекал реку, чтобы добраться до селения, в котором она жила. Вопреки опасениям она от него не отвернулась.

— Мои слова не были пустым обещанием. Этой встречи не должно было быть.

— Вы начали понемногу забывать меня?

— Ни на миг.

— Вы сами себя мучаете.

— Вам-то что за дело?

— Ваши страдания меня огорчают. Нужно ли растравлять душу, ища новых встреч?

— Сейчас к вам обращается судья и только судья.

— В чем меня обвиняют?

— В том, что вы пользуетесь щедростью проститутки. Небамон требует, чтобы ваша деятельность не выходила за пределы селения и чтобы серьезных больных вы направляли к другим лекарям.

— А если я не послушаюсь?

— Он попытается признать вас виновной в безнравственном поведении, а значит, вовсе запретить вам практиковать.

— Это серьезная угроза?

— Небамон — влиятельный человек.

— Я не покорилась ему, а сопротивления он не выносит.

— Ну и как, намерены отступить?
— Что бы вы тогда обо мне подумали?
— Небамон рассчитывает, что я смогу вас убедить.
— Он плохо вас знает.
— И это дает нам шанс. Вы мне доверяете?
— Безусловно.

Его заворожила прозвучавшая в голосе нежность. Неужели бывшего равнодушия больше нет, неужели она действительно смотрит на него иным, не столь отстраненным взглядом?

— Не волнуйтесь, Нефрет. Я помогу вам.

Он проводил ее до селения, надеясь, что дороге не будет конца.

***

Поглотитель теней успокоился.

Поездка судьи Пазаира явно была делом сугубо личным. Он и не думал искать пятого ветерана, он ухаживал за красавицей Нефрет.

Вынужденный принимать исключительные меры предосторожности из-за присутствия нубийца и его обезьяны, поглотитель теней постепенно убеждался в том, что пятый ветеран умер естественной смертью или же убежал так далеко на юг, что о нем больше никто никогда не услышит. Собственно, необходимо было только его молчание.

Однако он продолжал осторожно следить за судьей.

***

Павиан нервничал.

Кем пристально посмотрел по сторонам, но ничего необычного не заметил. Крестьяне со своими ослами, рабочие, чинящие плотины, водоносы... И все же павиан чуял опасность.

Удвоив бдительность, нубиец подошел поближе к судье и Нефрет. Впервые он восхищался человеком, которому служил. Молодой судья был одержим несбыточным идеалом, одновременно силен и уязвим, практичен и мечтателен, но руководствовался он только порядочностью. В одиночку ему не одолеть злобной человеческой природы, но пошатнуть ее всевластие он может. А это даст надежду людям, страдающим от несправедливости.

Кем предпочел бы, чтобы он не ввязывался в столь опасное предприятие, ибо рано или поздно это будет стоить ему головы; но как тут его упрекнешь, когда убиты ни в чем не повинные люди? Доколе не будет поправа память о простых людях, доколе будут существовать судьи, не желающие потакать сильным только потому, что они богаты, — доколе жить и процветать Египту.

***

Нефрет и Пазаир шли молча. Он мечтал о такой прогулке: они рядом, рука об руку, и этого достаточно. Шагают в одном темпе, словно давно приноровились друг к другу. Он стремился урвать мгновения невозможного счастья, цеплялся за мираж, дорожа им куда более, чем реальной действительностью.

Нефрет шла быстро, словно летела; казалось, ноги ее едва касались земли, в движениях — ни малейших признаков усталости. Он наслаждался упоительной возможностью идти с ней рядом, он с радостью стал бы ее слугой, усердным и неприметным, если бы не надо было оставаться судьей, дабы защитить ее от надвигавшейся бури. Он обольщается или она стала держаться с ним менее холодно? А что, если для нее тоже важно побыть вдвоем с ним и ничего не говорить: возможно, она понемногу привыкнет к его страсти, если он будет молчать.

Они вошли в помещение аптеки, где Кани сортировал лекарственные растения.

— Урожай превосходный.

— Только, боюсь, никому не нужный, — посетовала Нефрет. — Небамон вновь чинит мне препятствия.

— Если б можно было травить людей...

— Ничего у старшего лекаря не выйдет, — заявил Пазаир. — Я этого так не оставлю.

— Он опаснее гадюки. Берегитесь, он и вас тоже укусит.

— О, новые растения?

— Храм выделил мне большой участок земли и сделал меня своим официальным поставщиком.

— Вы это заслужили, Кани.

— Я не забыл о нашем расследовании. Мне удалось побеседовать с писцом, занимающимся учетом населения: ни один ветеран из Мемфиса не нанимался на работу в мастерские или в усадебные хозяйства за последние полгода. Любой воин, вышедший на пенсию, должен заявить, где он живет, иначе он утратит все свои права. А это означает обречь себя на нищету.

— Наш ветеран настолько напуган, что предпочитает нищету привилегиям.

— Может, он уехал из страны?

— Я уверен, что он скрывается на западном берегу.

* * *

Пазаира одолевали противоречивые чувства. С одной стороны, на душе было легко, почти весело; с другой — в ней царили мрак и безысходность. Повидав Нефрет, ощутив, что она стала ближе и дружелюбнее, он воспрял духом, но смириться с тем, что она никогда не станет его супругой, значило погрузиться в бездну отчаяния.

Борьба ради нее, ради Сути и ради Бел-Трана не давала ему вновь и вновь возвращаться к одним и тем же мыслям. Слова Беранира вернули все на свои места: египетский судья не принадлежит себе.

В гареме западных Фив был устроен праздник в честь победоносного завершения азиатской кампании, во славу величия Рамсеса, восстановления мира и в ознаменование доблести полководца Ашера. Ткачихи, музыкантши, танцовщицы, воспитательницы, парикмахерши, создательницы цветочных композиций прогуливались по саду и, вкушая

сладости, судачили о всякой всячине. Под навесом, защищавшим от солнечных лучей, подавали соки. Женщины разглядывали, кто как одет, восхищались, завидовали, обсуждали друг друга.

Пазаир пришел не вовремя, тем не менее ему удалось пробраться сквозь толпу гостей к хозяйке праздника, затмившей красотой всех своих приближенных. В совершенстве владея искусством макияжа, Хаттуса не скрывала своего презрения по отношению к неумело накрашенным модницам. Все стремились подойти к ней поближе, она же только и делала, что отпускала шпильки в адрес многочисленных льстецов.

— А вы случайно не судья из Мемфиса?

— Если вы позволите потревожить себя в такой момент, я был бы счастлив поговорить наедине.

— Отличная идея! Надоели светские условности. Пойдемте к пруду.

Кто такой этот скромный с виду судья, сумевший добиться расположения самой неприступной в мире царевны? Скорее всего Хаттуса решила поиграть с ним, а потом выбросить, как надоевшую куклу. Чужеземка славилась своими причудами.

Белые и голубые лотосы плавали по поверхности воды, слегка подернутой мелкой рябью. Хаттуса и Пазаир сели на раскладные стулья под сень опахала.

— Сколько будет пересудов, судья Пазаир. Мы ведь нарушили этикет.

— Очень вам за это признателен.

— Ну как, наслаждаетесь великолепием моего гарема?

— Имя Бел-Тран вам о чем-нибудь говорит?

— Нет.

— А Денес?

— Тоже нет. Это что, допрос?

— Мне необходимо ваше свидетельство.

— Насколько я знаю, эти люди в моей свите не состоят.

— Денес, крупнейший судовладелец Мемфиса, получил подписанный вами приказ.

— А мне какое дело? Думаете, меня интересуют подобные мелочи?

— Направлявшееся сюда судно было нагружено ворованным зерном.

— Боюсь, я не совсем понимаю.

— Судно, зерно и приказ о перевозке с вашей печатью арестованы.

— Вы что, в воровстве меня обвиняете?

— Я хотел бы, чтобы вы объяснили происходящее.

— Кто вас послал?

— Никто.

— Вы действуете на свой страх и риск... Я вам не верю.

— Напрасно.

— Мне снова пытаются навредить и на сей раз прибегают к помощи безмозглого судьишки, пляшущего под чужую дудку!

— Оскорбление судьбы, отягченное клеветой, карается палочными ударами.

— Нет, вы просто безумец! Вы осознаете, с кем говорите?

— С очень высокопоставленной дамой, которая, однако, подчиняется закону так же, как последняя крестьянка. Итак, вы замешаны в деле о хищении зерна, принадлежащего государству.

— А мне плевать.

- Замешаны — не значит виновны. Поэтому я жду, что вы скажете в свое оправдание.
- До этого я не унижусь.
- Если вы невиновны, чего вам бояться?
- Вы осмелились поставить под сомнение мою честность!
- Меня вынуждают факты.
- Вы слишком далеко зашли, судья Пазаир, слишком далеко.

Вне себя от гнева, она встала и пошла вперед. Приближенные расступились, боясь, как бы царица не сорвала на них раздражение.

***

Спустя три дня Пазаира принял старший судья Фив, обстоятельный мужчина в летах, близко знавший верховного жреца карнакского храма. Он внимательно изучил материалы дела.

- Работа выполнена замечательно и по сути, и по форме.
- Поскольку дело выходит за рамки моей юрисдикции, предоставляю вам довести его до конца. Если вы сочтете, что необходимо мое участие, я готов созвать суд.
- Каково ваше личное убеждение?
- Незаконный вывоз зерна доказан. Денес, как мне кажется, ни при чем.
- Верховный страж?
- Наверное, в курсе дела, но до какой степени?
- Царица Хаттуса?
- Она отказалась давать мне какие бы то ни было объяснения.
- Очень досадно.
- Но ведь ее печать не сотрешь.
- Разумеется, но кто ее поставил?
- Она и поставила. Это личная печать, вделанная в кольцо. Как и все, кто стоит у власти, она с ним никогда не расстается.
- Тут мы ступаем на опасную территорию. Хаттуса не очень популярна в Фивах; слишком надменна, слишком своевластна, слишком всем недовольна. Даже разделяя общее мнение, фараон вынужден ее защищать.
- Красть зерно, предназначенное для народа, — серьезное преступление.
- Согласен, но мне хотелось бы избежать публичного процесса, способного повредить царю.
- Впрочем, вы же сами сказали, следствие еще не закончено.
- Лицо Пазаира помрачнело.
- Не волнуйтесь, дорогой коллега. Как старший судья Фив я не позволю вашему делу затеряться в архивной пыли. Просто я хотел бы как следует аргументировать обвинение, ибо истцом здесь выступит само государство.
- Спасибо за уточнение. Что же касается публичного процесса...
- Он предпочтительнее, знаю. Но вам что важнее — истина или голова царицы Хаттусы?

— Я к ней особой враждебности не питаю.

— Я попытаюсь уговорить ее сказать правду, официально вызову к себе, если понадобится. Пусть она сама решает свою судьбу. Если она виновна, ей не избежать наказания.

Казалось, судья говорит вполне искренне.

— Вам нужна моя помощь?

— В данный момент нет, тем более что вас срочно вызывают в Мемфис.

— Мой секретарь?

— Старший судья царского портика.

Гнев госпожи Нанефер долго не утихал. Как мог ее муж повести себя настолько глупо? Он никогда не разбирался в людях, вот и сейчас решил, что Бел-Тран покорится без борьбы. В результате — катастрофа: впереди судебное разбирательство, арестовано грузовое судно, нависло обвинение в краже, а этот молодой крокодил торжествует.

— Потрясающий итог!

Денес не терял присутствия духа.

— Скушай еще кусочек жареного гуся, это так вкусно.

— Ты ведешь нас к позору и разорению.

— Успокойся, удача переменчива.

— Удача — да, зато твоя глупость постоянна!

— Ну задержали судно на несколько дней, что тут такого? Все товары перегрузили на другое, скоро оно прибудет в Фивы.

— А Бел-Тран? Теперь у нас не война, а взаимовыгодное сотрудничество. Ему нас не вытеснить, урок пошел ему на пользу. Мы даже готовы вывезти часть его товара по вполне умеренным ценам.

— А обвинение в краже?

— Несостоятельно. Документы и свидетели подтвердят мою невиновность. Да я тут и в самом деле ни при чем. Меня подставила Хаттуса.

— А претензии Пазаира?

— Согласен, это неприятно.

— Значит, проигранный процесс, запятнанная репутация и штрафы!

— До этого пока не дошло.

— Ты что же, веришь в чудеса?

— Если хорошенько подготовиться, почему бы и нет?

***

Силкет прыгала от радости. Только что она получила алоэ — десятиметровый стебель, увенчанный желтыми, оранжевыми и красными цветами. Сок этого растения содержит масло, которым она натрет гениталии во избежание каких бы то ни было воспалительных процессов. Им же она будет лечить кожную болезнь, из-за которой ноги ее мужа пошли болезненными красными пятнами. Кроме того, Силкет наложит ему мазь из яичного белка и цветов акации.

Когда Бел-Тран узнал, что его вызывают во дворец, язвы зачесались с удвоенной силой. Но он решил пренебречь недугом и с тревогой отправился в контору.

Бел-Тран вернулся после полудня.

— В Дельту мы вернемся не скоро. Придется назначить местного управляющего.

— Нас отстраняют от дела?

— Наоборот. Меня всю хвалили за разумное управление и расширение предприятия.

Оказывается, во дворце за моей деятельностью пристально наблюдали уже два года.

— Кто же пытается тебе вредить?

— Да никто! Старший смотритель амбаров следил за моим возвышением и задавался вопросом, как я поведу себя в случае успеха. Увидев же, что я стал работать еще больше, он предложил мне работать вместе с ним.

Силкет пришла в полный восторг. Старший смотритель амбаров устанавливал и собирал налоги продуктами, следил за перераспределением продовольствия в провинциях, руководил работой специально подготовленных писцов, инспектировал провинциальные центры сбора податей, собирал данные о доходах от сельского хозяйства и направлял их в казну, где осуществлялся процесс управления государственными финансами.

— Вместе с ним... ты хочешь сказать...

— Я назначен старшим казначеем амбаров.

— Это замечательно!

Она кинулась ему на шею.

— Значит, мы станем еще богаче?

— Вероятно, но занят я буду еще больше. Придется то и дело ездить в провинции, а также стараться во всем угодить новому начальнику. Тебе придется самой заниматься детьми.

— Я так горжусь тобой... можешь на меня положиться.

***

Секретарь Ярти сидел рядом с ослом перед входом в контору Пазаира, дверь была опечатана.

— Кто посмел?

— Верховный страж собственной персоной по приказу старшего судьи царского портика.

— По какой причине?

— Он отказался дать мне объяснения.

— Это незаконно.

— Как я мог помешать? Не драться же с ним!

Пазаир тотчас отправился к верховному судье, который целый час продержал его в приемной.

— Ну наконец-то, судья Пазаир! Много путешествуете.

— Этого требует моя работа.

— Ладно, теперь отдохнете! Как вы уже заметили, вы на время отстранены от должности.

— В чем же причина?

— Беспечность, свойственная молодости! Быть судьей не значит стоять над законами.

— Что же я нарушил?

Голос старшего судьи стал сердитым.

— Закон о налогообложении. Вы не заплатили налогов.

— Но я не получал никакого извещения!

— Я сам отнес вам его три дня назад, но вас не было.

— У меня в распоряжении три месяца.

— Да, в провинции, но не в Мемфисе. Здесь у вас только три дня. Срок истек.

Пазаир был потрясен.

— Почему вы так поступаете?

— Просто из уважения к закону. Судья должен быть образцом, а вы подаете дурной пример.

Пазаир сдержал закипавшую в нем ярость. Выступить против старшего судьи портика означало еще больше осложнить положение.

— Вы преследуете меня.

— Не надо громких слов! Я обязан привлекать неплательщиков к ответственности, кем бы они ни были.

— Я готов выплатить долг.

— Так-так... два мешка зерна.

Судья вздохнул с облегчением.

— А вот штраф — дело другое. Ну скажем... один тучный бык.

Пазаир возмутился.

— Но это же несопоставимо!

— Ваша должность побуждает меня к особой строгости.

— Кто за вами стоит?

Старший судья царского портика указал на дверь своей конторы.

— Уходите.

***

Сути готов был мчаться в Фивы во весь опор, чтобы проникнуть в гарем и свернуть хеттиянке шею. Пазаир рассудил, что только она одна могла стоять за этой немислимой санкцией. Обычно уплата налогов не обсуждалась. И жалобы, и уклонения случались весьма редко. Нанеся Пазаиру удар с этой стороны, да еще вспомнив об особых условиях больших городов, она вынуждала зарвавшегося судью замолчать.

— Не советую поднимать шум. Ты потеряешь офицерское звание, и на суде тебе никто не поверит.

— На каком суде? Ты же больше не можешь никого судить!

— Сути... разве я отступил?

— Почти.

— Почти, ты прав. Но выпад слишком несправедлив.

— Как тебе удастся сохранять спокойствие?

— Мне помогают думать невзгоды и твое гостеприимство.

В качестве офицера-колесничего Сути получил дом из четырех комнат с садиком, где теперь мирно спали осел и пес Пазаира. Пантера без особого восторга занималась хозяйством и готовила еду. К счастью, Сути то и дело отвлекал ее от домашних дел, предлагая увеселения более занимательные.

Пазаир не выходил из своей комнаты. Он перебирал в памяти разные аспекты главных своих дел, не обращая никакого внимания на любовные игры своего друга и его прекрасной

возлюбленной.

— Думать, думать... Ну и что ты надумал?

— Благодаря тебе нам, возможно, удастся немного продвинуться. Зубной лекарь Кадаш попытался стащить медь из казармы, где химик Чечи занимается своими секретными изысканиями.

— Оружие?

— Несомненно.

— Под покровительством полководца Ашера?

— Не знаю. Объяснения Кадаша меня не убедили. Зачем он бродил возле этого места?

По его словам, об опытах ему рассказал старший по казарме. Тебе это будет нетрудно проверить.

— Ладно, займусь.

Пазаир покормил осла, погулял с собакой и сел за стол вместе с Пантерой.

— Вы меня пугаете, — призналась она.

— Разве я страшный?

— Слишком серьезный. А вы, случайно, не влюблены?

— Сильнее, чем вы можете себе представить.

— Ну и отлично. Вы совсем не такой, как Сути, но он в вас души не чает. Он говорил мне о ваших неприятностях. И как же вы думаете уплатить штраф?

— Честно говоря, сам не знаю. Если понадобится, несколько месяцев буду работать в поле.

— Судья, и вдруг крестьянин!

— Я вырос в маленьком селении. И мне вовсе не претит пахать землю, сеять, собирать урожай.

— Я бы лучше пошла воровать. Ведь сборщики податей и есть худшие из воров.

— Да, соблазн велик; для этого и существуют судьи.

— А вы, стало быть, честный?

— Стараюсь.

— А почему вас вывели из игры?

— Борьба за сферы влияния.

— Что, подгнило что-то в Египетском царстве?

— Мы не лучше других, но мы отдаем себе в этом отчет. И если заводится гниль, мы ее вычищаем.

— В одиночку?

— Мы с Сути. Если мы потерпим поражение, нам на смену придут другие.

Пантера, надувшись, оперлась подбородком на руку.

— На вашем месте я бы позволила себя подкупить.

— Предательство судьи — это шаг к войне.

— Мой народ любит сражаться, а ваш — нет.

— Разве это признак слабости?

Черные глаза сверкнули.

— Жизнь — это битва, которую я хочу выиграть — неважно как и неважно, какой ценой.

Торжествующий Сути залпом выпил полкружки пива.

Он оседлал садовую стену и наслаждался лучами заходящего солнца. Пазаир сидел, скрестив ноги, и гладил Смельчака.

— Задание выполнено! Старший по казарме был очень польщен, что к нему появился герой последней кампании. К тому же он словоохотлив.

— А как его зубы?

— Прекрасно. Он никогда не лечился у Кадаша.

Сути и Пазаир ударили по рукам. Им только что удалось обнаружить чистейшую ложь.

— Это еще не все.

— Говори, не томи.

Сути многозначительно медлил.

— Ну что, тебя надо упрашивать?

— Герою подобает торжествовать скромно. На складе хранилась высококачественная медь.

— Это мне известно.

— Зато ты не знаешь, что Чечи сразу же после разговора с тобой велел перенести один неподписанный ящик. Внутри было что-то очень тяжелое, потому что его с трудом вытащили четыре человека.

— Солдаты?

— Стража, приставленная лично к химику.

— А куда унесли ящик?

— Неизвестно. Но я найду.

— Что нужно Чечи для изготовления сверхпрочного оружия?

— Самый редкий и самый дорогой материал — железо.

— Я тоже так думаю. Если мы правы, это и есть сокровище, которого так жаждал Кадаш! Зубоврачебные инструменты из железа... С их помощью он надеялся вновь обрести былую сноровку. Остается выяснить, кто ему рассказал о тайнике.

— Как вел себя Чечи при вашей встрече?

— Сдержанно и осмотрительно. Жалобу подавать не стал.

— Странно как-то. Ему следовало бы радоваться, что вор попался.

— Что означает...

— ... что они сообщники!

— У нас нет никаких доказательств.

— Чечи рассказал Кадашу о существовании железа, а тот решил украсть немножко для собственных целей. А когда у Кадаша ничего не вышло, он не захотел, чтобы его сообщник предстал перед судом, на котором ему самому придется давать показания.

— Опыты, железо, оружие... все ведет нас к войску. Но почему Чечи, обычно столь молчаливый, вдруг разоткровенничался с Кадашем? Какое отношение зубной лекарь имеет к военному заговору? Чушь какая-то!

— Может, наши размышления и не безупречны, но в них есть доля истины.

— А по-моему, мы заблуждаемся.

— Не надо отчаиваться! Ключевая фигура здесь Чечи. Я буду следить за ним днем и ночью, расспрошу всех, кто его окружает, и пробью наконец эту стену, которой отгородился от мира наш скрытный и неприметный ученый.

— Если б я мог действовать...

— Потерпи немного.

Пазаир поднял глаза, полные надежды.

— Есть выход?

— Можно продать мою колесницу.

— Тебя выгонят из отряда.

Сути стукнул кулаком по стенке.

— Но ведь надо же тебя вытащить, и побыстрее! А Сабабу?

— Даже не думай. Долг судьи, выплаченный проституткой! Да старший судья портика меня в порошок сотрет.

Смельчак вытянул лапы и доверчиво поднял глаза.

Смелчак панически боялся воды, поэтому предпочитал держаться от берега на почтительном расстоянии. Он носился во весь опор, потом вдруг возвращался, что-то вынюхивал, подбегал к хозяину и снова мчался прочь. На берегу оросительного канала было безлюдно и тихо. Пазаир мечтал о Нефрет и все пытался истолковать нюансы ее поведения в свою пользу, ведь последний раз она явно показалась ему более благосклонной, по крайней мере, соглашалась его слушать.

За тамарисковыми зарослями промелькнула тень. Смелчак ничего не заметил, и судья спокойно продолжал прогулку. Благодаря Сути расследование немного продвинулось, но сумеет ли он сделать что-нибудь еще? Простой неопытный судья всецело находился во власти вышестоящих инстанций. Об этом ему в самой резкой форме напомнил старший судья царского портика.

Беранир всячески поддерживал своего ученика. Если потребуется, он готов был продать дом, чтобы Пазаир смог выплатить долг. Разумеется, к вмешательству старшего судьи портика следовало отнестись серьезно — этот упрямый, жесткий человек нередко осложнял жизнь молодым судьям, чтобы закалить их характер.

Смелчак резко остановился и стал принюхиваться.

Тень вышла из-за укрытия и направилась к Пазаиру. Пес зарычал, хозяин придержал его за ошейник.

— Не бойся, мы здесь одни.

Смелчак ткнулся носом в хозяйскую руку.

Это была женщина.

Высокая, стройная, лицо скрыто под темным покрывалом. Уверенным шагом она подошла поближе и остановилась в метре от Пазаира.

Смелчак застыл на месте.

— Вам нечего опасаться, — заверила она.

И откинула покрывало.

— Ночь так тиха, царевна Хаттуса, и так располагает к уединенному размышлению.

— Мне нужно было застать вас одного, без свидетелей.

— Официально вы в Фивах.

— Какая прозорливость!

— Ваша месть оказалась весьма действенной.

— Моя месть?

— Меня отстранили, как вы того желали.

— Не понимаю.

— Не стоит надо мной смеяться.

— Именем фараона, я ничего не предпринимала против вас.

— Разве я не зашел слишком далеко, по вашим собственным словам?

— Вы меня вывели из себя, но я оценила вашу смелость.

— Вы признаете обоснованность моего поведения?

— В доказательство скажу только одно: я говорила со старшим судьей Фив.

— И каков результат?

— Он знает правду, инцидент исчерпан.

— Только не для меня.

— Мнения вышестоящего чиновника вам не достаточно?

— В данном случае — нет.

— Поэтому я и пришла сюда. Старший судья предполагал — и не зря, — что эта встреча необходима. Я поведаю вам правду, но взамен требую молчания.

— Я никакого торгога не признаю.

— Вы невыносимы.

— Вы надеялись, что я сразу соглашусь?

— Вы меня не любите, как и большинство ваших соотечественников.

— Вам бы следовало сказать: наших соотечественников. Вы же теперь египтянка.

— Разве можно забыть, откуда ты родом? Меня волнует судьба хеттов, попавших в Египет в качестве военнопленных. Некоторые осваиваются быстро, другие выживают с трудом. Я обязана им помогать, и поэтому я переправляла им зерно из амбаров моего гарема. Смотритель сказал, что запасов до следующего урожая не хватит, и предложил договориться с одним знакомым чиновником в Мемфисе.

Я дала согласие. Поэтому вся ответственность за этот груз лежит на мне.

— Верховный страж был в курсе дела?

— Естественно. Он не усмотрел ничего преступного в стремлении накормить голодных.

Что тут может сделать суд? Разве что обвинить ее в административном правонарушении, да и то виноваты будут оба смотрителя. Монтумес станет все отрицать, судовладелец окажется ни при чем, Хаттуса даже не предстанет перед судом.

— Старший судья Фив и его коллега из Мемфиса привели документы в порядок. Если процедура покажется вам незаконной, вы вольны вмешаться. Буква закона соблюдена не была, согласна, но разве дух закона не важнее буквы?

Она побила его на его же территории.

— Мои несчастные соотечественники не ведают, откуда они получают пищу, и я не хочу, чтобы они узнали. Вы не откажете мне в этой просьбе?

— Кажется, дело перешло на рассмотрение в Фивы.

Она улыбнулась.

— У вас сердце случайно не каменное?

— Мне бы очень этого хотелось.

Смелчак успокоился и снова принялся резвиться, то и дело нюхая землю.

— Последний вопрос, царевна: доводилось ли вам встречаться с полководцем Ашером?

Она напряглась, голос зазвучал резко.

— В день его смерти я буду предаваться веселью. Да пожрут бестии преисподней мучителя моего народа.

***

Сути наслаждался жизнью. Благодаря своим подвигам и полученным ранам он имел право отдохнуть несколько месяцев, прежде чем снова приступить к службе.

Пантера играла роль покорной супруги, но, судя по приступам безудержной страсти,

темперамент ее нисколько не угас. Каждый вечер схватка возобновлялась с новой силой. Иногда победа оставалась за ней, и она, сияя от восторга, сетовала на вялость партнера. Но на следующий день Сути заставлял ее молить о пощаде. Игра приводила их в восхищение, ибо каждое движение тела возбуждало ответную реакцию, а наслаждение приходило одновременно. Она повторяла, что никогда не влюбится в египтянина. Он утверждал, что ненавидит варваров.

Когда он сообщил, что уезжает на неопределенный срок, она рассвирепела и ударила его. Он прижал ее к стене, крепко схватил за руки и запечатлел на ее губах самый долгий поцелуй за всю историю их совместного существования. Она изогнулась, как кошка, прильнула к нему и пробудила столь неодолимое желание, что он овладел ею стоя, так и не выпустив ее из объятий.

— Ты никуда не поедешь.

— Это секретное поручение.

— Если ты уедешь, я тебя убью.

— Я вернусь.

— Когда?

— Не знаю.

— Лжешь! Что за поручение?

— Секретное.

— От меня у тебя нет секретов.

— Не обольщайся.

— Возьми меня с собой, я буду тебе помогать.

Такого варианта Сути не рассматривал. Слежка за Чечи, наверное, будет делом долгим и скучным, да и при некоторых обстоятельствах действительно не мешает быть вдвоем.

— Если ты предашь меня, я отрублю тебе ногу.

— Не посмеешь.

— Ты опять ошибаешься.

***

Напасть на след Чечи удалось всего через несколько дней. Утром он работал в дворцовой мастерской вместе с лучшими химиками царства. Днем отправлялся в удаленную казарму и не выходил оттуда до самого рассвета. Все отзывы, которые смог собрать Сути, оказались самыми лестными: трудолюбивый, знающий свое дело, сдержанный, скромный. В упрек ему ставили лишь чрезмерную молчаливость и постоянное стремление оставаться незаметным.

Пантера быстро заскучала. Ни движения, ни опасности — только жди и наблюдай. Задание оказалось неинтересным. У Сути тоже опускались руки. Чечи ни с кем не общался, все время проводил за работой.

Полная луна озарила небо над Мемфисом. Пантера спала, свернувшись калачиком возле Сути. Предполагалось, что это будет их последняя ночь на посту.

— Вот он, Пантера.

— Я спать хочу.

— Кажется, он нервничает.

Чечи вышел из дверей казармы и забрался на осла, свесив ноги. Животное пошатнулось.

— Скоро рассвет, он возвращается в мастерскую.

Пантера, казалось, обомлела.

— Ну все, с этим делом покончено. Чечи — путь тупиковый.

— Где он родился? — спросила она.

— В Мемфисе, наверное.

— Чечи не египтянин.

— Откуда ты знаешь?

— Так на осла может сесть только бедуин.

***

Колесница Сути остановилась во дворе пограничного поста города Питом, расположенного у самых болот. Поручив лошадей заботам конюха, он побежал к писцу, ведавшему въездом в страну.

Здесь бедуины, желавшие обосноваться в Египте, подвергались долгому и упорному допросу. Были периоды, когда въезжать в страну не разрешалось никому. Во многих случаях прошения, направленные писцами в Мемфис, отклонялись столичными властями.

— Офицер-колесничий Сути.

— Наслышан о ваших подвигах.

— Не могли бы вы сообщить мне сведения об одном бедуине, по-видимому, давно уже ставшем египтянином?

— Вообще-то это не совсем по правилам. А в чем дело?

Сути смущенно опустил глаза.

— Это дело сугубо личное. Если бы мне удалось убедить мою невесту, что он не коренной египтянин, думаю, она бы вернулась ко мне.

— Ну ладно... как его зовут?

— Чечи.

Писец справился с архивами.

— Есть у меня один Чечи. Действительно, бедуин из Сирии. Явился на пограничный пост пятнадцать лет назад. Положение тогда было спокойное, и мы разрешили ему въехать в страну.

— Ничего подозрительного?

— Ничего предосудительного в прошлом, ни в каких военных действиях против Египта не участвовал. Комиссия решила вопрос в его пользу после трех месяцев тщательных проверок. Он принял имя Чечи и устроился в Мемфисе рабочим по металлу. Первые пять лет находился под контролем, но ничего настораживающего выявлено не было. Боюсь, ваш Чечи забыл о своем происхождении.

***

Смелчак спал у ног Пазаира.

С тяжелым сердцем судья в который раз отверг предложение Беранира, хотя тот продолжал настаивать. Рука не поднималась продать его дом.

— Вы уверены, что пятый ветеран все еще жив?

— Если бы он умер, я бы почувствовал.

— Раз он отказался от пенсии и предпочел скрываться, ему необходимо работать, чтобы себя прокормить. Кани копал глубоко и методично, но так ничего и не раскопал.

Стоя на террасе, Пазаир смотрел на Мемфис. Вдруг ему почудилось, что безмятежность большого города под угрозой, что над ним нависла неведомая опасность. А если дрогнет Мемфис, не устоят ни Фивы, ни вся страна. Внезапно ослабев, он опустился на стул.

— А, ты тоже почувствовал.

— Какое ужасное ощущение!

— И оно нарастает.

— Может быть, нам это только кажется?

— Ты ощутил зло всем своим существом. Вначале, несколько месяцев назад, я думал, что это кошмар. Но он стал повторяться все чаще, все острее.

— Что же это такое?

— Бедствие, природа которого нам неизвестна.

Судья вздрогнул. Недомогание прошло, но он знал, что тело сохранит память о нем.

Возле дома остановилась колесница. С нее спрыгнул Сути и взлетел на второй этаж.

— Чечи — по рождению бедуин! Правда, я заслужил кружку пива? Ой, извините, Беранир, я с вами не поздоровался.

Пазаир подал другу пиво, и тот долго утолял жажду.

— Я все думал по дороге от пограничного поста. Кадаш — ливиец, Чечи — бедуин из Сирии, Хаттуса — хеттиянка! Все трое чужеземцы. Кадаш стал всеми уважаемым зубным лекарем, но участвует в экстатических плясках с соплеменниками; Хаттуса недовольна новой жизнью и горячо привязана к своему народу; молчун Чечи занимается странными исследованиями. Вот тебе и заговор! А за ними — Ашер. Он-то всеми и управляет.

Беранир хранил молчание. Пазаир подумал, не содержат ли слова Сути разгадки мучившей их всех тайны.

— Ты слишком торопишься. Ну какая может быть связь между Хаттусой и Чечи? Или между ней и Кадашем?

— Ненависть к Египту.

— Она ненавидит Ашера.

— Откуда ты знаешь?

— Она сама мне сказала, и я поверил.

— Протри глаза, Пазаир, ты возражаешь, как дитя! Взгляни на вещи непредвзято и тут же сам сделаешь вывод. Хаттуса и Ашер — голова всего этого дела, Кадаш и Чечи — исполнители. Оружие, над которым работает химик, предназначается не для египетского войска.

— Мятеж?

— Хаттуса мечтает о нашествии, Ашер его организует.

Сути и Пазаир обратили взор к Бераниру, обоим не терпелось услышать его мнение.

— Власть великого Рамсеса не ослабла. Подобная попытка, на мой взгляд, обречена на провал.

— Тем не менее она готовится! — воскликнул Сути. — Нужно действовать, нужно задушить заговор в зародыше. Если мы начнем судебную процедуру, они испугаются, поняв, что их козни раскрыты.

— Если наше обвинение будет признано необоснованным и клеветническим, нас ждет суровый приговор, а у них будут развязаны руки. Мы должны бить наверняка и сильно. Если

бы у нас был пятый ветеран, доверие к полководцу Ашеру было бы подорвано.

— Ты что же, собираешься ждать катастрофы?

— Дай мне одну ночь на раздумье, Сути.

— Думай хоть целый год! Ты все равно не в состоянии созвать суд.

— На сей раз, — сказал Беранир, — Пазаир не сможет отказаться от моего дома. Ему нужно заплатить долги и вернуться к исполнению своих обязанностей как можно скорее.

***

Пазаир шагал один в ночи. Жизнь взяла его за горло и заставила сосредоточиться на хитросплетениях заговора, серьезность которого с каждым часом осознавалась все отчетливее, тогда как он хотел думать только об одном — о любимой и недостижимой женщине.

Он отрекался о счастья, но не от справедливости.

Страдание закалило его, какая-то сила в самой глубине его существа ни за что не желала сдаваться. И эту силу он заставит служить тем, кто ему дорог.

Луна — это нож, рассекавший небеса, или зеркало, отражавшее красоту богов. Он молил, чтобы светило наделило его своей мощью, чтобы его взгляд стал столь же пронизательным, как око ночного солнца.

Мысли его снова обратились к пятому ветерану. Чем может заниматься человек, желающий остаться незамеченным? Пазаир перебрал все виды деятельности жителей западных Фив и отмел их один за другим. От мясника до сеятеля все постоянно были вынуждены общаться с людьми, а тогда Кани в конце концов нашел бы какую-нибудь зацепку.

Все, кроме одного.

Да, было одно занятие, при котором человек одновременно был настолько одинок и настолько у всех на виду, что это давало ни с чем не сравнимую возможность не привлекать внимания.

Пазаир поднял глаза к небу — своду из темного лазурита со звездообразными отверстиями, через которые струится свет. Ему удалось направить этот свет в нужное русло, и теперь он знал, где искать пятого ветерана.

Контора, отведенная новому старшему казначею амбаров, была просторной и светлой; под его началом постоянно трудилось четверо писцов. Бел-Тран, облаченный в новую набедренную повязку и не особо шедшую ему льняную рубаху с короткими рукавами, весь прямо-таки светился от счастья. Успехам в торговле он радовался несказанно, но власть влекла его, с тех пор как он выучился читать и писать. Скромное происхождение и весьма посредственное образование делали мечту практически неосуществимой. Однако администрация сумела оценить, сколь исступленно способен трудиться этот человек, и решила использовать его энергию на государственной службе.

Поздоровавшись с сотрудниками и подчеркнув свою любовь к порядку и пунктуальности, он приступил к ознакомлению с первым делом, доверенным ему непосредственным начальником: списком людей, вовремя не заплативших налоги. Сам он платил налоги час в час, а потому, развернув список, ехидно усмехнулся. Землевладелец, войсковой писец, хозяин столярного цеха и... судья Пазаир! Проверивший чиновник указал, насколько просрочен платеж и размер штрафа, верховный страж лично опечатал дверь в контору судьи!

В обед Бел-Тран отправился к секретарю Ярты и спросил, где поселился судья. У Сути чиновник застал лишь доблестного воина и его любовницу; оказалось, Пазаир только что отправился в гавань, откуда выходили легкие суда, курсировавшие между Мемфисом и Фивами.

Бел-Тран успел нагнать Пазаира.

— Я узнал, какая скверная история с вами приключилась.

— Я допустил оплошность.

— Да это вопиющая несправедливость! Штраф ни в какое сравнение не идет с самим проступком. Обратитесь в суд.

— Я ведь не прав. Суд затянется надолго, и что я выиграю? Снижение штрафа и кучу врагов.

— Видимо, старшему судье портика вы не особенно нравитесь.

— Он имеет обыкновение испытывать молодых людей.

— Вы помогли мне в трудную минуту, я хотел бы отплатить вам тем же. Разрешите мне погасить ваш долг.

— Ни в коем случае.

— А займы взять согласитесь? Без процентов, разумеется. Уж позвольте мне хотя бы не наживаться за счет друга!

— А как я смогу вернуть вам долг?

— Работой. В моей новой должности старшего казначея амбаров мне часто нужна будет ваша помощь. Вы сами посчитаете, сколько консультаций соответствуют двум мешкам зерна и одному тучному быку.

— Значит, будем видеться часто.

— Вот документ, удостоверяющий ваше право собственности на означенное имущество.

Бел-Тран и Пазаир ударили по рукам.

Старший судья царского портика готовился к завтрашнему заседанию. Кража сандалий, спор о наследстве, возмещение за несчастный случай. Простые, быстро разрешимые дела. Весть о неожиданном посетителе его позабавила.

— Пазаир! Вы что, сменили профессию или пришли выплатить долг?

Судья рассмеялся собственной шутке.

— Выплатить долг, конечно.

Старший судья спокойно, широко улыбаясь, посмотрел на Пазаира.

— Отлично, в чувстве юмора вам не откажешь. Карьера — это не для вас; впоследствии вы еще благодарить меня будете за проявленную суровость. Возвращайтесь к себе в селение, женитесь на доброй крестьянке, сделайте ей пару детишек и забудьте о судьях и правосудии. Слишком уж сложен этот мир. Я разбираюсь в людях, Пазаир.

— С чем вас и поздравляю.

— Значит, вы вняли голосу разума!

— Вот то, что с меня причитается.

Старший судья портика ошалело уставился в документ, подтверждающий право собственности.

— Два мешка зерна стоят возле вашей двери, тучного быка сейчас кормят в государственном стойле. Вы удовлетворены?

***

Монтумес выглядел как в худшие времена. Покрасневшая кожа на голове, осунувшееся лицо, гнусавый голос, нетерпение, проскальзывающее в каждом действии.

— Я принимаю вас просто из вежливости, Пазаир. Ныне вы всего лишь отстраненный от должности бывший судья.

— Если бы дело обстояло именно так, я бы не позволил себе вас беспокоить.

Верховный страж поднял голову.

— То есть?

— Вот документ, подписанный старшим судьей царского портика. С налоговой службой все улажено. Он даже счел, что мой бык тучнее, чем следует, и предоставил мне льготы по налогам на будущий год.

— Как вам удалось...

— Я был бы вам очень благодарен, если бы вы как можно скорее сняли печати с моей двери.

— Разумеется, мой дорогой судья, разумеется! Знайте, я всячески старался вас защитить в этой прискорбной истории.

— Ни секунды в этом не сомневаюсь.

— Наше дальнейшее сотрудничество...

— Может стать необычайно плодотворным. Одна маленькая подробность: с хищением зерна все улажено. Я в курсе дела, но вы узнали обо всем раньше меня.

Успокоившись и вернувшись к исполнению своих обязанностей, Пазаир сел на быстроходное судно и направился в Фивы. С ним рядом был Кем. Убаюканный качкой павиан спал, привалившись к бухте пенькового каната.

— Вы меня поражаете, — сказал нубиец. — Вы уцелели, попав между молотом и наковальней; даже самые крепкие люди, и те ломаются в таких ситуациях.

— Мне просто повезло.

— Скорее, возникла необходимость. Причем необходимость настолько острая, что перед вами склонились и люди, и обстоятельства.

— Вы приписываете мне способности, которыми я не обладаю.

Двигаясь вверх по течению, он приближался к Нефрет. Скоро старший лекарь потребует отчета. Выяснится, что молодая целительница свою деятельность не свернула. Столкновение становилось неизбежным.

Судно причалило в Фивах ближе к вечеру. Судья уселся на берегу поодаль от прохожих. Солнце спустилось к горизонту, горы на западе порозовели, под печальные звуки флейты возвращались с полей стада.

На последнем пароме было всего несколько пассажиров. Кем и павиан устроились у заднего борта. Пазаир подошел к перевозчику. Его лицо было наполовину скрыто старомодным париком.

— Двигайтесь помедленнее, — попросил судья.

Перевозчик не поднимал головы от весла.

— Нам надо поговорить; здесь вы в безопасности. Отвечайте, не глядя на меня.

Кому какое дело до перевозчика? Каждый торопится попасть на другой берег, люди беседуют, мечтают, на паромщика никто и не взглянет. Он довольствовался малым, жил особняком, не смешиваясь с населением.

— Вы пятый ветеран, единственный выживший из почетной стражи сфинкса.

Перевозчик не стал возражать.

— Я судья Пазаир, и я желаю знать правду. Четверо ваших товарищей погибли, вероятно, были убиты. Поэтому вы скрываетесь. За всем этим могут стоять только очень серьезные причины.

— Чем вы докажете, что говорите правду?

— Если бы я хотел вас уничтожить, вас бы уже не было. Поверьте.

— Да, вам легко...

— Забудьте об этом. Вам довелось стать свидетелем чудовищного происшествия, верно?

— Нас было пятеро... пять ветеранов. Мы охраняли сфинкса по ночам. Задача, не связанная с риском, чисто почетная, чтобы дожидаться пенсии. Мы с одним товарищем сидели с внешней стороны ограды, которой обнесена статуя. Как обычно, мы заснули. Он услышал шум и проснулся. Я хотел спать и попытался его успокоить. Но он разволновался, стал настаивать. Мы пошли посмотреть, в чем дело, перелезли через ограду и обнаружили тело одного из наших с правой стороны от сфинкса, и второго — с левой.

Он прервался, ему было трудно говорить.

— А потом — стоны... они меня до сих пор преследуют! Между лапами сфинкса умирал начальник стражи. Из рта у него шла кровь, он с трудом выговаривал слова.

— Что он сказал?

— На него напали, он защищался.

— Кто напал?

— Обнаженная женщина, несколько мужчин. «Чужая речь в ночи» — это были его последние слова. Мы с товарищем перепугались. Зачем такая жестокость?.. Следует ли звать стражу, охраняющую большую пирамиду? Мой напарник решил, что не надо, уверенный, что это сулит нам неприятности. Того гляди, еще нас же и обвинят. Трое ветеранов погибли... Лучше молчать, сделать вид, что мы ничего не видели и не слышали. Мы вернулись на свой пост. Когда рано утром нам на смену пришла дневная стража, она обнаружила тела. Мы прикинулись потрясенными.

— Какие последовали меры?

— Никаких. Нас отправили на пенсию в наши родные селения. Мой товарищ стал пекарем, я собирался чинить колесницы. Его убийство заставило меня скрываться.

— Убийство?

— Он был необычайно осторожен, особенно с огнем. Я абсолютно уверен, что его подтолкнули. Трагедия сфинкса преследует нас. Мы представляем опасность. Кто-то убежден, что мы слишком много знаем.

— Кто вас допрашивал в Гизе?

— Какой-то старший офицер.

— Полководец Ашер с вами не говорил?

— Нет.

— Ваше свидетельство сыграет на суде решающую роль.

— На каком суде?

— Полководец утвердил документ, согласно которому вы и четверо ваших товарищей погибли в результате несчастного случая.

— Ну и хорошо, значит, меня больше нет.

— Если вас нашел я, значит, найдут и другие. Выступите свидетелем и снова будете свободны.

Паром подходил к берегу.

— Я... я не знаю. Оставьте меня в покое.

— Это единственный выход. Вы должны сделать это в память о ваших товарищах и ради себя самого.

— Завтра утром на первом пароме я дам вам ответ.

Перевозчик выбрался на берег и привязал веревку к кольшку.

Пазаир, Кем и павиан пошли прочь.

— Охраняйте этого человека всю ночь.

— А вы?

— Я пойду переночую в ближайшей деревне. Вернусь на рассвете.

Кем колебался. Полученный приказ ему не нравился. Если перевозчик что-то рассказал Пазаиру, значит, судья в опасности. Он не мог обеспечить безопасность обоих.

Кем выбрал Пазаира.

Поглотитель теней наблюдал за тем, как паром пересек реку в лучах заходящего солнца. Нубиец и павиан сзади, судья рядом с перевозчиком.

Странно.

Стоя бок о бок, они оба смотрели на противоположный берег. Между тем пассажиров было мало, каждый занимался своими делами. Почему вдруг такое сближение, не потому ли, что надо поговорить?

Перевозчик... Единственный вид деятельности, когда ты все время на виду и абсолютно неприметен.

Поглотитель теней бросился в воду и переплыл Нил. Добравшись до противоположного берега, он долго сидел в тростниковых зарослях и наблюдал за окрестностями. Перевозчик спал в своей деревянной хижине.

Ни Кема, ни павиана поблизости видно не было.

Он выждал еще немного, удостоверился, что хижину никто не охраняет.

Быстро пробравшись внутрь, он накинул кожаный шнурок на шею спящему, и тот резко проснулся.

— Если дернешься, ты — мертвец.

Сопrotивляться перевозчику было не по силам.

Он поднял правую руку в знак покорности. Поглотитель теней ослабил хватку.

— Кто ты?

— Пе... перевозчик.

— Еще раз солжешь, и я тебя придушу. Ты ветеран?

— Да.

— К какому войску приписан?

— К азиатскому.

— Последнее назначение?

— Почетная стража сфинкса.

— Почему ты скрываешься?

— Я боюсь.

— Кого?

— Я... не знаю.

— В чем твоя тайна?

— Ни в чем!

Шнурок сдавил плоть.

— Нападение в Гизе. Побойще. На сфинкса напали, мои товарищи погибли.

— Кто напал?

— Я ничего не видел.

— Судья задавал тебе вопросы?

— Да.

— Какие?

— Те же, что и вы.

— Что ты отвечал?

— Он пригрозил мне судом, но я ничего не сказал. Я не хочу неприятностей с правосудием.

— Что ты ему рассказал?

— Что я перевозчик, а не ветеран.

— Превосходно.

Он убрал шнурок. Пока ветеран с облегчением ощупывал больную шею, поглотитель теней оглушил его ударом кулака в висок. Потом вытащил тело из хижины, подтащил к реке и держал голову перевозчика под водой на протяжении нескольких долгих минут. А затем спустил труп в воду рядом с паромом.

Ну просто утонул человек, и все.

***

Нефрет готовила снадобье для Сабабу. Поскольку проститутка отнеслась к лечению серьезно, болезнь понемногу отступала. Сабабу ощущала новый прилив сил, острые приступы артрита больше ее не мучили, и она испросила у своего лекаря позволения заниматься любовью с привратником из пивного дома — молодым, пышущим здоровьем нубийцем.

— Можно вас побеспокоить? — спросил Пазаир.

— Я как раз закончила работу.

Лицо Нефрет осунулось.

— Вы слишком много работаете.

— Это всего лишь небольшая усталость. Что-нибудь слышно о Небамоне?

— Нет, он не проявлялся.

— Просто затишье.

— Боюсь, что да.

— Как ваше расследование?

— Продвигается вперед огромными шагами, хотя я и был отстранен от должности старшим судьей царского портика.

— Расскажите.

Он поведал ей о своих невзгодах, пока она мыла руки.

— Вы окружены друзьями. Наш учитель Беранир, Сути, Бел-Тран... Вам сильно повезло.

— А вам, наверное, одиноко?

— Жители селения облегчают мою работу, но мне не с кем посоветоваться. Иногда это тяжело.

Они уселись на циновку лицом к пальмовой роще.

— Вы, кажется, взволнованы?

— Я только что нашел главного свидетеля. Вы первая, кому я об этом говорю.

Нефрет не отвела глаз. В ее взгляде он прочитал внимание, а может быть, даже тепло.

— Вам ведь могут помешать двигаться дальше?

— Неважно. Я верю в правосудие так же, как вы — в медицину.

Их плечи соприкоснулись. Пазаир замер и затаил дыхание. Словно не заметив случайного касания, Нефрет не отстранилась.

— Вы готовы пожертвовать жизнью ради истины?

— Если потребуется — без колебаний.

— А обо мне вы все еще думаете?

— Постоянно.

Его ладонь коснулась руки Нефрет и тихо, едва ощутимо легла на нее.

— Когда я устаю, я думаю о вас. Что бы ни случилось, вы кажетесь нестигаемым и неуклонно идете вперед по избранному пути.

— Это только видимость, меня часто одолевают сомнения. Сути винит меня в наивности. Для него главное — приключения. Как только возникает угроза погрязнуть в рутинных привычках, он готов на любое безумство.

— А вы тоже боитесь привычек?

— Они мне только помогают.

— Вы верите, что чувство может длиться долгие годы?

— Всю жизнь, если это не просто чувство, если ты вкладываешь в это все свое существо, если уверен, что знаешь, что такое блаженство, если душа твоя причастна свету восходов и закатов. Любовь, способная угаснуть, — это только сиюминутная победа, завоевание.

Она склонила голову ему на плечо, ее волосы нежно коснулись его щеки.

— Вы обладаете странной силой, Пазаир.

Это был всего лишь сон, мимолетный, словно светлячок в фиванской ночи, но он озарил его жизнь.

***

Ночь он провел без сна в пальмовой роще, лежа на спине и уставившись на звезды. Он старался удержать ощущение того мига, когда Нефрет расслабилась, прежде чем отправить его восвояси и закрыть за ним дверь. Значило ли это, что она испытывает к нему какую-то нежность, или же сказала обычная усталость? При мысли, что она принимает его присутствие и его любовь, пусть даже не разделяя его страсти, он ощущал себя легким, как весеннее облачко, и могучим, как начинающийся разлив.

В нескольких шагах грыз финики и сплевывал косточки павиан.

— Ты — здесь?! Но...

У него за спиной послышался голос Кема.

— Я решил позаботиться о вашей безопасности.

— К реке, быстро!

Занимался рассвет.

На берегу собралась толпа.

— Расступитесь, — приказал Пазаир.

Какой-то рыбак выловил тело перевозчика ниже по течению.

— Может, он не умел плавать.

— Наверное, поскользнулся.

Не обращая внимания на комментарии, судья осмотрел тело.

— Это убийство, — заявил он. — На шее следы от шнура, на правом виске след от сильного удара кулаком. Он был задушен и оглушен, прежде чем утонул.

Осел, нагруженный папирусом, кисточками и табличками, вел Пазаира по пригородам Мемфиса. Если бы Северный Ветер заплутал, Сути помог бы найти дорогу, но животное оправдывало свою репутацию. Кем и павиан замыкали процессию, направлявшуюся в казарму, где орудовал Чечи. Рано утром химик работал во дворце, так что путь был свободен.

Пазаир был вне себя от гнева. Когда тело перевозчика перенесли в ближайшее управление стражи, местный самодур составил заведомо ложное донесение. Он никак не мог допустить мысли об убийстве на вверенном ему участке из страха быть пониженным в должности. Вместо того чтобы подтвердить выводы судьи, он счел нужным заключить, что перевозчик просто утонул. По его мнению, следы на шее и на виске появились случайно и не имели отношения к делу. Пазаир обстоятельно изложил свое особое мнение.

Перед возвращением на север он видел Нефрет всего несколько минут. С самого утракней потянулось множество пациентов. Пришлось довольствоваться парой ничего не значащих фраз и взглядом, в котором он уловил поддержку и понимание.

Сути был в восторге. Наконец-то его друг перешел к решительным действиям.

В казарме, расположенной очень далеко от основных пунктов размещения войск в Мемфисе, не наблюдалось ни малейшего оживления. Не было видно ни тренирующихся солдат, ни лошадей.

Сути, как человек военный, первым делом стал искать дежурного, призванного охранять вход. Но путь к весьма ветхому сооружению был открыт. Только два старика беседовали, сидя на краю каменного колодца.

— Скажите, уважаемые, что за отряд здесь размещен?

Тот, что постарше, фыркнул.

— Отряд ветеранов и калек, сынок! Нас поместили сюда, прежде чем отправить на пенсию. Прощайте, азиатские пути-дороги, наступательные марши да скудные рационы. Скоро нас ждут сады, служанки, парное молоко, свежие овощи.

— А где ваш старший?

— В бараке вон там, за колодцем.

Судья предстал перед усталым офицером.

— Посетители у нас редкость.

— Я судья Пазаир, и мне необходимо обыскать ваш склад.

— Что еще за склад?

— Некто по имени Чечи проводит исследования в вашей казарме.

— Чечи? Понятия о нем не имею.

Пазаир описал химика.

— А-а, этот! Приходит после полудня и проводит здесь ночь, верно. Приказ сверху. Я подчиняюсь.

— Откройте мне помещение.

— Да у меня и ключа нет.

— Тогда проводите нас.

Вход в подземное помещение Чечи преграждала массивная деревянная дверь. На глиняную табличку Пазаир занес год, месяц, день и час своего вторжения, а также описание места,

— Открывайте.

— Я не имею права.

— Я беру ответственность на себя.

Сути помог офицеру. С помощью копья они взломали деревянный засов.

Пазаир и Сути вошли внутрь. Кем с павианом остались на страже.

Очаг, печи, запасы древесного угля и пальмовой коры, тигли, медные инструменты — судя по всему, оборудование у Чечи было превосходное. Везде царили чистота и порядок. Быстро обыскав помещение, Сути нашел таинственный ящик, перенесенный из одной казармы в другую.

— Я волнуюсь, как мальчишка, первый раз оказавшийся наедине с девушкой.

— Погоди.

— Нельзя останавливаться, когда ты у цели!

— Я составляю отчет: состояние помещения и местоположение подозрительного предмета.

Едва Пазаир кончил писать, Сути открыл ящик.

— Железо... слитки железа! Да не простого.

Сути прикинул на руке вес слитка, пощупал его, смочил слюной, поскреб ногтем.

— Оно не из вулканических скал восточной пустыни. Оно из легенды, что рассказывали в селении, — небесное железо!

— Да, похоже на то, — подтвердил Пазаир.

— Тут целое состояние.

— Именно из такого железа жрецы Дома Жизни делают металлический трос, чтобы фараон мог подняться на небо. Как им может владеть простой химик?

Сути был потрясен.

— Я слышал о нем, но даже мечтать не смел когда-нибудь подержать его в руках.

— Оно не наше, — напомнил Пазаир. — Это вещественное доказательство. Чечи придется объяснить, как оно сюда попало.

На дне ящика — железное тесло. Этот инструмент служил для отверзания уст и очей мумии, когда смертное тело, воскрешенное ритуалами, превращалось в светлую сущность.

Ни Пазаир, ни Сути не дерзнули к нему прикоснуться. Если тесло освящено, в нем таятся сверхъестественные силы.

— Мы с тобой просто смешны, — заметил офицер-колесничий. — Это всего лишь металл.

— Может быть, ты и прав, но я рисковать не буду.

— Что ты предлагаешь?

— Подождать подозреваемого.

***

Чечи был один.

Увидев, что дверь в его подземелье открыта, он тут же развернулся и собрался бежать. Однако наткнулся на нубийца, и тот подтолкнул его обратно к казарме. Павиан безучастно

лакомился изюмом. Такое поведение означало, что поблизости не бродит никто из спутников химика.

— Весьма рад видеть вас снова, — сказал Пазаир. — Вы, оказывается, любите переезжать.

Взгляд Чечи упал на ящик.

— Кто вам позволил?

— Это обыск.

Чечи отлично владел собой. Он оставался невозмутимо спокоен.

— Обыск — процедура исключительная, — заметил он, поджав губы.

— Как и вся ваша деятельность.

— Это дополнение к моим основным исследованиям.

— У вас особое пристрастие к казармам.

— Я готовлю оружие будущего, поэтому у меня есть все разрешения от армейских властей. Проверьте и убедитесь, что мои мастерские должным образом оформлены, а опыты получают поддержку сверху.

— Не сомневаюсь, но вряд ли вы достигнете цели, используя небесное железо. Этот материал предназначен для храма, равно как и тесло, спрятанное на дне ящика.

— Ящик мне не принадлежит.

— Вы что, не знали о его существовании?

— Его поставили здесь против моей воли.

— Ложь, — вмешался Сути. — Вы сами приказали перенести его сюда. Думали, что в такой дыре вы в безопасности.

— Вы что, за мной шпионили?

— Откуда взялось железо? — спросил Пазаир.

— Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы.

— В таком случае вы арестованы за кражу, сокрытие краденного и препятствие нормальному ходу расследования.

— Я буду все отрицать, вы ничего не докажете.

— Или вы последуете за нами, или я попрошу нубийского стражника связать вам руки.

— Я не собираюсь бежать.

***

Из-за допроса Ятри пришлось работать сверхурочно, в то время как его дочь, закончившая танцевальную школу, давала представление на главной площади одного из городских кварталов. Он надулся, тем более что делать все равно было нечего, так как Чечи не отвечал ни на один вопрос, предпочитая вообще не открывать рта.

Судья терпеливо настаивал.

— Кто ваши сообщники? Похитить железо такого качества одному человеку не под силу.

Чечи смотрел на Пазаира из-под полуприкрытых век и казался неприступным как Царские стены.

— Кто-то доверил вам этот ценный металл. С какой целью? Когда ваши исследования дали удовлетворительные результаты, вы под предлогом попытки хищения со стороны Кадаша выгнали своих помощников, обвинив их в нерадивости. И таким образом ваша

деятельность осталась без всякого контроля. Тесло вы сами изготовили или украли?

Сути с удовольствием двинул бы молчуну по скуле, но Пазаир бы этого не допустил.

— Вы с Кадашем давние друзья, верно? Он знал о существовании вашего сокровища и попытался его украсть. Если, конечно, вы не разыграли все это, для того чтобы оказаться в роли жертвы и убрать из мастерской всех нежелательных свидетелей.

Чечи сидел на циновке, поджав под себя ноги, и упорно молчал. Он знал, что судья не имеет права прибегать к какому бы то ни было насилию.

— Как бы вы ни упирались, Чечи, я доберусь до истины.

Это обещание химика не смутило.

Пазаир попросил Сути связать ему руки и привязать его к кольцу, вмурованному в стену.

— Мне очень жаль, Ярти, но я вынужден вас попросить посторожить подозреваемого.

— Это надолго?

— Мы вернемся засветло.

***

Мемфисский дворец представлял собой административный комплекс, состоявший из десятков контор, где работали множество писцов. Химики находились в ведении смотрителя царских мастерских, высокого сухоощавого мужчины лет пятидесяти, который весьма удивился приходу судьи.

— Со мной колесничий Сути, свидетель обвинения.

— Обвинения?

— Один из ваших подчиненных, Чечи, в данный момент находится под арестом.

— Чечи? Не может быть! Это ошибка.

— Ваши химики используют небесное железо?

— Конечно, нет. Это материал настолько редкий, что его используют только в храмах и только в ритуальных целях.

— Как могло случиться, что изрядное количество этого металла оказалось у Чечи?

— Это недоразумение.

— На него была возложена какая-то особая задача?

— Он связан непосредственно с армейскими властями и должен следить за качеством меди. Позвольте мне поручиться за честность Чечи, за его техническое мастерство и человеческие качества.

— Вам известно, что он работает в тайной мастерской, оборудованной в здании казармы?

— Таков приказ армейских властей.

— Кем он подписан?

— Целым рядом старших офицеров, которые требуют, чтобы некоторые специалисты разрабатывали новые виды оружия. Чечи — один из них.

— Однако использование небесного железа явно не было предусмотрено.

— Этому должно быть какое-то простое объяснение.

— Подозреваемый отказывается говорить.

— Чечи никогда болтлив не был, он молчалив по натуре.

— Что вам известно о его происхождении?

— По-моему, он родился где-то недалеко от Мемфиса.

— А вы не могли бы это проверить?

— Это так важно?

— Да, более чем вы думаете.

— Я должен посмотреть в архивах.

Поиски заняли больше часа.

— Так и есть: Чечи родом из небольшого селения к северу от Мемфиса.

— Учитывая его должность, вы, наверное, проверяли эти сведения.

— Этим занимались военные, и они ничего необычного не обнаружили. Проверивший поставил печать по всем правилам, и Чечи приняли на службу, ничего не опасаясь. Надеюсь, вы сделаете все возможное, чтобы его отпустили как можно скорее.

— Улик против него становится все больше и больше. Воровство он усугубил ложью.

— Судья Пазаир! Вы явно перегибаете палку. Если бы вы лучше знали Чечи, вам было бы ясно, что он не способен на бесчестный поступок.

— Если он невиновен, суд это докажет.

***

Ярти рыдал, сидя на пороге. Осел грустно смотрел на него.

Сути принялся трясти секретаря, между тем как Пазаир убедился, что Чечи исчез.

— Что произошло?

— Он пришел, потребовал мой протокол, обнаружил, что два пункта неполны и поэтому документ недействителен, пригрозил мне взысканием, освободил задержанного... Поскольку формально он был прав, я вынужден был уступить.

— О ком вы говорите?

— О верховном страже, Монтумесе.

Пазаир прочел протокол. Действительно, Ярти не указал должность Чечи и не уточнил, что судья вел предварительное расследование лично, не прибегая к помощи третьих лиц. Вся процедура была сведена на «нет».

***

Солнечный луч проникал через переплет каменного окна и освещал лоснящуюся голову Монтумеса, умащенную благовониями. Он принял Пазаира, широко улыбаясь, с деланным воодушевлением.

— Не правда ли, мы живем в замечательной стране, мой дорогой судья? Здесь никто не боится перегибов закона, ибо мы радеем о благополучии подданных.

— Слово «перегибы» явно вошло в моду. Вот и смотритель лабораторий сказал, что я перегибаю палку.

— Вряд ли стоит ставить ему это в упрек. Пока он сверялся с архивами, он дал мне знать об аресте Чечи. Я сразу же отправился в вашу контору, уверенный, что произошла досадная ошибка. Так оно и оказалось, поэтому Чечи был незамедлительно освобожден.

— Мой секретарь допустил очевидную оплошность, — признал Пазаир, — но почему вас так интересует этот химик?

— Он военный специалист. Как и его коллеги, он находится под моим непосредственным наблюдением. Его нельзя задержать без моего согласия. Признаю, что вы этого не знали.

— Обвинение в воровстве снимает с Чечи частичную неприкосновенность.

— Обвинение необоснованно.

— Несоблюдение формы не отменяет сути претензии.

Монтумес заговорил надменно.

— Чечи — один из лучших специалистов в области вооружения. Неужели вы думаете, что он станет так глупо рисковать своей карьерой?

— Вы знаете, что было украдено?

— Какая разница! Я этому не верю. И прекратите лезть из кожи вон, лишь бы прослыть поборником справедливости.

— Где вы спрятали Чечи?

— Там, где до него не сможет добраться судья, выходящий за рамки своих полномочий.

***

Сути поддержал Пазаира: единственный возможный выход из положения — созвать суд, где на карту будет поставлено все. Доказательства и аргументы сыграют решающую роль, если присяжные не окажутся подкуплены противниками, ибо если бы Пазаир дал отвод всем присяжным, его могли отстранить от дела. Оба друга были убеждены, что истина, провозглашенная на открытом процессе, расшевелит даже самые закоснелые умы.

Судья поведал о своем решении Бераниру.

— Ты сильно рискуешь.

— Разве есть другой, лучший путь?

— Выбирай тот, по которому ведет тебя твое сердце.

— Я считаю, что нужно метить как можно выше, не растрчивая себя на второстепенные мелочи. Если нацелиться на главное, мне будет легче бороться с окружающей ложью и трусостью.

— Ты никогда не довольствуешься полумерами, тебе нужен свет во всем его блеске.

— Разве я не прав?

— Конечно, для предстоящего процесса нужен зрелый, опытный судья, но боги доверили его тебе, и ты согласился.

— Кем сторожит ящик с небесным железом; он положил на него доску, на ней сидит павиан. К нему никто не подойдет.

— Когда ты созовешь суд?

— Самое позднее через неделю. Учитывая исключительный характер дела, я ускорю формальную процедуру. Как вы считаете, мне удалось выявить, где именно сосредоточено зло?

— Ты близок к этому.

— Могу я вас попросить об одном одолжении?

— Кто ж тебе мешает?

— Несмотря на ваше скорое назначение, вы согласитесь быть присяжным?

Старый учитель устремил взор на свою планету-покровительницу — Сатурн, сиявшую непривычно ярко.

— Разве ты в этом сомневался?

Смелчак никак не мог привыкнуть к присутствию павиана под его крышей, но, поскольку хозяин это допускал, он не выказывал недовольства. Молчаливый Кем ограничился замечанием, что затевать процесс — безумие. При всей своей дерзости Пазаир имел слишком мало профессионального опыта, чтобы преуспеть в таком деле. Судья чувствовал, что нубиец его не одобряет, и все же продолжал готовиться к бою, между тем как секретарь подносил ему должным образом проверенные реестры и формуляры. Старший судья портика не преминет придрататься к любой формальной небрежности.

Появление старшего лекаря Небамона пришлось на редкость некстати. Как всегда элегантный, в надушенном парике, он выглядел весьма раздосадованным.

— Я бы хотел поговорить с вами с глазу на глаз.

— Я очень занят.

— Это срочно.

Пазаир отложил папирус с протоколом суда над одним знатным человеком, обвиненном в том, что он от царского имени возделывал не принадлежавшие ему земли; несмотря на свое положение при дворе, вернее, как раз из-за него, он был лишен имущества и приговорен к изгнанию. Апелляция ничего не дала.

Они пошли по тихой тенистой улочке. Какие-то девочки играли в куклы; мимо прошел осел, нагруженный корзинами с овощами; на пороге одного из домов спал старик.

— Мы с вами плохо друг друга поняли, мой дорогой Пазаир.

— Мне, как и вам, очень жаль, что госпожа Сабабу продолжает заниматься своей предосудительной профессией, но в законе нет ни одного пункта, позволяющего привлечь ее к ответственности. Она платит налоги и не возмущает общественного спокойствия. Я даже позволю себе заметить, что ее пивной дом посещают некоторые именитые лекари.

— А Нефрет? Я просил вас ей пригрозить!

— Я обещал, что постараюсь.

— Результат восхитительный! Один из моих фиванских коллег едва не дал ей место в лечебнице Дейр-эль-Бахри. К счастью, я вовремя вмешался. Знаете, ведь она оттеснила многих достойных лекарей.

— Значит, вы признаете ее способности.

— Как бы ни была одарена Нефрет, ей суждено оставаться в тени.

— Мне так не кажется.

— Ваше мнение меня не интересует. Когда хочешь сделать карьеру, приходится следовать указаниям влиятельных людей.

— Вы правы.

— Я согласен дать вам последний шанс, но на сей раз потрудитесь не разочаровать меня.

— Я этого не заслуживаю.

— Забудьте о неудаче и действуйте.

— Что-то я сомневаюсь.

— В чем?

— В своей карьере.

— Следуйте моим советам, и у вас не будет проблем.

— Пожалуй, я удовольствуюсь положением судьи.

— Я не совсем понимаю...

— Оставьте Нефрет в покое.

— Вы в своем уме?

— Отнеситесь к моему предупреждению серьезно.

— Вы ведете себя глупо, Пазаир! Зря вы поддерживаете девушку, которая обречена на полное поражение. У Нефрет нет будущего; кто свяжет с ней свою судьбу, поставит крест на своей жизни.

— У вас от злобы помутился разум.

— Со мной еще никто никогда не говорил таким тоном! Я требую, чтобы вы извинились.

— Я стараюсь вам помочь.

— Помочь мне?

— Вы начинаете сдавать прямо на глазах.

— Вы еще пожалеете о своих словах!

***

Денес следил за разгрузкой одного из своих судов. Матросы торопились, так как на следующий день им предстояло снова отчалить на юг, чтобы воспользоваться попутным ветром. Груз мебели и зерна надо было переправить на новый склад, недавно приобретенный судовладельцем. Скоро он планировал подмять под себя одного из самых серьезных конкурентов и таким образом расширить дело, в будущем предназначенное двум его сыновьям. Благодаря связям супруги его отношения с высшей администрацией укреплялись с каждым днем, так что никаких препятствий к дальнейшему разрастанию его владений не предвиделось.

Старший судья царского портика не имел обыкновения разгуливать по набережным. Тяжело опираясь на посох из-за разыгравшейся подагры, он подошел к Денесу.

— Не стойте здесь, вас могут нечаянно толкнуть.

Денес взял судью под руку и отвел в тот отсек склада, где товары уже были разложены по местам.

— Чему я обязан вашим посещением?

— Мы на пороге драматических событий.

— Я в этом замешан?

— Нет, но вы должны помочь мне предотвратить катастрофу. Завтра Пазаир возглавит судебное заседание. Я не мог запретить ему созвать суд, так как прошение было составлено по всем правилам.

— Кого будут судить?

— Он держит втайне и обвиняемого, и обвинителя. Судя по слухам, под угрозой государственная безопасность.

— Нельзя верить слухам. Как мелкий судья может заниматься делом такого размаха?

— При всей внешней сдержанности Пазаир упрям, как баран. Прет напрямую, невзирая

ни на какие препятствия.

— Вы волнуетесь?

— Этот судья опасен. Он относится к своей должности как к священной миссии.

— Но вы же и не таких знавали! Все вскоре приутихло.

— Этот — крепче гранита. Мне уже довелось его испытать; у него совершенно немыслимая сопротивляемость. На его месте молодой судья, озабоченный своей карьерой, давно бы отступил. Поверьте, от него одни неприятности.

— Что-то вы мрачно настроены.

— Только не на сей раз.

— Чем я могу вам быть полезен?

— В моей власти назначить двух присяжных, поскольку я дал согласие, чтобы Пазаир судил под портиком. Я уже выбрал Монтумеса, его здравомыслие нам будет просто необходимо. А с вашей помощью я буду чувствовать себя и вовсе спокойно.

— Завтра это невозможно: прибывает груз с ценными сосудами, и я должен лично проверить каждый предмет. Но моя супруга великолепно справится.

***

Пазаир сам понес вызов Монтумесу.

— Я бы мог послать к вам моего секретаря, но наши дружеские отношения обязывают меня проявить больше внимания.

Верховный страж не предложил судье сесть.

— Чечи должен выступить как свидетель, — продолжал Пазаир. — Поскольку вы один знаете, где он находится, приведите его в суд. Иначе придется привлечь к его поискам стражу.

— Чечи человек благоразумный. Если бы вы обладали этим качеством, вы бы отказались от процесса.

— Старший судья портика счел, что он может состояться.

— Вы губите свою карьеру.

— В последнее время о ней печется столько народу, что вряд ли мне стоит беспокоиться.

— Когда вы потерпите полное и окончательное поражение, над вами будет смеяться весь Мемфис и вам придется уйти в отставку.

— Раз вы назначены присяжным, не отказывайтесь слушать правду.

***

— Я — присяжный? — удивился Бел-Тран. — Я и помыслить о таком не мог...

— Речь идет об очень важном процессе с непредсказуемыми последствиями.

— Я обязан согласиться?

— Никоим образом; двоих присяжных назначает старший судья портика, двоих — я и еще четверых выбирают из уважаемых горожан, уже заседавших на процессах.

— Не скрою, я очень волнуюсь. Участие в судебном решении представляется мне делом куда более сложным, чем торговля папирусом.

— Вам придется решать судьбу человека.

Бел-Тран надолго задумался.

— Я весьма тронут вашим доверием. Я согласен.

***

Сути предавался любви столь неистово, что поразил Пантеру, давно привыкшую к пылкому нраву своего любовника. Он был поистине ненасытен, не мог от нее оторваться, снова и снова покрывал поцелуями все ее тело. Объятая сладострастной истомой, она после бури была нежна и покорна.

— Такое исступление бывает у путника перед долгой и опасной дорогой. Что ты от меня скрываешь?

— Завтра — процесс.

— Он тебя страшит?

— Я бы предпочел драться голыми руками.

— Меня пугает твой друг.

— Тебе-то зачем бояться Пазаира?

— Он никого не пощадит, если так ему повелит закон.

— Ты что, предала его и мне не сказала?

Она перевернула его на спину и легла сверху.

— Когда же ты прекратишь меня подозревать?

— Никогда. Ты — самка хищной породы, это самая опасная разновидность, к тому же ты тысячу раз обещала меня убить.

— Твой друг куда страшнее меня.

— А ты что-то от меня скрываешь.

Она перекатилась на бок и отстранилась от любовника.

— Может быть.

— Плохо я тебя допрашивал.

— Но ты умеешь заставить говорить мое тело.

— Однако ты хранишь свой секрет.

— А иначе чего бы я стоила в твоих глазах?

Он бросился на нее и прижал к кровати.

— Ты что, забыла, что ты моя пленница?

— Думай как хочешь.

— Когда ты убежишь?

— Как только стану свободной женщиной.

— Это в моей власти. Я должен заявить, что ты свободна, в управление по делам чужестранцев.

— Так что же ты медлишь?

— Бегу.

Сути быстро облачился в свою лучшую набедренную повязку и надел на шею ожерелье с золотой мухой.

Он вошел в контору как раз в тот момент, когда чиновник собирался ее покинуть, хотя до закрытия было еще долго.

— Приходите завтра.

— Об этом не может быть и речи.

Тон Сути таил в себе угрозу. Золотая муха свидетельствовала о том, что молодой человек могучего телосложения — герой, а герои легко пускали в ход кулаки.

— Чего вы хотите?

— Положить конец условной свободе ливийки Пантеры, доставшейся мне в ходе последней азиатской кампании.

— Вы гарантируете ее благонадежность?

— Она ведет себя безупречно.

— Чем она предполагает заняться?

— Она уже работала в усадьбе.

Сути заполнил документ, жалея, что не занялся с Пантерой любовью еще один, последний раз; вряд ли его будущие любовницы смогут с нею сравниться. Рано или поздно это должно было случиться; так лучше порвать сейчас, пока связь не стала слишком крепкой.

На обратном пути он перебирал в памяти их любовные баталии, стоившие подвигов величайших завоевателей. Пантера научила его, что женское тело — чарующая бездна, находящаяся в постоянном движении, и что наслаждение от открытия нового не иссякает никогда.

Дом был пуст.

Сути пожалел о своей поспешности. Ему так хотелось провести с ней ночь перед процессом, забыть о предстоящей схватке, упиваясь ее ароматом. Значит, придется утешиться добрым старым вином.

— Налей еще один бокал, — сказала Пантера, обнимая его сзади.

Кадаш яростно громил свой зубо врачебный кабинет, швыряя об стену медные инструменты. Получив повестку в суд, он дал волю охватившей его жажде разрушения.

Без небесного железа он больше не сможет оперировать. Слишком дрожат руки. Будь у него чудодейственный металл, он лечил бы, как бог, он вновь обрел бы молодость и уверенность в каждом своем движении. Кто теперь станет его уважать, кто вознесет хвалу его заслугам?

Можно ли отсрочить крах? Нужно бороться, не поддаваться старению. Прежде всего необходимо бесследно рассеять подозрения судьи Пазаира. Ему бы такую силу, такую убежденность, такую решимость! Сделать его своим союзником не стоит и мечтать. Но молодой судья вместе со всем своим правосудием обречен на провал.

***

Еще несколько часов — и начнется процесс.

Пазаир бродил по берегу вместе со Смелычаком и Северным Ветром. На радостях, что после сытного ужина им выдалась неожиданно долгая вечерняя прогулка, пес и осел резвились на природе, не упуская, однако, хозяина из виду. Северный Ветер шел первым и выбирал дорогу.

Усталого, издерганного судью одолевали сомнения. Что, если он ошибся, сжег пути к отступлению и ступил на тропу, ведущую в пропасть? Мысли, на самом деле недостойные. Правосудие не остановить, как не остановить течения божественной реки. Он, Пазаир, не вершитель его, а всего лишь слуга. Чем бы ни кончился процесс, истина выйдет на поверхность.

А что будет с Нефрет, если его отстранят от должности? Старший лекарь сделает все, чтобы не дать ей лечить людей. К счастью, о ней может позаботиться Беранир. Став верховным жрецом Амона, он даст девушке возможность работать в лечебнице при храме, где она будет вне досягаемости Небамона.

Зная, что она ограждена от превратностей судьбы, Пазаир чувствовал в себе решимость бороться хоть со всем Египтом.

Процесс начался, как говорится в ритуальной формуле, «перед вратами правосудия, где внемлют жалобе всякого страждущего, дабы отличить истину от лжи, в том великом месте, где защищают слабых, дабы уберечь их от сильных». Отведенный для суда двор перед пилоном храма Птаха был специально расширен, чтобы вместить множество знатных зрителей и простолюдинов, проявивших интерес к событию.

Судья Пазаир вместе со своим секретарем восседал в глубине открытого храмового зала. Справа от него — присяжные: верховный страж Монтумес, госпожа Нанефер, Беранир, Бел-Тран, жрец храма Птаха, жрица храма Хатхор, землевладелец и столяр. Присутствие Беранира, которого многие почитали как мудреца, свидетельствовало о значимости дела. Старший судья царского портика сидел слева от Пазаира. Как представитель иерархии он был призван следить за правильным ходом процесса.

Оба судьи, облаченные в длинные белые туники и скромные традиционные парики, вместе развернули папирус, воспевавший золотой век безраздельного господства мировой гармонии — Маат.

— Я, судья Пазаир, объявляю открытым процесс, где офицер-колесничий Сути выступит с обвинением против полководца Ашера, правого царского знаменосца и наставника офицеров азиатского отряда египетского войска.

Поднялся ропот. Если бы не строгая торжественность места, многие сочли бы, что это шутка.

— Я вызываю колесничего Сути.

Герой произвел впечатление на толпу. Красивый, самоуверенный, он вовсе не походил на мечтателя-визионера или растерянного солдата, поругавшегося с начальством.

— Клянетесь ли вы говорить правду перед этим судом?

Сути прочел предложенный ему секретарем текст присяги.

— Вечной жизнью Амона и вечной жизнью фараона — да продлятся дни его в процветании и гармонии, ибо его могущество сильнее смерти, — клянусь говорить правду.

— По какой причине вы подали в суд?

— Я обвиняю полководца Ашера в вероломстве, измене родине и убийстве.

Присутствующие не могли скрыть удивления, послышались возмущенные возгласы.

Вмешался старший судья.

— Из почтения к богине Маат я требую тишины во время заседания. Всякий нарушивший ее будет немедленно удален и приговорен к большому штрафу.

Предупреждение подействовало.

— Колесничий Сути, — продолжал Пазаир, — есть ли у вас доказательства?

— Есть.

— Согласно закону, — сообщил судья, — я провел расследование. Оно позволило мне обнаружить ряд весьма странных фактов, которые я считаю связанными с основным обвинением. Таким образом, я выдвигаю предположение о заговоре против государства и об угрозе безопасности страны.

Напряжение возрастало. Те, кто впервые видел Пазаира, поражались серьезности молодого человека, твердости его поведения и весомости его слов.

— Я вызываю полководца Ашера.

Как ни знаменит был Ашер, ему пришлось предстать перед судом. Закон не допускал ни замены, ни представительства. Маленький человечек с лицом грызуна вышел вперед и произнес клятву. Одет он был по-военному — короткий передник, поножи, перевязь.

— Полководец Ашер, что вы можете сказать в ответ на обвинение?

— Офицер-колесничий Сути, которого я же таковым и назначил, — человек храбрый. Я наградил его знаком золотой мухи. В ходе последней азиатской кампании он совершил много громких подвигов и вполне может быть признан героем. Я считаю его первоклассным лучником, одним из лучших во всем нашем войске. Его обвинения необоснованны. Я их отвергаю. Наверное, это какое-то странное заблуждение.

— Иными словами, вы считаете себя невиновным?

— Да, я невиновен.

Сути сел у подножия колонны лицом к судье в нескольких метрах от него. Ашер точно так же устроился с другой стороны, возле присяжных, которые могли легко наблюдать за его поведением и выражением лица.

— Задача данного суда, — уточнил Пазаир, — заключается в установлении истины. Если подтвердится факт убийства, дело будет передано на суд визиря. Я вызываю зубного лекаря Кадаша.

Кадаш, явно нервничая, произнес клятву.

— Признаете ли вы себя виновным в попытке воровства в армейской мастерской, возглавляемой химиком Чечи?

— Нет.

— Как вы объясните свое присутствие в этом месте?

— Я пришел купить высококачественной меди. Сделка не заладилась.

— Кто вам сказал, что такой металл в мастерской есть?

— Старший по казарме.

— Это неправда.

— Я утверждаю, что...

— Суд располагает письменным свидетельством. По этому пункту вы солгали. Кроме того, вы повторили свою ложь, после того как принесли клятву, совершив тем самым лжесвидетельство.

Кадаш вздрогнул. За такое суровые присяжные приговаривают к каторжным работам в рудниках, снисходительные — к сезону полевых работ.

— Я ставлю под сомнение ваши предыдущие ответы, — продолжал Пазаир, — и повторяю свой вопрос: кто сообщил вам о существовании и местонахождении ценного металла?

Кадаш стоял с открытым ртом, явно потеряв дар речи.

— Это был химик Чечи?

Зубной лекарь заскулил, ноги его подкосились. По знаку Пазаира, секретарь отвел его на место.

— Я вызываю химика Чечи.

На мгновение Пазаиру показалось, что ученый с грустным лицом на суд не явится. Но он повел себя благоразумно.

Полководец попросил слова.

— Позвольте мне выразить удивление. Вам не кажется, что речь идет о совсем другом процессе?

— Эти люди, на мой взгляд, имеют отношение к разбираемому нами делу.

— Ни Кадаш, ни Чечи под моим началом не служили.

— Потерпите немного, полководец.

Ашер недовольно взглянул на химика краем глаза. Внешне он держался весьма непринужденно.

— Вы работаете для армии в особой мастерской, и ваша задача — совершенствование вооружения?

— Да.

— На самом деле вы исполняете две должности: одну, официальную — при свете дня, в дворцовой мастерской, другую, куда менее заметную — в тайной мастерской в казарме.

Чечи в ответ только кивнул.

— Из-за попытки ограбления, произведенной зубным лекарем Кадашем, вы перенесли мастерскую в другое место, но в суд подавать не стали.

— Я обязан соблюдать тайну.

— Будучи специалистом по металлам и процессу литья, вы получаете сырье от армии, складируете его и переписываете.

. — Разумеется.

— Почему вы скрывали слитки небесного железа, предназначенные для ритуальных целей, и тесло из того же металла?

Вопрос поразил присутствующих. И сам металл, и названный предмет относились исключительно к сакральной деятельности храмов; их хищение каралось смертной казнью.

— Я ничего не знаю о существовании этого сокровища.

— Как вы объясните его появление в вашей мастерской?

— Злой умысел.

— У вас есть враги?

— Сделав так, чтобы меня осудили, можно положить конец моим исследованиям и нанести вред Египту.

— По происхождению вы не египтянин, вы — бедуин.

— Я забыл об этом.

— Вы солгали смотрителю особых мастерских, сказав, что родились в Мемфисе.

— Мы просто не поняли друг друга. Я имел в виду, что чувствую себя коренным жителем Мемфиса.

— Армейские власти проверили и подтвердили ваше утверждение. Не в вашем ли ведении, полководец Ашер, находилась служба проверки?

— Возможно, — пробормотал тот.

— Таким образом, вы утвердили ложь.

— Не я, а чиновник, работавший под моим началом.

— По закону вы в ответе за ошибки своих подчиненных.

— Согласен, но кто же станет проверять такие мелочи? Писцы ежедневно ошибаются при составлении донесений. Кроме того, Чечи стал настоящим египтянином. Его деятельность свидетельствует об оказанном ему доверии, которое он вполне оправдал.

— Существует, однако, иная версия изложенных фактов. Вы давно знаете Чечи, познакомились с ним во время одной из первых своих азиатских кампаний. Вас заинтересовало его дарование химика; вы облегчили ему путь на территорию Египта, умолчали о его прошлом и обеспечили работу в области разработки оружия.

— Чистые домыслы.

— Небесное железо — не домысел. Зачем оно вам понадобилось и почему вы передали его Чечи?

— Все это выдумки.

Пазаир повернулся к присяжным.

— Прошу обратить внимание на то, что Кадаш — ливиец, а Чечи — бедуин из Сирии. Я считаю, что эти двое действовали сообща и были связаны с полководцем Ашером. Они давно готовят заговор и рассчитывали перейти к решительным действиям, используя небесное железо.

— Это всего лишь ваше убеждение, — возразил полководец. — Вы не располагаете доказательствами.

— Признаю, я установил лишь три непреложных факта: лжесвидетельство Кадаша, ложное заявление Чечи и административная небрежность ваших служб.

Полководец вызывающе скрестил руки на груди. Пока судья был просто смешон.

— Второй аспект моего расследования, — продолжал Пазаир, — происшествие у большого сфинкса в Гизе. Согласно официальному документу, подписанному полководцем Ашером, пятеро ветеранов, составлявшие почетную стражу памятника, погибли в результате несчастного случая. Вы это подтверждаете?

— Да, я поставил на этом документе свою печать.

— Это изложение событий не соответствует действительности.

Ашер встревожился.

— Армия оплатила похороны этих несчастных.

— Точную причину смерти троих из них, начальника стражи и двух его товарищей, проживавших в Дельте, мне установить не удалось; еще двое были отправлены на пенсию в фиванский район. Следовательно, после предполагаемого несчастного случая они были еще живы.

— Это очень странно, — признал Ашер. — А можно их услышать?

— Они оба мертвы. Четвертый ветеран стал жертвой несчастного случая в собственной пекарне; если, конечно, его не столкнули в печь. Пятый, испугавшись, скрывался под видом перевозчика. Он утонул, вернее, был убит.

— Есть возражение, — заявил старший судья. — Согласно донесению, поступившему в мою контору, начальник местной стражи считает, что это несчастный случай.

— Как бы то ни было, по меньшей мере двое из пяти ветеранов не погибли, упав со сфинкса, как пытался убедить меня полководец Ашер. Кроме того, перевозчик успел поговорить со мной перед смертью. Его товарищи подверглись нападению и были убиты вооруженными людьми, среди которых было несколько мужчин и одна женщина. Они общались на чужом языке. Такова правда, скрытая за рапортом полководца.

Старший судья портика нахмурился. Не вынося Пазаира, он тем не менее не ставил под сомнение слова судьи, сказанные во всеуслышание и сообщающие о новом, необычайно серьезном и тревожном факте. Даже Монтумес дрогнул; начинался истинный процесс.

Полководец рьяно защищался.

— Я каждый день подписываю множество рапортов, лично не проверяя факты, а до ветеранов мне дела мало.

— Присяжным будет интересно узнать, что мастерская Чечи, где хранился ящик с железом, находилась в казарме для ветеранов.

— Какая разница, — раздраженно парировал Ашер. — Несчастный случай был засвидетельствован воинской стражей, я всего лишь подписал административный документ, чтобы можно было организовать похороны.

— Вы отрицаете под присягой, что были извещены о нападении на почетную стражу сфинкса?

— Да, отрицаю. И я также отрицаю, что прямо или косвенно замешан в гибели этих пятерых несчастных. Я ничего не знал ни о самой трагедии, ни о ее последствиях.

Полководец защищался с таким воодушевлением, что расположил к себе большинство присяжных. Конечно, судья обнаружил страшное происшествие, но Ашеру можно вменить в вину лишь незначительную административную оплошность, но никак не соучастие в кровавых убийствах.

— Я считаю, — вмешался старший судья, — что, вместо того чтобы перебирать странные обстоятельства этого дела, необходимо провести дополнительное расследование. Но не следует ли поставить под сомнение заявление пятого ветерана? Чтобы произвести впечатление на судью, он вполне мог сочинить невероятную историю.

— Несколько часов спустя он умер, — напомнил Пазаир.

— Прискорбное стечение обстоятельств.

— Если он все же был убит, значит, кто-то хотел помешать ему рассказать больше и выступить здесь, на суде.

— Даже если согласиться с вашей версией, — сказал полководец, — каким боком это касается меня? Если бы я проверил, я бы, как и вы, узнал, что почетная стража не погибла в результате несчастного случая. В то время я занимался подготовкой азиатской кампании и эта задача первостепенной важности занимала меня целиком.

Пазаир надеялся, хотя и не слишком на это рассчитывал, что полководец будет владеть собой не столь хорошо, однако тот отбивал все нападки и ловко обходил самые острые аргументы.

— Я вызываю Сути.

Колесничий торжественно поднялся с места.

— Вы настаиваете на своих обвинениях?

— Да, настаиваю.

— Объясните причину.

— Когда я воевал в Азии, после гибели моего колесничего, павшего в стычке с врагом, я в одиночку шел по весьма беспокойным землям, надеясь присоединиться к отряду полководца Ашера. Я уже решил, что заблудился, как вдруг мне довелось стать свидетелем ужасной сцены. На расстоянии нескольких локтей от меня истязали, а потом убили египетского солдата; я был слишком изможден, чтобы прийти ему на помощь, да и врагов было слишком много. Я хорошо запомнил человека, который вел допрос, а потом зверски расправился с пленником. Этим преступником, этим предателем был полководец Ашер.

Обвиняемый оставался по-прежнему невозмутим.

Ошеломленная публика затаила дыхание. Лица присяжных посуровели.

— Эти возмутительные речи лишены всякого основания, — заявил Ашер почти беззаботным тоном.

— Отрицать недостаточно. Я вас видел, убийца!

— Соблюдайте спокойствие, — приказал судья. — Это свидетельство доказывает, что полководец Ашер сотрудничает с врагом. Поэтому-то мятежный ливиец Адафи остается

неуловимым. Сообщник заранее предупреждает его о перемещениях войск и вместе с ним готовится к захвату Египта. Винодность полководца позволяет предположить, что он не остался в стороне и в деле сфинкса. Может быть, он приказал убить пятерых ветеранов, чтобы испытать оружие, изготовленное Чечи? Это может выявить дополнительное расследование, которое свяжет между собой изложенные мною факты.

— Моя вина абсолютно не доказана, — заявил Ашер.

— Вы ставите под сомнение слова колесничего Сути?

— Я верю в его искренность, но он заблуждается. Он же сам сказал, что совсем обессилел. Наверное, его подвело зрение.

— Черты убийцы врезались мне в память, — настаивал Сути, — и я поклялся его разыскать. Тогда я и помыслить не мог, что это полководец Ашер. Я узнал его во время нашей первой встречи, когда он награждал меня за подвиги.

— Вы засылали лазутчиков на вражескую территорию? — спросил Пазаир.

— Естественно, — ответил Ашер.

— Сколько?

— Троих.

— Их имена были записаны?

— Так положено.

— Вернулись ли они живыми из последней кампании?

Впервые полководец смутился.

— Нет... один из них погиб.

— Тот, кого вы убили своими руками, потому что он догадался, что вы ведете двойную игру.

— Это неправда. Я не виноват в его смерти.

Присяжные отметили, что голос его дрожит.

— Вы, человек, увенчанный славой и занимающийся воспитанием офицеров, подло предали свою страну. Пора признаваться, полководец.

Взгляд Ашера устремился в пустоту. На сей раз казалось, он вот-вот сдастся.

— Сути ошибся.

— Пусть меня отправят на место происхождения вместе с воинами и писцами, — предложил колесничий. — Я узнаю место, где наспех похоронил несчастного. Мы привезем его останки, он будет опознан и достойным образом погребен.

— Приказываю немедленно снарядить экспедицию, — заявил Пазаир. Полководец Ашер будет взят под стражу и заключен в главной казарме Мемфиса. До возвращения Сути ему не разрешается вступать в какие бы то ни было контакты с внешним миром. После возвращения экспедиции мы возобновим процесс и присяжные вынесут свое решение.

Эхо процесса громко прокатилось по всему Мемфису. Некоторые уже считали полководца Ашера гнуснейшим из предателей, превозносили мужество Сути и высокий профессионализм судьи Пазаира.

Последнему очень хотелось посоветоваться с Бераниром, но закон запрещал ему общаться с присяжными до окончания дела. Он отказался от приглашений многих известных людей и закрылся у себя дома. Не пройдет и недели, как вернется отряд с телом лазутчика, убитого Ашером, полководец будет уличен и приговорен к смерти. Сути получит высокое назначение. Но главное, заговор будет раскрыт и Египет избежит опасности, исходящей одновременно извне и изнутри. Даже если Чечи ускользнет, цель будет достигнута.

Пазаир сказал Нефрет правду. Он ни на миг не переставал думать о ней. Даже во время процесса перед его мысленным взором стояло ее лицо. Ему приходилось сосредоточиваться на каждом слове, чтобы не уйти в мир грез, где она царствовала безраздельно.

Небесное железо и тесло Пазаир передал старшему судье портика, а тот сразу же вручил верховному жрецу Птаха. Теперь судье вместе с жрецами предстояло выяснить, откуда взялось это сокровище. Одно смущало Пазаира: почему жрецы не заявили о краже? Исключительная ценность предмета и материала сразу наводила на мысль, что храниться все это могло только в очень богатом и могущественном святилище.

Пазаир дал три выходных дня Ярти и Кему. Секретарь тут же поспешил домой, где разыгрывалась новая семейная драма: дочь отказывалась есть овощи и питалась одними сладостями. Ярти капризу потакал, супруга была против.

Нубиец никуда из конторы не ушел. Отдых ему был ни к чему, а себя он считал в некотором роде ответственным за безопасность судьи. Неприкосновенность неприкосновенностью, но осторожность следовало соблюдать.

Когда к судье захотел войти жрец с бритой головой, Кем преградил ему путь.

— Я должен передать сообщение судье Пазаиру.

— Можете это сделать через меня.

— Нет, только ему одному.

— Подождите.

Хотя мужчина был тщедушный и без оружия, Кему стало не по себе.

— С вами хочет поговорить какой-то жрец. Будьте осторожны.

— Вам повсюду мерещится опасность!

— Пусть хотя бы павиан останется с вами.

— Как хотите.

Жрец вошел, Кем остался за дверью. Павиан безучастно чистил орех пальмы дум.

— Судья Пазаир, вас ждут завтра на рассвете у больших ворот храма Птаха.

— Кто хочет меня видеть?

— Больше мне нечего вам сообщить.

— А по какому поводу?

— Повторяю: больше мне нечего вам сообщить. Соболаговолите сбрить волосы по всему телу, воздержитесь от половой жизни и вознесите молитвы предкам.

— Я судья и не собираюсь становиться жрецом!

— Сделайте все в точности как я сказал. Да хранят вас боги.

Цирюльник закончил брить Пазаира под наблюдением Кема.

— Ну вот, теперь вы совсем гладенький и можете приступить к таинствам! Неужели нам предстоит потерять судью, дабы обрести жреца?

— Простая гигиеническая мера. Разве многие именитые люди не проделывают эту процедуру регулярно?

— Да, правда, вы же теперь один из них! Я восхищаюсь вами. На улицах Мемфиса только о вас и говорят. Кто решился бы посягнуть на всемогущего Ашера? А теперь все распустили языки. Его никто не любил. Поговаривают, что он истязал будущих офицеров.

Вчера его боготворили, ныне попирают ногами — так за несколько часов переменилась судьба Ашера.

На его счет ходили самые гнусные слухи. Пазаир усвоил урок: нет границ человеческой низости.

— Если вы не намерены становиться жрецом, — предположил цирюльник, — значит, у вас, вероятно, свидание с дамой. Многим нравятся чисто выбритые мужчины, похожие на жрецов... да и сами жрецы! Им не возбраняется любить, а иметь дело с человеком, общающимся с богами лицом к лицу, это же возбуждает, правда? У меня есть лосьон на основе жасмина и лотоса, я купил его у лучшего парфюмера Мемфиса. Ваша кожа будет благоухать несколько дней.

Пазаир согласился. Теперь цирюльник разнесет по всему городу необычайно любопытную новость: самый непримиримый судья Мемфиса еще и галантный кавалер. Осталось только разузнать имя избранницы.

Когда болтун ушел, Пазаир углубился в чтение текста, посвященного Маат. Она была великой богиней, источником радости и гармонии. Дочь света и сама свет, она благоволила к тем, кто действовал во имя нее.

Пазаир молил ее помочь ему не сбиться с прямого пути.

***

Незадолго до рассвета, когда Мемфис понемногу просыпался, Пазаир предстал перед большими бронзовыми воротами храма Птаха. К нему вышел жрец и повел его вдоль стены, со стороны, где еще царила ночная мгла. Кем изо всех сил пытался отговорить судью откликаться на странное приглашение. По своему статусу он не был уполномочен вести расследование в храме. Но что если кто-то из жрецов хотел что-то рассказать ему о краже небесного железа и тесла?

Пазаир был взволнован. Ему впервые довелось проникнуть в глубины храма. Высокие стены отделяли от внешнего мира тех, кто призван был поддерживать и распространять божественную силу, чтобы не прервалась связь между богами и человечеством. Конечно, храм был еще и экономическим центром со своими мастерскими, пекарнями, мясными лавками, складами, где работали лучшие ремесленники царства; конечно, первый большой

двор под открытым небом был доступен для непосвященных в дни больших праздников. Но дальше начиналась обитель тайны, каменный сад, где говорить следовало тихо, дабы слышать голос богов.

Проводник Пазаира обогнул внешнюю стену и дошел до маленькой дверцы с медным колесом, служившим шлюзовым затвором; повернув его, они открыли воду и омыли лицо, руки и ноги. Жрец попросил Пазаира подождать в темноте у начала колоннады.

***

Затворники, облаченные в белые льняные одежды, вышли из своих жилищ, построенных на берегу озера, где они черпали воду для утренних омовений. Выстроившись в процессию, они возложили на алтари овощи и хлеб, между тем как верховный жрец, действуя от имени фараона^[49], зажигал светильники, снимал печать с наоса, где обитала статуя бога, воскурял ладан и одновременно с другими верховными жрецами, исполнявшими тот же ритуал в других храмах Египта, произносил заклинание: «Пробудись с миром».

В одном из залов внутреннего храма собрались девять человек. Визирь, хранитель Закона, начальник казны, смотритель каналов и водоемов, начальник царских писцов, управитель земельных угодий, начальник тайной службы, писец кадастра и управитель царского дома составляли совет девятерых при Рамсесе Великом. Каждый месяц они совещались в этом тайном месте, вдали от своих контор и подчиненных. В тишине святилища они обретали безмятежное спокойствие, столь необходимое для раздумий. Принятая ими на себя ноша день ото дня казалась все более непосильной, с тех пор как фараон отдал приказы столь необычные, словно царству грозила опасность. Каждый из них должен был проводить систематические проверки в своей области, дабы убедиться в честности самых высокопоставленных своих подчиненных. Рамсес требовал быстрых результатов. Нарушения законности и попустительство необходимо было немилосердно преследовать, а недобросовестных чиновников отстранять от должности. Каждый из девяти советников после встреч с фараоном находил царя озабоченным, а то и встревоженным.

Проведя ночь в плодотворных беседах, девять членов совета разошлись. Один из жрецов что-то шепнул на ухо Баги, и тот направился к колонному залу.

— Спасибо, что пришли, судья Пазаир. Я — визирь.

Пазаир, впечатленный величием места, еще больше разволновался при этой встрече. Он, мелкий мемфисский судья, удостоился невиданной чести беседовать один на один с визирем Баги, чья легендарная строгость повергала в трепет всех египетских чиновников.

Баги, который был выше Пазаира ростом, говорил глухим, хрипловатым голосом. Его тон был холоден, почти резок, лицо сохраняло суровое выражение.

— Я очень хотел увидеть вас здесь, чтобы наша встреча осталась тайной. Если вы сочтете, что это противозаконно, можете удалиться.

— Я вас слушаю.

— Вы осознаете важность процесса, который ведете?

— Полководец Ашер — фигура значительная, но, мне кажется, я доказал преступный характер его деятельности.

— Вы в этом убеждены?

— Свидетельство Сути неопровержимо.

— Но ведь он ваш лучший друг, верно?

— Да, это так, но дружба не влияет на мое суждение.

— Ошибиться было бы непростительно.

— Мне кажется, факты установлены.

— Разве не присяжные должны это решать?

— Я склонюсь перед их решением.

— Ополчившись на Ашера, вы ставите под сомнение политику обороны в Азии. От этого пострадает моральный дух наших воинов.

— Если бы истина не была обнаружена, страна подверглась бы более серьезной опасности.

— Вам чинили препятствия в ходе расследования?

— Военные всячески пытались мне помешать, и я уверен, что были совершены убийства.

— Пятый ветеран?

— Все пять ветеранов умерли насильственной смертью: трое — в Гизе, а двое выживших — в своих селениях. Таково мое убеждение. Продолжать расследование надлежит старшему судье царского портика, но...

— Что — но?

Пазаир колебался. Передним стоял визирь. Необдуманное слово могли обернуться для него полным крахом, но скрыть свои мысли было все равно что солгать. Те, кто пытались обмануть Баги, больше в его администрации не работали.

— Но у меня ощущение, что он не проявит должного упорства.

— Вы обвиняете в недобросовестности высшего судью Мемфиса?

— У меня такое чувство, что борьба с темными силами его уже не слишком привлекает.

В силу своего опыта он предвидит столько нежелательных последствий, что предпочитает оставаться в стороне и не ступать на опасную территорию.

— Суждение крайне суровое. Вы считаете, что он подкуплен?

— Просто связан с влиятельными людьми и не хочет вызывать их недовольство.

— Это не слишком вяжется с правосудием.

— Я действительно представляю себе его иначе.

— Если полководец Ашер будет осужден, он подаст апелляцию.

— Это его право.

— Каким бы ни был вердикт, старший судья царского портика не отстранит вас от этого дела и попросит продолжать расследование невыясненных обстоятельств.

— Позвольте мне в этом усомниться.

— Напрасно, ибо я дам ему такой приказ. Я хочу добиться полной ясности в этом деле, судья Пазаир.

— Сути вернулся вчера вечером, — сообщил Пазаиру Кем.

Судья был поражен.

— Почему он не пришел сюда?

— Он под стражей, в казарме.

— Это противозаконно!

Пазаир кинулся в центральную казарму, где его принял писец, возглавлявший отряд.

— Я требую объяснений.

— Мы отправились на место происшествия. Офицер Сути узнал место, но тела мы там не нашли. Я счел нужным арестовать офицера Сути.

— Это решение незаконно, пока не завершился текущий процесс.

Писец признал правоту судьи. Сути был сразу же освобожден.

Друзья обнялись.

— Как с тобой обращались?

— Отлично. Мои спутники были убеждены в виновности Ашера, провал операции привел их в отчаяние. Всю пещеру разнесли, лишь бы замести следы.

— А ведь мы держали все в тайне.

— Ашер и его сторонники приняли меры предосторожности. Я так же наивен, как и ты, Пазаир. Вдвоем нам их не одолеть.

— Во-первых, процесс еще не проигран, а во-вторых, мне дана полная свобода действий.

***

Процесс возобновился на следующий день.

Пазаир вызвал Сути.

— Расскажите об экспедиции на место преступления.

— В присутствии свидетелей, находившихся под присягой, я констатировал исчезновение тела. Инженерные войска перевернули там все вверх дном.

— Смех, да и только, — отреагировал Ашер. — Офицер сочинил сказку, а теперь ищет себе оправдания.

— Вы настаиваете на своих обвинениях, офицер Сути?

— Я видел, как полководец Ашер истязал и убил египтянина.

— И где же тело? — язвительно спросил обвиняемый.

— Вы позаботились, чтобы оно исчезло!

— Чтобы я, полководец, стоящий во главе азиатского отряда египетского войска, действовал как последний разбойник?! Да кто в это поверит? Может, все как раз наоборот: это вы в заговоре с бедуинами прикончили своего колесничего? Что, если преступник — вы и вам понадобилось обвинить другого, чтобы выгородить себя? В отсутствие доказательств дело оборачивается против того, кто его затеял. Поэтому я требую, чтобы вы понесли наказание.

Сути сжал кулаки.

— Вы виновны, и вы это знаете. Как вы смеее выступать наставником лучших наших

бойцов, если вы расправились с одним из ваших людей и отправили собственных солдат во вражескую западню?

Ашер заговорил вкрадчиво.

— Присяжные не преминут заметить, что измышления час от часу становятся все более вопиющими. Скоро меня обвинят в истреблении египетского войска!

Насмешливая улыбка полководца покорила аудиторию.

— Сути выступает под присягой, — напомнил Пазаир, — а вы признали его воинские заслуги.

— Победы вскружили ему в голову.

— Исчезновение тела не отменяет свидетельских показаний офицера.

— Но согласитесь, судья Пазаир, значительно снижает их весомость! Я тоже даю показания под присягой. Неужели мое слово значит меньше, чем слово Сути? Может, он и стал очевидцем убийства, но насчет убийцы ошибся. Если он согласится сей же час при всех принести мне свои извинения, я согласен забыть о его умопомрачении.

Судья обратился к обвинителю.

— Офицер Сути, вы принимаете это предложение?

— Выйдя из переделки, где я чуть не расстался с жизнью, я поклялся добиться осуждения гнуснейшего из людей. Ашер хитер, знает, как посеять сомнения, вызвать недоверие к суду. Теперь он предлагает мне отречься! До последнего вздоха я буду во всеуслышание говорить правду.

— Перед лицом слепой непримиримости утратившего разум воина я, полководец и правый царский знаменосец, заявляю о своей невиновности.

Сути готов был броситься на полководца и придушить его. Выразительный взгляд Пазаира заставил его одуматься.

— Кто-нибудь из присутствующих хочет взять слово?

Все молчали.

— Раз так, предлагаю присяжным приступить к совещанию.

***

Присяжные заседали в одном из залов дворца, судья председательствовал на совещании, но не имел права вмешиваться, поддерживая ту или иную сторону. Его роль сводилась к тому, чтобы предоставлять слово, предотвращать столкновения и следить за соблюдением порядка.

Монтумес выступил первым объективно и сдержанно. Потом было внесено несколько уточнений, но в целом его выводы были утверждены без особых изменений. Менее двух часов спустя Пазаир зачитал вердикт, а Ярти зафиксировал его в письменной форме.

— Зубной лекарь Кадаш признан виновным в лжесвидетельстве. Учитывая незначительный характер произнесенной лжи, его высокие профессиональные заслуги и возраст, Кадаш приговаривается к уплате одного тучного быка в пользу храма и ста мешков зерна в пользу казармы ветеранов, чей покой он потревожил своим неуместным появлением.

Зубной лекарь с облегчением стукнул себя по колену.

— Признает ли зубной лекарь Кадаш этот приговор или желает подать апелляцию?

Лекарь встал.

— Признаю, судья Пазаир.

— Никакой вины не признано за химиком Чечи.

На лице Чечи не отразилось ни малейшей реакции. Он даже не улыбнулся.

— Полководец Ашер признан виновным в двух административных нарушениях, не повлекших за собой последствий для азиатского войска. Кроме того, принимаются принесенные им извинения. Ему выносится простое предупреждение, во избежание повторения подобных оплошностей. Присяжные считают, что факт убийства формально и окончательно установлен не был. Следовательно, на данный момент полководец Ашер не считается предателем и преступником, однако свидетельство офицера Сути не квалифицируется как клеветническое. Поскольку присяжные не смогли вынести безоговорочного суждения в силу неясности многих ключевых фактов, суд просит о продлении расследования с целью скорейшего выявления истины.

Верховный судья царского портика поливал клумбу, где ирисы росли вперемешку с гибискусами. Пять лет назад он овдовел и теперь жил один в одной из усадеб южного квартала.

— Ну что, гордитесь собой, Пазаир? Запятнали репутацию всеми уважаемого полководца, посеяли смуту в умах людей, но все же не добились победы для своего друга Сути.

— Я не ставил себе такой цели.

— Чего же вы хотели?

— Правды.

— А-а, правды! Это, знаете ли, вещь скользкая, словно речная рыба.

— Разве я не выявил составляющие заговора против Египта?

— Перестаньте говорить глупости: Лучше помогите мне встать и полейте вон те нарциссы, только осторожно. Хоть на некоторое время станете мягче, чем обычно.

Пазаир повиновался.

— Героя нашего угомонили?

— Сути вне себя от гнева.

— А на что он надеялся? Вот так, с маху, свалить Ашера?

— Вы же, как и я, верите, что он виновен.

— Вы очень самоуверенны. Еще один ваш серьезный недостаток.

— Но ведь вас смутили мои аргументы?

— В моем возрасте уже ничто не может смутить.

— Я уверен в обратном.

— Я устал, долгие расследования уже не для меня. Начали, так продолжайте.

— Должен ли я понять вас так, что...

— Вы все прекрасно поняли. Я свое решение принял и не передумаю.

***

Новость быстро облетела дворец и конторы чиновников: ко всеобщему удивлению, начальство не забрало дело Ашера у судьи Пазаира. Хотя молодой судья и потерпел поражение, многих сановников покорила его неукоснительная добросовестность. Он не оказывал предпочтения ни обвинителю, ни обвиняемому и не скрывал пробелов в расследовании. Некоторые позабыли о его юном возрасте и говорили только о его будущем, отнюдь не безоблачном, если учесть личность обвиняемого. Наверное, судье Пазаиру не следовало слишком полагаться на свидетельство Сути — новоиспеченного офицера и человека весьма взбалмошного. И если большинство по здравому размышлению верило в невиновность полководца, все признавали, что судья выявил тревожные факты. Исчезновение пятерых ветеранов и кража небесного железа, даже не будучи связанными с мифическим заговором, представлялись событиями возмутительными, и предать их

забвению было бы недопустимо. Власть, судебная иерархия, сановники, народ — все ждали от судьи Пазаира раскрытия истины.

Его назначение умирilo гнев Сути, который пытался забыться в объятиях Пантеры. Судье он пообещал ничего не предпринимать без его ведома. Было решено, что он сохранит звание офицера-колесничего, но не будет участвовать в операциях до вынесения окончательного вердикта.

***

Заходящее солнце позолотило пески пустыни и камень карьеров; смолк стук рабочих инструментов, возвращались домой крестьяне, отдыхали ослы, избавленные наконец от своей ноши. На плоских крышах мемфисских домов горожане ели сыр, пили пиво и наслаждались прохладой. Смельчак растянулся во весь рост на террасе у Беранира, ему снился только что съеденный кусок жареной говядины. Резкие контуры гизехских пирамид вдаль определяли границу вечности в надвигающихся сумерках. Каждый вечер в царствование Рамсеса Великого, страна засыпала в мире, уверенная, что солнце одержит победу над змеем преисподней и снова воскреснет на заре.

— Ты преодолел серьезное препятствие, — сказал Беранир.

— Успех невелик, — возразил Пазаир.

— Ты признан неподкупным судьей, знающим свое дело, и получил возможность беспрепятственно продолжать расследование. Чего ж тебе еще надо?

— Ашер солгал, хотя и говорил под присягой. Он не только убийца, но и клятвопреступник.

— Никто из присяжных не выступил против тебя. Ни верховный страж, ни госпожа Нанефер не пытались выгородить полководца. Они поставили тебя перед лицом твоей судьбы.

— Старший судья портика предпочел бы отобрать у меня дело.

— Он верит в твои способности, а визирь настаивает на добросовестном ведении дела, чтобы потом вмешаться, имея на то все основания.

— Ашер позаботился о том, чтобы уничтожить улики; я боюсь, как бы мое расследование не оказалось бесплодным.

— Твой путь будет долг и труден, но ты в силах дойти до цели. Скоро ты получишь поддержку верховного жреца Карнака, которая откроет тебе доступ в храмовые архивы.

Как только вступит в силу назначение Беранира, Пазаир займется выяснением обстоятельств кражи небесного железа и тесла.

— Теперь ты сам себе хозяин, Пазаир. Умей отличать праведность от беззакония и не слушай советов тех, кто путает и смешивает эти понятия, дабы ввести умы в заблуждение. Этот процесс — всего лишь подготовительная атака, настоящий бой еще впереди. Нефрет тоже будет тобой гордиться.

В сиянии звезд струился свет душ мудрецов. Пазаир возблагодарил богов за то, что ему довелось встретить мудреца здесь, на земле.

***

Северный Ветер был ослом молчаливым и задумчивым. Лишь изредка испускал он

характерный для его сородичей сиплый вопль, настолько пронзительный, что от него просыпалась вся улица.

Пазаир резко пробудился.

Это действительно трубил его осел, трубил на рассвете того самого дня, когда они со Смельчаком рассчитывали поспать подольше. Судья отворил окно.

Возле дома собралось человек двадцать. Старший лекарь Небамон потрясал кулаком.

— Здесь лучшие лекари Мемфиса, судья Пазаир! Мы подаем жалобу на целительницу Нефрет, обвиняем ее в изготовлении опасных снадобий и требуем ее исключения из сословия целителей.

***

Пазаир сошел на западный берег Фив, когда жара была в самом разгаре. Он решил воспользоваться колесницей стражи, разбудил колесничего, спавшего под навесом, и велел ему гнать во весь опор к селению Нефрет.

Безраздельно завладев миром, остановив время, солнце опаляло вечнозеленые кроны пальм и обрекало людей на безмолвие и бездействие.

Нефрет не было ни дома, ни в аптеке.

— Она у канала, — сказал деревенский старик, на мгновение вынырнув из сонного оцепенения.

Пазаир сошел с колесницы, обогнул пшеничное поле, пересек тенистый сад и пошел по тропинке, ведущей к каналу, где обычно купались местные жители. Спустившись по крутому склону, он преодолел тростниковые заросли и увидел ее.

Он должен был окликнуть ее, закрыть глаза, отвернуться, но слова замерли на языке, и сам он словно окаменел, зачарованный красотой девушки.

Обнаженная, она грациозно разгребала воду. Так плавают те, кто не борется с волнами, а отдается на волю течения. Ее волосы были убраны под плетеную тростниковую шапочку, она без всяких усилий уходила под воду и вновь выныривала на поверхность. На шее поблескивала бирюза.

Заметив его, она продолжала плавать.

— Вода восхитительная, идите купаться.

Пазаир снял набедренную повязку и пошел к ней, не ощутив пролады. Она протянула ему руку, он лихорадочно схватил ее. Волна подтолкнула их друг к другу. Когда ее соски коснулись его груди, она не отступила. Он осмелился потянуться губами к ее губам и прижать ее к себе.

— Я люблю вас, Нефрет.

— Я научусь вас любить.

— Вы моя первая женщина, у меня никогда не было другой.

Он неловко поцеловал ее. Обнявшись, они вышли на берег и легли на песок, укрывшись за тростником.

— Я тоже девственна.

— Я хочу отдать вам свою жизнь. Прошу вас, выходите за меня замуж, завтра же.

Она улыбнулась, расслабленно и покорно.

— Люби меня, люби меня со всей силой, на которую ты способен.

Он лег на нее, его взгляд утонул в ее синих глазах. Их души и тела слились под

полуденным солнцем.

***

Нефрет выслушала, что сказали ей отец — мастер по изготовлению дверных засовов, и мать — ткачиха одной из центральных фиванских мастерских. Ни тот, ни другая не противились свадьбе, но хотели познакомиться с будущим зятем, прежде чем высказать свое мнение. Конечно, девушка не нуждалась в согласии родителей, но из почтения не хотела им пренебрегать. Мать выразила кое-какие сомнения: не слишком ли молод Пазаир? Да и насчет его будущего есть некоторые опасения. И потом, что означает это опоздание в день, когда он просит ее руки!

Их волнение передалось Нефрет. Ужасная мысль закралась ей в голову: что, если он ее больше не любит? Что, если вопреки его заверениям, ему нужно было лишь мимолетное приключение? Нет, не может быть. Его страсть будет вечной, как фиванские скалы.

Наконец он ступил на порог скромного жилища. Нефрет осталась сидеть поодаль, как подобало в столь торжественный момент.

— Пожалуйста, извините меня; я заблудился в переулках. Должен признаться, я совершенно не ориентируюсь на местности; обычно меня ведет осел.

— Так у вас есть осел? — удивилась мать Нефрет.

— Его зовут Северный Ветер.

— Молодой и здоровый?

— Он никогда не болел.

— А чем еще вы владеете?

— Через месяц у меня будет дом в Мемфисе.

— Судья — хорошая профессия, — заявил отец.

— Наша дочь молода, — напомнила мать. — Не могли бы вы подождать?

— Я люблю ее и хочу на ней жениться, не мешкая ни секунды.

Пазаир выглядел серьезно и решительно. Нефрет смотрела на него влюбленными глазами. Родители уступили.

***

Колесница Сути на полном ходу въехала в ворота главной мемфисской казармы. Стражники побросали копья и бросились врассыпную, чтобы уберечься от стремительно несущегося экипажа. Сути соскочил на землю, хотя лошади еще продолжали лететь вперед по большому двору. Прыгая через три ступеньки, он взбежал наверх, туда, где жили старшие офицеры и полководец Ашер. Ударом в затылок он убрал с дороги первого стражника, тычком в живот — второго, пинком в пах — третьего. Четвертый успел обнажить меч и ранил его в левое плечо; боль удвоила ярость офицера-колесничего, и он, сцепив кулаки, оглушил нападавшего.

Сидевший на циновке полководец Ашер оторвался от разложенной перед ним карты Азии и повернул голову к Сути.

— Что тебе надо?

— Я пришел расправиться с вами.

— Успокойся.

- Вы ускользнули от правосудия, но не от меня!
- Если ты нападешь на меня, живым из этой казармы не выйдешь.
- Сколько египтян вы убили собственными руками?
- Ты был изможден, тебя подвело зрение. Ты ошибся.
- Нет, и вы это знаете не хуже меня!
- Тогда пойдем на мировую.
- На мировую?
- Лучше всего подействует публичное примирение. Я укреплю свое положение, ты получишь повышение.

Сути бросился на Ашера и сдавил ему горло.

— Сгинь, падаль!

Обезумевшего офицера окружили солдаты и, осыпая ударами, оттащили от полководца.

***

Ашер великодушно отказался подавать в суд на Сути. Он понимал состояние нападавшего, хотя тот и принял его за кого-то другого. На его месте он действовал бы точно так же. Такое поведение располагало в пользу полководца.

Вернувшись в Мемфис, Пазаир сразу же приложил все усилия, чтобы освободить Сути, содержащегося в главной казарме. Ашер даже согласился не наказывать его за неподчинение и оскорбление начальника при условии, что герой подаст в отставку.

- Соглашайся, — посоветовал Пазаир.
  - Прости, я забыл о своем обещании.
  - Вечно я тебе потакаю.
  - Тебе не одолеть Ашера.
  - Я упрям.
  - А он хитер.
  - Забудь об армии.
  - Дисциплина не по мне. У меня другие планы.
- Пазаир боялся даже подумать, какие именно.
- Ты поможешь мне подготовиться к празднику?
  - По какому поводу?
  - По поводу моей свадьбы.

***

Заговорщики собрались в заброшенной усадьбе. Каждый удостоверился, что за ним не следили.

С тех пор как они ограбили великую пирамиду и похитили символы законной власти фараона, они ограничивались наблюдением. Недавние события вынуждали их к действиям.

Только Рамсес Великий знал, что его трон стоит на зыбучих песках. Как только силы его начнут иссякать, он должен будет устроить праздник возрождения, и это вынудит его

признаться придворным и всей стране в том, что у него больше нет завещания богов.

— Царь выдержал удар лучше, чем мы предполагали.

— Терпение — наше главное оружие.

— Но проходят месяцы.

— Чем мы рискуем? Фараон связан по рукам и ногам. Он принимает меры, ужесточает контроль за собственной администрацией, но довериться никому не может. У него сильный характер, но ему не устоять. Он обречен и сам об этом знает.

— Мы утратили небесное железо и тесло.

— Тактическая ошибка.

— Я боюсь... Может, бросим все и вернем украденное?

— Глупости!

— Как можно отступить, когда цель совсем рядом?

— Египет в наших руках; завтра это великое царство со всеми его богатствами будет принадлежать нам. Разве вы забыли о нашем плане?

— На пути к победе неизбежны жертвы, а к такой победе — тем более! Никаких сожалений о содеянном не должно быть. Несколько трупов у обочины — ничто по сравнению с тем, что мы намерены совершить.

— Судья Пазаир по-настоящему опасен. Ведь именно его действия заставили нас собраться.

— Он скоро выдохнется.

— Не обольщайтесь, такого неумоимого упрямца еще поискать.

— Он ничего не знает.

— Он мастерски провел свой первый большой процесс. Некоторые его догадки вызывают опасение. Он собрал ряд важных улик и представляет серьезную угрозу для нашего дела.

— Когда он приехал в Мемфис, он был один. Теперь он пользуется поддержкой влиятельных людей. Еще один шаг в нужном направлении — и его уже не остановить. Надо было пресечь его деятельность с самого начала.

— Сейчас еще не поздно.

Когда судно из Фив причалило в мемфисской гавани, Нефрет встречал Сути.

— Вы самая красивая женщина на свете!

— Мне, наверное, следует покраснеть перед героем?

— Глядя на вас, я бы предпочел быть судьей. Дайте мне вашу дорожную сумку. Думаю, осел обрадуется такой поклаже.

Она выглядела взволнованной.

— Где Пазаир?

— Драит дом, не успел закончить к вашему приезду, поэтому вас встречаю я. Я так рад за вас обоих!

— Как ваше здоровье?

— Вы самая лучшая целительница на свете. Силы полностью восстановились, и я намерен ими воспользоваться.

— Неужели какое-нибудь новое безрассудство?

— Не волнуйтесь. Но не стоит заставлять Пазаира ждать. Он со вчерашнего дня только и говорит о встречном ветре, возможной задержке и всякого рода препятствиях, способных помешать вашему приезду. Просто поражаюсь, как можно быть таким влюбленным.

Северный Ветер повел их домой.

Судья дал своему секретарю выходной, украсил фасад дома цветами и окурил помещения благовониями. В воздухе плавал тонкий аромат ладана и жасмина.

Зеленая обезьянка Нефрет и пес Пазаира вызывающе смотрели друг на друга, пока судья сжимал невесту в объятиях. Соседи, жадные до новостей, быстро прознали, что к чему.

— Я беспокоюсь о пациентах, оставленных в селении.

— Придется им привыкать к другому лекарю: через три дня мы поселимся в доме Беранира.

— Ты все еще хочешь на мне жениться?

Вместо ответа он подхватил ее на руки и понес в дом, где провел в мечтах о ней столько ночей.

На улице раздались радостные крики. По египетскому обычаю, Пазаир и Нефрет становились мужем и женой просто потому, что переходили жить под одну крышу, без всяких формальностей.

***

После длившегося всю ночь праздника, в котором принял участие весь квартал, они проспали, обнявшись, почти до полудня. Проснувшись, Пазаир не мог на нее наглядеться. Он и не думал, что можно быть таким счастливым. Не открывая глаз, она взяла его руку и положила себе на сердце.

— Поклянись, что мы никогда не расстанемся.

— Да будет угодно богам сделать из нас одно существо и вписать нашу любовь в анналы

вечности.

Их тела были так чутки друг к другу, что желания вибрировали в унисон. Помимо чувственного наслаждения, вкушаемого по-юношески жадно и пылко, они уже ощутили вневременной, непреходящий лик своей любви.

***

— Ну, судья Пазаир, когда же мы начнем процесс? Я слышал, Нефрет вернулась в Мемфис. Значит, готова предстать перед судом.

— Нефрет стала моей женой.

Старший лекарь поморщился.

— Досадно. Ее осуждение бросит на вас тень; если карьера вам дорога, вам стоит немедленно развестись.

— Вы настаиваете на своем обвинении?

Небамон расхохотался.

— Вы что, от любви тронулись рассудком?

— Вот список снадобий, которые Нефрет готовила в своей аптеке. Растения ей поставлял Кани, садовник Карнакского храма. Как вы сами можете убедиться, все рецепты соответствуют правилам аптекарского искусства.

— Вы не лекарь, Пазаир, и показаний этого Кани будет недостаточно, чтобы убедить присяжных.

— А свидетельство Беранира, на ваш взгляд, будет более убедительным?

Улыбка старшего лекаря превратилась в гримасу.

— Беранир больше не практикует, он...

— Он — будущий верховный жрец Карнакского храма и будет свидетельствовать в пользу Нефрет.

Со свойственной ему добросовестностью он изучил снадобья, которые вы расценили как опасные, и не нашел в них ничего предосудительного.

Небамон был взбешен. Старый лекарь пользовался таким уважением, что его участие прославило бы Нефрет.

— Я недооценил вас, Пазаир. Вы ведете тонкую игру.

— Я просто противопоставляю истину вашему желанию навредить.

— Сегодня вы чувствуете себя победителем, но завтра вас постигнет разочарование.

***

Нефрет спала на втором этаже, Пазаир на первом изучал одно дело. Затрубил осел, предупреждая, что кто-то подходит к дому.

Он вышел, но никого не увидел.

На земле лежал клочок папируса. Надпись сделана торопливо, но без ошибок:

«Беранир в опасности. Приходите скорее».

Судья кинулся в темноту.

Возле дома Беранира, казалось, все было спокойно, но дверь, несмотря на поздний час, была открыта. Пазаир прошел первую комнату и увидел учителя, сидящего спиной к стене с головой, опущенной на грудь.

Из его шеи торчала перламутровая игла с капельками крови.

Биение сердца не прослушивалось. Пазаир с ужасом осознал очевидное: Беранира убили.

В комнату вошли несколько стражников и окружили судью. Во главе отряда стоял Монтумес.

— Что вы здесь делаете?

— Мне было доставлено послание, извещавшее о том, что Бераниру грозит опасность.

— Покажите.

— Я бросил его рядом с моим домом.

— Мы это проверим.

— А почему вдруг такая подозрительность?

— Потому что я обвиняю вас в убийстве.

***

Монтумес разбудил старшего судью портика посреди ночи. Тот, ворча, открыл дверь и был поражен, увидев Пазаира между двумя стражниками.

— Перед тем как обнародовать факты, — заявил Монтумес, — я решил посоветоваться с вами.

— Вы арестовали судью Пазаира?

— Он совершил убийство.

— И кого же он убил?

— Беранира.

— Это нелепо, — вмешался Пазаир. — Он был моим учителем, я глубоко почитал его.

— Почему вы так уверены в своем обвинении, Монтумес?

— Он был застигнут на месте преступления. Пазаир вонзил перламутровую иглу Бераниру в шею; крови почти не было. Когда я со своими людьми вошел в дом, я сразу понял, что он только что совершил злодеяние.

— Неправда, — возразил Пазаир. — Я только что обнаружил тело.

— Вы вызвали врача осмотреть тело?

— Да, я пригласил Небамона.

Как ни тяжело было на душе у Пазаира, он не мог не вмешаться в разговор.

— Ваше присутствие в этом месте в такой час, да еще с отрядом — довольно странно, согласитесь. Как вы его объясните, Монтумес?

— Ночное патрулирование. Время от времени я присоединяюсь к своим подчиненным. Это самый лучший способ узнать, с какими трудностями им приходится сталкиваться, и их устранить. Нам посчастливилось застать преступника на месте преступления.

— Кто вас послал, Монтумес, кто подстроил эту ловушку?

Двое стражников схватили Пазаира за руки. Старший судья портика отвел верховного

стража в сторону.

— Скажите, Монтумес: вы действительно оказались там случайно?

— Не совсем. Днем ко мне в контору принесли анонимное послание. Когда стемнело, я стал следить за домом Беранира. Я видел, как Пазаир вошел внутрь и почти сразу же поспешил туда, но было уже поздно.

— Его вина не вызывает сомнений?

— Я не видел, как он втыкал иглу в тело жертвы, но разве это не очевидно?

— Ньюанс, однако, немаловажный. После скандала с Ашером такой драматический поворот... Да еще с судьей, находящимся под моей протекцией!

— Пусть правосудие делает свое дело, я свой долг выполнил.

— Остается один неясный момент — мотив.

— Это не так важно.

— Еще как важно!

Старший судья портика явно был в замешательстве.

— Спрячьте Пазаира куда-нибудь подальше. Официально будет объявлено, что он отправился со специальным заданием в Азию по делу Ашера. Места небезопасные, там он легко может стать жертвой несчастного случая, подвернуться под руку какому-нибудь разбойнику.

— Монтумес, вы не осмелитесь...

— Мы с вами давно знакомы, судья. Мы руководствуемся исключительно государственными интересами. Вам же совсем ни к чему, чтобы я расследовал вопрос о том, кто был автором анонимного послания. Этот судья весьма обременителен, а Мемфис любит покой.

Пазаир прервал их диалог.

— Вам не следовало покушаться на судью. Я вернусь и доберусь до истины. Именем фараона клянусь, я вернусь!

Старший судья царского портика закрыл глаза и заткнул уши.

***

Сходя с ума от волнения, Нефрет кинулась расспрашивать жителей квартала. Кое-кто слышал крик Северного Ветра, но никто понятия не имел, куда мог запропасться судья. Дали знать Сути, но и он ничего не смог выяснить. Дом Беранира был заперт. Совершенно растерявшейся Нефрет ничего не оставалось, как обратиться с старшему судье царского портика.

— Господин судья, сегодня исчез Пазаир.

Казалось, новость поразила судью.

— Что значит исчез? Успокойтесь: он выполняет секретную миссию в рамках своего расследования.

— Где он?

— Если бы даже я знал, все равно не имел бы права вам об этом сказать. Но он меня в тонкости не посвящал, и куда он мог направиться, мне неизвестно.

— Он мне ничего не сказал!

— И правильно сделал. В противном случае он был бы достоин осуждения.

— Он ушел ночью, не сказав ни слова!

— Наверное, хотел избавить вас от тягот прощания.

— Послезавтра мы должны были переехать в дом Беранира. Я хотела с ним поговорить, но, кажется, он уже на пути в Карнак.

Верховный судья помрачнел.

— Бедное дитя... Так вы ничего не знаете? Беранир скончался нынче ночью. Его бывшие коллеги собираются устроить великолепные похороны.

Зеленая обезьянка больше не резвилась, пес отказывался от пищи, в больших глазах осла стояли слезы. У Нефрет, сраженной смертью Беранира и исчезновением мужа, не было сил что-либо предпринять.

Ей на помощь пришли Сути и Кем. Оба бегали из казармы в казарму, из конторы в контору, от чиновника к чиновнику, чтобы хоть что-нибудь разузнать о порученной Пазаиру секретной миссии. Но двери перед ними закрывались, а уста хранили молчание.

Теперь, оставшись одна, Нефрет осознала, как сильно она любила Пазаира. Долгое время она сдерживала свои чувства, боясь поступить легкомысленно. Настойчивость молодого человека день ото дня разжигала их все сильнее. Теперь все ее существо было слито с Пазаиром, друг без друга они были обречены угаснуть. Вдали от него ее жизнь теряла всякий смысл.

***

Вместе с Сути Нефрет отнесла лотосы в заупокойную часовню Беранира. Учитель не ушел в небытие, теперь он будет одним из мудрецов, соединившихся с воскресшим солнцем. В нем его душа почерпнет энергию, необходимую для постоянного преодоления пути из потустороннего мира в гробницу, и будет продолжать источать свет.

От волнения Сути был не в силах молиться. Он вышел на свет, подобрал камень и швырнул его вдаль.

Нефрет положила руку ему на плечо.

— Он вернется, я уверена.

— Уже раз десять я пытался прижать этого проклятого судью царского портика к стенке! Он ускользает, как змея. «Секретное расследование» — только и знает, что повторять эти два слова. Теперь он отказывается меня принять.

— Что ты задумал?

— Хочу отправиться в Азию и найти Пазаира.

— Не имея ни малейших зацепок?

— У меня остались друзья среди военных.

— Они тебе помогли?

Сути опустил глаза.

— Никто ничего не знает: Пазаир как сквозь землю провалился! Представляешь его отчаяние, когда он узнает о смерти учителя?

Нефрет стало холодно.

С тяжелым сердцем они покинули кладбище

***

Павиан жадно грыз куриную ногу. Обессиленный Кем вылез из чана с теплой водой и

надел чистую набедренную повязку.

Нефрет принесла ему мяса и овощей.

— Я не голоден.

— Сколько времени вы не спали?

— Дня три, а может, и больше.

— Ничего нового?

— Ничего. Я лез из кожи вон, но все, к кому я обращался, словно онемели. Я уверен только в одном: Пазаира нет в Мемфисе.

— Значит, он отправился в Азию...

— Не сказав об этом вам?

***

С крыши большого храма Птаха Рамсес Великий смотрел на город — порой беспокойный, но всегда веселый. За белой стеной простирались зеленые поля, окаймленные пустыней, где обитали мертвые. После десятичасового ритуала властитель захотел побыть один, вкусить живительную вечернюю прохладу.

Ни во дворце, ни при дворе, ни в провинциях ничего не изменилось. Казалось, угроза прошла стороной, словно ее унесло течением реки. Но Рамсес помнил пророчества старого мудреца Ипувера, предвещавшие, что свершатся кровавые преступления, что будет осквернена великая пирамида и что секреты власти попадут в руки горстки безумцев, готовых разрушить тысячелетнюю цивилизацию ради достижения своих честолюбивых целей.

В детстве, читая знаменитый текст под строгим присмотром наставника, он возмущался столь мрачным взглядом на вещи. Если ему доведется царствовать, он никогда такого не допустит! В своем тщеславии и легкомыслии он упустил из виду, что никто, будь то даже сам фараон, не властен искоренить зло в людских сердцах.

Ныне, более одинокий, чем путник, заблудившийся в пустыне, — хотя сотни придворных воскуряли ему фимиам, — он должен был побороть беспросветный мрак, готовый вот-вот закрыть солнце. Рамсес мыслил достаточно здраво, чтобы не тешить себя иллюзиями; борьба была заранее проиграна, поскольку он не знал врага в лицо и был вынужден бездействовать.

Пленник в собственной стране, жертва, обреченная на самое страшное поражение, дух, затронутый неизлечимым недугом, — он, самый обожаемый царь Египта, чувствовал, как его тянет ко дну, словно он ступил в мутные воды зловонного болота. Теперь, чтобы сохранить достоинство, оставалось только принять свою судьбу, не издав ни одного трусливого стога.

***

Когда заговорщики встретились, на их лицах играли довольные улыбки. Они вместе воздали должное избранной стратегии, которой сопутствовала удача. Разве победителям не

пристало везение? Если и случалось им порой критиковать друг друга или досадовать по поводу чьего-нибудь неосторожного поступка, теперь эти замечания были ни к чему, ибо наступал период торжества, предвещающий рождение нового Египта. Пролитая кровь забыта, последние сомнения улетучились.

Каждый сделал свою часть работы, никто не оступился под напором судьи Пазаира; не поддаваясь панике, группа заговорщиков продемонстрировала сплоченность — ценное качество, которое необходимо сохранить при грядущем, уже недалеком распределении власти.

Оставалось позаботиться только об одной формальности, чтобы окончательно отогнать призрак судьи Пазаира.

***

Крик осла посреди ночи предупредил Нефрет о приближении чужого. Она зажгла светильник, открыла ставни и выглянула в окно. В дверь стучали двое солдат. Они обернулись к ней.

— Вы Нефрет?

— Да, но...

— Пожалуйста, следуйте за нами.

— С какой стати?

— Приказ начальства.

— А если я откажусь?

— Нам придется применить силу.

Смелычак зарычал. Нефрет могла бы позвать на помощь, разбудить весь квартал, но она успокоила пса, набросила на плечи платок и вышла из дому. Появление двух солдат скорее всего было как-то связано с миссией Пазаира. До осторожности ли было, если она могла наконец получить хоть какуюто достоверную информацию.

Быстрым шагом они прошли через спящий город в направлении главной казармы. Благополучно добравшись до места, солдаты передали Нефрет офицеру, а тот, ни слова не говоря, отвел ее в контору полководца Ашера.

Он сидел на циновке в окружении развернутых свитков и был поглощен работой.

— Садитесь, Нефрет.

— Я лучше постою.

— Хотите теплого молока?

— Чем вызвано это приглашение в столь неурочный час?

В голосе полководца почувствовался напор.

— Вам известна причина отъезда Пазаира?

— Он не успел со мной об этом поговорить.

— Какое упрямство! Не смог смириться с поражением и захотел разыскать то самое несуществующее тело! Почему он преследует меня с такой ненавистью?

— Пазаир — судья, ему нужна истина.

— Истина была выявлена на процессе, но ему она не понравилась! Для него главное было меня уличить и опозорить.

— Ваши эмоции меня мало интересуют, полководец. Больше вы ничего не хотите мне сказать?

— Хочу, Нефрет.

Ашер развернул свиток.

— Это донесение, скрепленное печатью верховного судьи царского портика; факты проверены. Я получил его меньше часа назад.

— И что... там написано?

— Что Пазаир мертв.

Нефрет закрыла глаза. Ей захотелось угаснуть в одно мгновение, закрыться, подобно увядшему цветку лотоса.

— Несчастный случай на горной тропе, — объяснил полководец. — Пазаир не знал местности, но со свойственной ему опрометчивостью кинулся в безумную авантюру.

Слова застряли в горле, но Нефрет знала, что должна задать вопрос.

— Когда будет доставлено тело?

— Мы ведем поиски, но это безнадежно; реки в тех краях бурные, а ущелья неприступные. Я склоняюсь перед вашим горем, Нефрет; Пазаир был выдающимся человеком.

***

— Правосудия не существует, — сказал Кем, складывая оружие.

— Вы видели Сути? — спросила Нефрет встревоженно.

— Он все ноги стопчет, но не успокоится, пока не найдет Пазаира; он убежден, что его друг не умер.

— А если...

Нубиец покачал головой.

— Я продолжу расследование, — заявила она.

— Бесполезно.

— Зло не должно восторжествовать.

— Оно всегда торжествует.

— Нет, Кем. Если бы это было так, не было бы Египта. Справедливость — основа этой страны, ее торжества всегда добивался Пазаир. Мы не можем смириться с ложью.

— Я буду с вами, Нефрет.

***

Нефрет опустилась на землю на берегу канала, там, где она впервые встретила Пазаира. Приближалась зима, сильный ветер теребил бирюзу у нее на шее. Почему драгоценный талисман не смог ее уберечь? Девушка неуверенно потерла камень между большим и указательным пальцами, думая о богине Хатхор — матери бирюзы и покровительнице любви.

Появились первые звезды, на землю заструился свет из иного мира; она вдруг остро ощутила присутствие любимого человека, словно граница смерти постепенно стиралась. Безумная мысль превратилась в надежду: ведь душа Беранира, убиенного учителя, наверняка

печется о его ученике.

Да, Пазаир вернется. Египетский судья рассеет мрак, чтобы снова воссиял свет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Примечания

Тутмос IV (1412–1402 до н. э.) уснул у подножия сфинкса после охоты в пустыне. Во сне сфинкс заговорил с ним и пообещал, что, если Тутмос освободит его от песка, он станет царем. Обе стороны сдержали слово. Повествующая об этом событии стела цела до сих пор.

Разновидность базальта. Один из самых твердых камней, который египтяне умели обрабатывать.

Хотя нефть была известна в Египте, использование ее не приветствовалось.

Существование этого коридора, о котором свидетельствуют древние источники, относится к разряду гипотез; до сих пор никаких раскопок не производилось.

Небесное железо — железо метеоритного происхождения.

Слова песни и клички коров написаны на рельефах гробниц Древнего Царства.

Маат символически изображалась как сидящая женщина со страусовым пером на голове; она воплощала небесную гармонию.

Подобная сцена изображена на одном барельефе — осел был любимым помощником человека в Древнем Египте.

В Древнем Египте много путешествовали, используя прежде всего естественную водную магистраль, а также проселочные дороги и пустынные тропы. Фараон должен был обеспечить безопасность путешественников.

Мина (Менес) был первым фараоном, объединившим Верхний и Нижний Египет. Его имя означает «прочный».

Персея — большое дерево с плодами, известными своим сладким вкусом; форма плода напоминает сердце, а форма листа — язык.

Натрон — природное соединение карбоната и бикарбоната натрия.

Это выражение встречается в «Книге мертвых», где оно обозначает различие между праведным и неправедным.

Бебет (*Inulagraveolens* — лат.) — растение, разновидность девясила.

Кинамон — ароматический кустарник, из некоторых видов которого получают корицу;
здесь: ароматическое вещество.

Калам — тростник с заостренным концом, использовавшийся для письма.

Обычный режим работы египтян.

Весьма впечатляющий дозорный павиан, хватающий вора, изображен на одном из рельефов гробницы Тепеманха, хранящемся в Каирском музее.

В Египте была изобретена первая модель наручных часов — переносные водные часы, использовавшиеся специалистами, для которых отсчет времени был необходим.

Маятник. Известно также, что лозоходцы искали источники воды при помощи прутиков. Есть сведения, что некоторые фараоны, например Сети I, обладали выдающимися биолокационными способностями и могли находить воду в пустыне.

Циратония — дерево, которое дает плоды — стручки со сладким соком, воплощавшим в глазах египтян само понятие «сладость».

Текст «тайны целителя» был известен всем практикующим врачам и составлял основу их науки.

Арабы не уничтожили эту статую Сехмет, потому что она наводила на них ужас; они называли ее «карнакским чудовищем». Увидеть ее можно и сейчас в одной из молелен храма Птаха.

Сути цитирует начало одной из книг мудрости, которые читали и переписывали ученики-писцы.

В Египте воробей из-за своей вечной суетливости и чрезмерной плодовитости считался одним из символов зла.

Это классическая басня. В египетских баснях черпал вдохновение Эзоп, позднее они получили воплощение у Лафонтена.

Поглотитель теней — буквальный перевод египетского выражения, означающего «убийца».

Такие маски надевали жрецы, исполнявшие роли богов во время ритуальных действий.

Человек-сокол — египетское выражение, более или менее соответствующее нашему «оборотень».

Терпентин — разновидность фисташкового дерева, смола которого использовалась в медицине и ритуальных действиях.

Амулеты — фигурки, чаще всего фаянсовые, с изображениями божеств, символов, вроде знака жизни или сердца и т. п. Египтяне носили их, чтобы уберечь себя от вредоносных сил.

Беранир приводит своему ученику слова мудрецов, собранные в «Поучениях» в форме наставлений.

Кориандр — растение, сушеные плоды которого используются как пряность.

При храмах существовали специальные помещения, где ставились опыты и изготавливались различные виды лекарств, о которых известно очень мало: это связано с трудностями перевода технических терминов.

Абидос — город в Среднем Египте, где по сей день можно любоваться величественным храмом Осириса.

Ладан — ароматическое вещество, получаемое из камеди-смолы.

Дерево было довольно редким материалом в Египте, поэтому ценилось высоко.

Речь идет о Рамессеуме — заупокойном храме Рамсеса II на западном берегу Фив, который призван был обеспечить фараону «миллионы лет» царствования в загробном мире.

Царские стены — комплекс оборонительных сооружений, защищавший северо-восточную границу Египта.

Бедуины вместе с ливийцами постоянно были причиной волнений, которые египтяне подавляли со времен первых династий. В древние времена египтяне называли этих кочевников «те, что на песке».

Средиземноморские разбойники иногда оставляли свое опасное ремесло и вербовались наемниками в египетскую армию.

Известно, что один визирь был отстранен от должности из-за того что, боясь обвинения в покровительстве своим близким, повел себя по отношению к ним несправедливо.

Поучения — сборники мудрых изречений, передававшиеся из поколения в поколение.

Супружеская измена считалась серьезным проступком, ибо предполагала нарушение данного слова, в то время как брак зиждился на обоюдном доверии.

Сыть — душистый тростник.

Текст, высеченный на стелах, устанавливавшихся в храмах.

Несколько экземпляров этой почетной награды были найдены при раскопках. Муха олицетворяла воинственность и упорство настоящего солдата.

Дейр-эль-Бахри — место на западном берегу Фив, знаменитая царица Хатшепсут построила огромный храм, сохранившийся по сей день.

Фараон был главным жрецом в Египте; только он мог поддерживать связь между людьми и божественным миром. Во многих египетских храмах духовные лица исполняли ритуалы от лица фараона.